

Себастьян Маас

БОРЕЦ ЗА ТРЕТИЙ РЕЙХ

Артур Мёллер ван ден Брук и его кружок

(С предисловием Алена де Бенуа)

Издательство Регин-Ферлаг, Киль, 2010 г.

КИЛЬСКИЕ ИДЕЙНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ТОМ II

Сокращенный перевод с немецкого.

Издательство Регин-Ферлаг благодарит за научное сотрудничество при создании этого тома, а также за перевод предисловия с французского языка Альфреда Пашека.

Об авторе:

Себастьян Маас родился в 1981 году, изучал политические науки, педагогику и историю в университетах Констанца и Тюбингена, уделяя основное внимание новейшей истории идей и истории философии. Занимался исследованиями таких тем, как Консервативная революция и Новые правые. Основное исследование Мааса о жизни и творчестве немецкого консервативного революционера Эдгара Юлиуса Юнга (1894-1934) вышло в 2009 году под названием [«Другая немецкая революция»](#) в академической серии «Кильские идейно-исторические исследования» (KIGS) в качестве первого тома серии и обратило на себя внимание широкой публики. В 2010 году последовали публикации об Артуре Мёллере ван ден Бруке («Борец за Третий Рейх») (KIGS 2), и об Отмаре Шпанне ([«Третий путь и истинное государство»](#)) (KIGS 3), в 2011 году вышла монография о консервативном революционере Вильгельме Штапеле, «Сильное государство и Тевтонская империя» (KIGS 4).

О книге:

Артур Мёллер ван ден Брук (1876-1925) своей книгой «Третий Рейх» (1923) дал имя целой приходящей эпохе. Но ведущему мыслителю младоконсерваторов при этом виделся совсем другой Рейх, отнюдь не тот, который стал реальностью в 1933...

Труды Мёллера ван ден Брука – в частности, его видение «третьей империи» – оказали на Консервативную революцию долговременное влияние и также после его смерти в 1925 году развивали живую силу воздействия. Круг радикальных теоретиков распространял мысли Мёллера и вырабатывал на основе его идей собственные программы, которым предстояло стать плодотворными в интеллектуальных националистических кругах и объединениях пропагандистской борьбы.

Каждый из этих «борцов за Третий Рейх» видел и подчеркивал свои основные моменты, но всех их объединяло одно: безусловное отрицание либеральной системы и западного парламентаризма.

Эта монография, вышедшая в год 85-летия со дня смерти Мёллера ван ден Брука, кратко представляет мировоззрение этого консервативного культурного критика, а также его деятельность и деятельность мыслителей из его окружения, которые находились под его влиянием. Автор Себастьян Маас исследует концепцию «Третьей империи» Мёллера ван ден Брука и в структурированной

форме представляет его мировоззренческие предпосылки. Важная статья «В либерализме гибнут народы», которая в сжатом виде содержит радикальную критику Мёллером ван ден Бруком катастрофической ситуации в Веймарской республике, приведена в полном виде в приложении к этой книге.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ: МЁЛЛЕР ВАН ДЕН БРУК – АНТИЛИБЕРАЛ. (Ален де Бенуа)

1. ВВЕДЕНИЕ

2. ФРИДРИХ НИЦШЕ

3. БИОГРАФИЯ АРТУРА МЁЛЛЕРА ВАН ДЕН БРУКА

4. «ДВИЖЕНИЕ КОЛЬЦА»

4.1 Вступление

4.2 Организационные структуры «Кружка Кольца»

4.2.1 «Объединение за национальную и социальную солидарность»

4.2.2 «Антибольшевистская лига»

4.2.3 «Июньский клуб»

4.2.4 «Политический колледж»

4.2.5 «Немецкий клуб господ»

5. БЕРЛИНСКИЙ КРУЖОК ВОКРУГ МЁЛЛЕРА ВАН ДЕН БРУКА

5.1 Генрих фон Гляйхен

5.2 Эдуард Штадтлер

5.3 Мартин Шпан

5.4 Макс Хильдеберт Бём

5.5 Хайнц Браувайлер

5.6 Вальтер Шотте

6. РЕЗЮМЕ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

7. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА МЁЛЛЕРА ВАН ДЕН БРУКА

7.1 «Третий Рейх»

7.1.1 Предисловие («Дорогой Гляйхен»)

7.1.2 Революционер

7.1.3 Социалист

7.1.4 Либерал

- 7.1.5 Демократ
 - 7.1.6 Пролетарий
 - 7.1.7 Реакционер
 - 7.1.8 Консерватор
 - 7.1.9 Третий Рейх
 - 7.2 «Право молодых народов»
 - 8. ОРИЕНТАЦИЯ НА ВОСТОК
 - 9. ПОНЯТИЕ РАСЫ У МЁЛЛЕРА ВАН ДЕН БРУКА
 - 10. МИФ ИМПЕРИИ
 - 11. РЕЗЮМЕ ВТОРОЙ ЧАСТИ
 - 12. ПРИЛОЖЕНИЯ
 - 12.1 «В либерализме гибнут народы» (Артур Мёллер ван ден Брук)
 - 12.2 Список членов «Кольца» в 1925/26
 - 12.3 Списков референтов «Политического колледжа» в 1922/23
 - 13. БИБЛИОГРАФИЯ
 - 13.1 Вторичная литература
 - 13.2 Источники
-

МЁЛЛЕР ВАН ДЕН БРУК – АНТИЛИБЕРАЛ

Ввиду того факта, что написать это предисловие было в моем лице предложено французу, я хотел бы сначала сказать несколько слов об отношении Артура Мёллера ван ден Брука к Франции.

Молодой Мёллер приехал во Францию в 1902 году, в возрасте 26 лет, чтобы ускользнуть от военной службы (что не помешало ему в 1914 году пойти в армию добровольцем), а также намереваясь позже продолжить свое путешествие в Соединенные Штаты и поселиться там. В Париже он вел беспокойный образ жизни представителя богемы. Во французской столице, в которой он снова встретился с Францем Эверсом и Максом Дотендеем, он часто отправлялся в среду «Beaux Arts» и познакомился с художником Эдвардом Мунком, которого он очень ценил. Там он также встретил свою вторую жену, молодую лифляндку по имени Люси (Элизабет) Керрик. Она познакомила его с русским поэтом Дмитрием Сергеевичем Мережковским, под влиянием которого он столкнулся с творчеством великого Федора Михайловича Достоевского, которое он вскоре

после этого перевел на немецкий язык и с 1905 по 1915 опубликовал как редактор полное собрание его сочинений в издательстве Райнхарда Пипера.

Кроме того, это было время, когда у него развился – если так можно выразиться – «национальный» взгляд на его отечество. Мёллер ван ден Брук был явно поражен тем, что во Франции о политике «думали», и что эта политика оказывала отчетливое влияние на культуру страны – совсем не так, как в Германии. Именно это побудило его тогда высказаться в защиту национализма, в котором, однако, не было никаких следов ни национального шовинизма, ни пангерманизма. Тот самый эстет, который до тех пор с отвращением относился как к бюрократии эпохи Вильгельма II, так и к пафосу «поколения 1888», теперь развивал публицистическую активность.

Он начал работу над своим великолепным восьмитомным трудом «Allemands illustres», который, позднее переделанный, вышел под заголовком «Немцы» в нескольких томах между 1904 и 1907 годами. Его друг Ганс Шварц позже благоклонно называл его «немецким Плутархом». В своем письме к Фридриху Швайссе от 16 февраля 1920 Мёллер охарактеризовал это восьмитомное произведение как «воспитательное творение, которое должно было внушить нации сознание самой себя, произведение, которое исследует историю с целью раскрыть миссию». В то же самое время он опубликовал также эссе о французском театре, где констатировал его заметный упадок.

Мёллер покинул Францию в 1906 году, чтобы поселиться в Италии. Его отъезд вызвал меньше интереса, чем вызвало еще его прибытие; сегодня его имя уже больше не известно широкой французской общественности.

«Третий Рейх» долго оставался единственной книгой Мёллера, которая была переведена на французский язык. Этот перевод появился действительно рано, в год прихода национал-социалистов к власти, и, вероятно, только по причине заголовка книги, который, как известно, оставлял много места для абсурда и недоразумений. В действительности у Мёллера идея «третьей империи» не имела ничего общего с национал-социализмом, а относилась скорее к «третьему пути», который был видением Мёллера для Германии, естественное геополитическое назначение которой как «срединной страны» было бы являться «третьей силой» в центре континента. «Третий Рейх» был для него, прежде всего, еще ждущей своей реализации идеей, которая походила на «снятие» Гегеля, «идеей синтеза, прекращения противоречий». В дальнейшем также возможно, что выражение «третья империя» было избрано в память об учении Иоахима Флорского (монаха двенадцатого века). Следовательно, все те, кто сегодня называют Мёллера ван ден Брука «пионером национал-социализма», совершают фундаментальную ошибку.

В этом месте я хотел бы указать на отсутствие последующих переводов на французский язык; недостаток, который я сам в 1993 году попробовал устранить в форме содержательной антологии с текстами Мёллера. Этот сборник охватывает двадцать текстов и преимущественно содержит выдержки из «Права молодых народов» (1919), «Политического человека» (1933), «Отчета о России» (1933), «Социализма и внешней политики» (1933) и «Вечной империи» (1933). Это произведение предлагает, как я думаю, хороший обзор идей Мёллера относительно таких тем, как «молодые народы», Россия, прусский социализм, а также понятие империи (Рейха). Наряду с детальной библиографией эта антология содержит подробное предисловие, в котором я – в существенно расширенной форме – воспроизвел материал моего эссе, которое было опубликовано тринадцатью годами раньше и даже вышло в форме маленькой монографии на итальянском языке.

В отношении вторичной литературы полный обзор сделать нетрудно. Об Артуре Мёллере ван ден Бруке во Франции вышло всего лишь две книги. Первая из них это перевод весьма посредственной книги Стэна Лориссена «The Man Who Invented the Third Reich» (1999). Вторая, напротив, – умное и в высшей степени содержательное исследование Дениса Гёльделя «Moeller van den Bruck (1876-1925), un nationaliste contre la révolution: Contribution à l'étude de la «Révolution conservatrice» et du conservatisme allemand au XXe siècle» (1984), исследование, которое хоть и очень далеко от симпатий к идеям Мёллера, но зато замечательно уже по причине объема своей документации. Большая заслуга Гёльделя в том, что он в основу своего труда положил множество книг и статей о Мёллере, из-за чего его исследование особенно богато источниками и обосновано. (Основой этого произведения послужила диссертация Гёльделя, которую он представил в 1980 году в университете Меца, и она охватывает три тома, насчитывающие в целом более 1100 страниц).

Кроме того, нужно заметить, что немецкоязычная работа француза Мишеля Грюневальда «Философия истории Мёллера ван ден Брука» (2001) также имеет большое значение и богата интересными размышлениями, однако она никогда не была переведена на французский язык.

* * *

Сегодня к работам Мёллера принято относиться критически. Тем не менее, и это наиболее примечательное у этого автора, жизнь которого была короткой – ему не было и пятидесяти лет, когда он покончил с собой в 1925, а его политически активное время было еще короче – меньше десяти лет – нужно как признать его чрезвычайную плодовитость во всех областях, так и осознать его не менее удивительную сегодняшнюю актуальность.

Артур Мёллер ван ден Брук как писатель и как духовидец, как эстет и как теоретик, защищал дело немецкого национализма столь же настойчиво, сколь и умно. Во время своих многочисленных поездок за границу он накопил большой и разнообразный опыт, чтобы в интеллектуальном плане не поддаться узколобому шовинизму. Он остерегался расистских заблуждений народно-национальной формы – на примере Пруссии он выучил, что история стоит выше расы – и он со своим выступлением в пользу «молодых народов» боролся на стороне тех наций, для которых выражение «Третий мир» сегодня больше не употребительно; таким образом, Мёллер был сторонником деколонизации.

Мёллер больше не объединяет консерваторов и реакционеров, наоборот, он противостоит им. При этом нужно обратить внимание на то, что он – по ту сторону традиционного антикоммунизма правых кругов – осознал, что Германия и Россия образуют «общность судьбы»; засомневаться в этом его не заставила даже революция 1917 года. Этот взгляд делает его мысли сегодня, через двадцать лет после разрушения Советского Союза, даже более актуальными, чем прежде.

Мёллер, который с 1919 года представлял собой как бы вывеску «Июньского клуба», а также еженедельника «Совесть» («Das Gewissen», позже просто «Gewissen») и был одним из самых важных деятелей младоконсервативного течения Консервативной революции, заслужил признание, в первую очередь, тем, что не предавался обману о своем противнике. В отличие от тех, которые отвергали любую форму демократии, Мёллер настаивал на «немецкой демократии», которая была бы совместимой с национальной традицией Германии, и определял демократию как «участие народа в своей судьбе»; это как раз та формула, которая также все еще актуальна в эпоху, в которой партиципаторная демократия – прямая демократия, базовая демократия, настоящая народная демократия – образует естественное дополнение и, прежде всего, поправку к представительной и парламентской демократии.

Но самое главное у Мёллера содержится, вероятно, в его основанной на конкретных аргументах и часто глубокой критике либеральной идеологии. Если есть какой-то *один* его текст, который заслуживает того, чтобы снова перечитать его сегодня, то это, наверное, его прямое обвинение либерализма: «В либерализме гибнут народы», текст, который без сокращений приведен в приложении к этой книге. Первоначально он был опубликован в 1922 году как вступление его книги «Новый фронт». Здесь проявляется прозорливость Мёллера ван ден Брука, ибо этот текст оказался поистине пророческим. Коммунизм подавляет народы, такова основная мысль Мёллера, но либерализм уничтожает их. Это как раз то, что мы сегодня видим ежедневно: Глобализация, которая опирается на либеральную идеологию прав человека и парадигму рынка, которая осу-

ществляет планетарную экспансию всемирной концепции коммерции, повсюду уничтожает те общие ценности, которые не могут делаться объектом свободной торговли, вследствие чего уничтожаются корни органически развившихся культур и образов жизни.

«В либеральном человеке немецкая молодежь узнает врага», писал Мёллер. Это та фраза, которую должны записать себе в книгу для памятных записей все те консерваторы, которые вчера ради антикоммунизма обратились к либерализму, и которые еще сегодня в еще большем числе преклоняются перед оппортунизмом, бессовестностью, невежеством или безразличием, господством капитала и идеологией прибыли – не осознавая при этом, что как раз этот либерализм, который они защищают, разрушает все то, что они, собственно, хотят сохранять.

О Мёллере ван ден Бруке вышло уже достаточно много книг. Данная книга Себастьяна Мааса имеет то преимущество, что она является одновременно содержательной и хорошо информированной и выражает, кроме того, полную свободу духа. В первой части книги достаточно подробно описывается кружок вокруг Мёллера (Генрих фон Гляйхен-Русвурм, Эдуард Штадтлер, Мартин Шпан, Макс Хильдеберт Бём, Хайнц Браувайлер, Вальтер Шотте). Собственно биографии Мёллера Маас уделяет совсем немного места, предпочитая анализировать мир его идей. Во второй части автор концентрируется на политическом творчестве, представляет, прежде всего, самые важные идеи Мёллера, особенно его основные мысли из «Третьего Рейха», многообещающий синтез которого он дает. Чтение его книги представляет собой великолепное введение в идеи Артура Мёллера ван ден Брука, и Маас пробуждает в своих читателях, как я надеюсь, по крайней мере, желание узнать больше о предмете его исследования.

Париж, январь 2010 года
Ален де Бенуа

1. ВВЕДЕНИЕ

Армин Мёлер в своей появившейся в 1950 году диссертации «Консервативная революция в Германии в 1918-1932» указывает на то, что существовало отдельное консервативное идейное движение, которое вопреки определенным пересечениям нужно точно отделять от национал-социализма. Это кажется тем более примечательным, что консервативные позиции часто слишком необдуманно клеймятся как якобы «фашистские» и в идейно-историческом отношении близкие к национал-социализму. За прошедшее время это основное произведение Мёлера было много раз переиздано и представляет собой незаменимое вспомогательное средство для исследования Консервативной революции; после смерти автора его труд продолжает историк Карлхайнц Вайсман. Под термином

«Консервативная революция» Мёлер объединял «младоконсерваторов», «национальных революционеров», «народных националистов («Фёлькише»», «Бюндише» и «Ландфолькбевегунг» (крестьянское движение). Поэтому интересно определить общие идеологические основные моменты, к которым можно было бы присоединить эти категории.

Важная общность – это отрицание тех идеологических концепций Просвещения, которые пропагандировались и институционализировались в рамках Французской революции (1789). По мнению Мёлера, вместе с революцией был запущен процесс, в результате которого христианство – как самая важная идейная исходная точка Запада – пало жертвой секуляризации. При этом победоносная просветительская идея прогресса относительно исторического мышления следует тому же линейному принципу, что и христианство, но если в христианстве этот принцип основывается на истории спасения, то в Просвещении он основывается чисто на имманентном мире. Так же как христианское мышление прочертило линию от жертвенной смерти Христа к спасению в потустороннем мире, так и мышление прогресса полагало, что от нынешнего несовершенного положения ведет прямая дорога в лучшее будущее. В противоположность этому в мистическое дохристианское время якобы преобладало циклическое понимание истории. В учении Фридриха Ницше о «вечном возвращении одного и того же» снова был подхвачен этот антимодернистский взгляд. Консервативная революция включила циклическое мышление Ницше в свое мировоззрение, и поэтому она не согласуется с линейно мыслящим христианством: «Названное именем Ницше движение, которое направлено против тех форм секуляризации христианства и по своей глубинной сути представляется нам направленным против христианской картины мира вообще, мы обобщаем под именем «Консервативная революция». Ответственный за «смерть Бога» нигилизм ни в коем случае нельзя в пределах циклической системы интерпретировать как точку исторической кристаллизации. Скорее после «переоценки всех ценностей» пришло время для трансцендентного мира ценностей. В соответствии с этим Консервативная революция после крушения христианского мира также стремилась бы к новым ориентирам.

Эту интерпретацию Мёлера критиковали как представители Консервативной революции, так и современные историки. Тем не менее, термин «Консервативная революция» утвердился в истории, но, все же, идеологическое позиционирование происходило с различных точек зрения. Так Мартин Грайффенхаген в своей книге «Дилемма консерватизма в Германии» констатировал, что революционная мысль с самого начала была заложена в немецком консерватизме. Немецкий консерватизм, по его мнению, понимал, что непрерывность с постлиберальными общественными состояниями давно была разрушена, из-за чего он решил стать революционным. Вместе с тем консерватизм трансформировался

в антилиберальное модернистское движение, из-за чего его первоначальная форма фактически закончилась: «Консерватизм, согласно его собственному самопониманию, признает только органически выросшее, и в лице либерализма он борется с духом «делания», с производящим мышлением. В его революционной фазе, однако, он принуждается обнаруживать дух делания как господствующий у самого себя. Он вместе с тем должен осознать себя как аргументирующее в горизонте «движение», для которого понятие революции и понятие духа делания не исключают, а обуславливают друг друга». Вместо исторической непрерывности, которая отличала консерватизм, новый консерватизм опирался на лежащие все дальше в прошлом времена, например, на средневековые или времена древних германцев. Это связывало Консервативную революцию с рационалистами, которые тоже искали свой «Золотой век» в давно ушедших в прошлое первобытных обстоятельствах.

Также Клаус Эпштайн приходит к результату, что Консервативную революцию больше нельзя причислять к классическому консерватизму. В книге «Истоки консерватизма в Германии» он различает три идеальных типа консерватора: консерватора «статус-кво», который хочет сохранить нынешнее положение, реформаторского консерватора, который хочет умеренно модифицировать нынешнее положение, и реакционера, который, строго говоря, уже больше не несет никакого консерватизма в себе. Консервативная революция, по словам Эпштайна, не соответствовала ни одному из этих трех идеальных типов, из-за чего ее в будущем вовсе не стоит больше причислять к консерватизму.

В 1974 году Мёлер опубликовал статью под заголовком «Немецкий консерватизм после 1945 года», в которой он выдвинул тезис, что консерватизм в девятнадцатом веке прошел «осевое время». Если консервативное мышление в его ранний период еще было направлено на прошлое, то это коренным образом изменилось на протяжении «осевого времени». Теперь консерватизм осознал, что возвращение к более ранним ситуациям из-за доминирования других групп стало невозможным. Следовательно, он направил свой взгляд вперед.

Вайсман рассматривает Консервативную революцию в качестве «продолженного поиска немецкой всемирной альтернативы». Консервативная революция представляла, по его мнению, единство в том отношении, что она стремилась «сохранять немцев как самих себя, вернуть их к самим себе или сделать их самими собой». Эта интерпретация вполне справедлива для Консервативной революции, которую по причине ее гетерогенного содержимого трудно распределить по категориям. В конце концов, возвращение в мыслях к «немецкому духу», «немецкой самобытности» было тем фактором, который не оставлял без внимания ни один консервативный революционер.

Нижеследующее исследование для определения места младоконсервативного движения обращается, в первую очередь, к Артуру Мёллеру ван ден Бруку, ведущему уму этого движения. Самое позднее, с появлением его основного произведения «Третий Рейх», он стал главным идейным основателем младоконсервативного духовного направления. Выдающимся в Мёллере ван ден Бруке было то, что он в силу своей личности и своих неповторимых трудов смог собрать вокруг себя круг единомышленников, которому под названием «Кольцо» предстояло стать весьма эффективным. Чтобы лучше изобразить развернутую картину «Движения Кольца» вокруг Мёллера, особое внимание следует уделить тем младоконсервативным деятелям, которые внесли выдающийся вклад в создание этого кружка: Генриху фон Гляйхену, Эдуарду Штадтлеру, Мартину Шпану, Максу Хильдеберту Бёму, Хайнцу Браувайлеру и Вальтеру Шотте. Наряду с короткими биографическими справками и кратким описанием организационных основ «Кольца» преобладать при этом будет идейно-историческая перспектива. Сразу после этого предисловия отдельно будет рассмотрена философия Фридриха Ницше. Это представляется необходимым, так как мышление Ницше оказало очень сильное влияние на Консервативную революцию. Чтобы подчеркнуть чрезвычайную значительность Мёллера, его труды будут анализироваться более подробно, чем работы других членов его кружка. При этом более точному рассмотрению подвергнутся такие темы как ориентация на Восток, понятие расы и видение империи.

О Мёллере ван ден Бруке нет никаких более новых исследований с обширным научным подходом, из-за чего исследование Ганса-Йоахима Швиркотта 1962 года все еще представляет собой первый исходный пункт для интересующихся и исследующих. Кроме того, критическая работа Хельмута Рёделя 1939 года рассматривает тематику Мёллера с национал-социалистической перспективы и может быть привлечена для демонстрации контраста между младоконсервативным движением и национал-социализмом.

Но чтобы удовлетворить эту насущную потребность в актуальном исследовании, данная работа хотела бы провести интенсивный анализ жизни и творчества Мёллера ван ден Брука, к чему относится также рассмотрение позиций в «Движении Кольца», потому что даже внутри этого кружка вокруг Мёллера находится просто необъятный конгломерат мировоззренческих программ. Поэтому это исследование выберет важные пункты, чтобы смочь ясно выделить главные идеологические моменты. При этом мы не будем терять из виду разграничительную линию между Консервативной революцией и национал-социализмом. Это представляется тем более важным, что после окончания Второй мировой войны все больше усиливалась тенденция причислять все правые, оппонирующие Веймарскому государству силы к «фашистским» и приравнивать их к национал-социализму. Далее необходимо обратить внимание на то, насколько Кон-

сервативная революция была совместима с христианством, и на то, какую роль сыграла философия Ницше в происхождении младоконсервативного мировоззрения.

2. ФРИДРИХ НИЦШЕ

О жизни и философии Фридриха Ницше написано бесчисленное множество книг. Все же в этом месте необходимо особо выделить одно центральное исследование. Работа профессора Эрнста Нольте «Ницше и ницшеанство» с очень большой исторической точностью описывает биографию Ницше, его деятельность, и восприятие его идей до 1914 года. Нольте пытается показать внутреннюю борьбу Ницше и распределить эту борьбу по его творчеству, что не всегда дается легко. Ницше часто делал противоречащие друг другу высказывания, которые отражали его внутреннюю раздвоенность. Однако Нольте удается изобразить исторически аккуратную картину «поля сражения Ницше». Согласно Мёлеру, у философии Ницше было большое влияние на главных действующих лиц Консервативной революции, из-за чего ниже – наряду с кратким биографическим введением – будут представлены центральные философские идеи Ницше, которые можно найти также в неоконсервативном мышлении послевоенного времени.

Фридрих Ницше родился 15 октября 1844 года в семье протестантского священника в Рёккене под Лютценом. Уже в возрасте 24 лет он был приглашен в Базельский университет и получил ученую степень доктора (кандидата наук). В это время развивалась его дружба с Рихардом Вагнером. Ницше принимал участие во Франко-прусской войне (1870/71) как доброволец, но по причине болезни вынужден был уже через одну неделю снова вернуться в Базель.

В последующее время Ницше вырабатывал философские представления, которым суждено было оказать большое влияние на будущее поколение. В 1871 году он опубликовал «Рождение трагедии из духа музыки», произведение, «в котором можно найти почти все отправные точки для более позднего мышления Ницше». Основным тезисом этой работы является утверждение, что любое искусство – это борьба между Аполлоном и Дионисом. В терминологии Зигмунда Фрейда аполлоновское соответствовало бы «сверх-я», которое заботится о порядке и форме, дионисийское, напротив, сравнивается с «оно», что означает неконтролируемые и хаотичные инстинкты человека. Тем не менее, подчеркивание дионисийского стоит в противоречии к основам Просвещения, в котором «Ratio» (Аполлон) провозглашался единственным богом. Тем не менее, из «Рождения трагедии» можно вычитать, что акт творения всегда объединяет в себе также иррациональные элементы. Это главное допущение разделяли также

мыслители Консервативной революции, конкретные проекты которых по преобразованию государства и общества тоже всегда базировались на метафизически-дионисийских основах; так, например, народные националисты (Фёлькише) опирались на мифически преображенное время древних германцев, а младоконсерваторы тосковали по «Новому средневековью». Реформаторские предложения консервативных революционеров всегда дополнялись элементами, которые нельзя было обосновать рационально.

С вышедшей в апреле 1878 года работой «Человеческое, слишком человеческое» Ницше начал определенный интеллектуальный поворот тенденции. Теперь дионисийское было оттеснено на задний план, и кажется, как будто бы автор хотел открыть для себя «духовно-историческую фазу европейского Просвещения». У Рихарда Вагнера, искусство которого в «Рождении трагедии» еще было поднято до божественных сфер, новая книга Ницше вызвала непонимание и раздражение. Тем не менее, эта просветительская фаза, которая четко показывает внутреннюю борьбу Ницше, не была длительной. Самое позднее, с публикацией первой части его «Заратустры» в 1883 году, началась стадия развития, которую «лучше всего, пожалуй, можно было понять как радикализирующее возвращение к первому периоду». Труды этого позднего времени особенно показательны для контекста Консервативной революции, так как здесь антипросветительский момент Ницше обнаруживается в неприукрашенном виде. Особенно в «Так говорил Заратустра» (1883-85) содержатся самые важные мысли философа в сконцентрированной форме. Заратустра Ницше как отшельник удалился на десять лет в горы и возвращается теперь снова в мир людей. Он критикует современного человека, которого он обозначает как «Последний человек». «Последний человек» – это продукт Просвещения, индивидуалист чистой воды, который не признает никаких своих обязательств по отношению к окружающему его миру. Этот декадентский и секуляризованный человеческий тип своим нигилистским мировоззрением был ответственен за «смерть Бога». Но одновременно с осознанием нигилизма также появляется шанс вновь возвратиться к дионисийской жизни. Заратустра не только провозгласил «смерть Бога», но и показал путь к отказу от нигилистского существования: «сверхчеловек». Возвращение к традиционному христианству Заратустра Ницше исключал. Скорее вера в потусторонний мир должна была уступить место повторному открытию земной жизни. Только так могла бы окончиться вегетативная жизнь индивидуализированного человека, и было бы достигнуто «примирение с природой». В то же время «сверхчеловек» как провозвестник земного и подчеркивающего жизнь существования – это носитель «воли к власти». Однако «воля к власти» не может пониматься как стремление к господству ради него самого, а как воля к более высокому человечеству, которое может создавать смысл в земном мире.

В пророчестве о «сверхчеловеке» Заратустра выступал также против идеи равенства, которая противоречит естественным иерархиям. Также представители Консервативной революции видели в эгалитаризме главного врага иерархического порядка того общественного целого, к которому они стремились. Ницше рассматривал стремление к равенству христиан, социалистов и протагонистов Французской революции (1789) как «волю к власти неудачников».

Но со «сверхчеловеком» отнюдь не достигнут конец истории, так как «все сброшенное высоко вверх» должно снова упасть. Здесь в игру вступает идея «возвращения одного и того же», которая утверждает циклический ход истории. Если исходить, однако, из того, что все существовавшее возвращается, тогда либеральная мысль прогресса становится устаревшей. В этой системе мира, следовательно, нет места для христианства, которое чертит линию от распятия Иисуса Христа до Страшного Суда. Иудейско-христианское мышление привело, как особенно ярко представлено у Ницше в «Антихристе», непосредственно к нигилизму, в котором неполноценное стояло выше полноценного:

«Не нужно приукрашивать и вычищать христианство: оно вело войну на смерть против этого более высокого типа человека, оно сковало все основные инстинкты этого типа, оно дистиллировало из этих инстинктов зло, злого, – сильный человек как типично предосудительный, порочный, «отвергнутый человек». Христианство всегда стояло на стороне всего слабого, низкого, неудачного».

Уже когда философ умер 25 августа 1900 года, не было сомнений, что его мышление не останется без последствий в будущем поколении.

3. БИОГРАФИЯ АРТУРА МЁЛЛЕРА ВАН ДЕН БРУКА

Артур Мёллер ван ден Брук родился 23 апреля 1876 года в Золингене (Вестфалия) и был единственным ребенком в семье. Юный Мёллер в свои школьные годы оказался таким строптивым, что попытка получить порядочное гимназическое образование потерпела неудачу. В августе 1896 года двадцатилетний Мёллер переехал в Берлин, где он женился на Хедде Маазе. Благодаря наследству у Мёллера была возможность вращаться в нонконформистском обществе берлинских литераторов. По не очень очевидным причинам, вероятно, из отсутствия денег или в намерении избежать военной службы, Мёллер в 1902 году покинул немецкую столицу, чтобы прожить четыре года в Париже.

В 1906 году молодой писатель почти на один год отправился в Италию, и его пребывание там дало ему образное представление для его более позднего произведения «Итальянская красота» (1913). В этой книге он предпринял попытку

объяснить итальянское искусство от его античных предшественников до эпохи Возрождения как выражение жизни этого романского народа и населенного им пространства.

Прежнее пребывание во Франции повлекло за собой то, что Мёллер без разрешения не прошел военную службу, все же, власти предоставили ему возможность позже исполнить эту свою обязанность, причем публикация книги «Немцы» (с 1904) помогла ему правдоподобно доказать свою националистическую позицию. С осени 1907 года Берлин снова стал основным местожительством Мёллера. По состоянию здоровья военные власти отказались далее призывать его в армию, вследствие чего у него оказалось достаточно времени, чтобы путешествовать по многочисленным другим европейским странам. Эта фаза жизни Мёллера, характеризующаяся скорее художественным творчеством, закончилась с началом Первой мировой войны.

В его книге «Прусский стиль» (1916) автор обобщал то военное воодушевление, которое овладело в 1914 году всем народом. Даже если по содержанию эта книга не выходила за рамки истории искусства, она представляет собой публицистический поворотный пункт, который привел Мёллера к фундаментальной политизации.

После его службы ополченцем, для которой он не подходил по состоянию здоровья, в 1916 году последовало его назначение во Внешний отдел верховного командования сухопутных войск. В отличие от стран Антанты, немцы в Первой мировой войне располагали плохо организованным механизмом пропаганды. Созданный генералом Эрихом Людендорфом Внешний отдел должен был устранить этот недостаток. Так брошюра «Право молодых народов» (1919), которая должна была стать первой чисто политически ориентированной работой Мёллера, была заказана именно этим органом пропаганды.

Артур Мёллер ван ден Брук (1876-1925) в 1917 году

Конец войны в 1918 году привел к внезапному перерыву в направленной на общественность политической работе Мёллера. Он, однако, продолжал свое творчество в частных рамках и скоро стал важной ведущей личностью среди младоконсерваторов. Его основное произведение «Третий Рейх» 1923 года стало основным программным трудом консервативно-революционного движения. Так называемый «Июньский клуб» на берлинской улице Мотцштрассе, дом 22, был исходным пунктом для всех тех, которые симпатизировали политической программе Мёллера. Этот элитарный кружок в отличие от классической партии не ориентировался на массовую агитацию и участие в парламентской деятельности. Скорее решающее значение в нем придавали созданию метаполитических проектов и влиянию на видные политические личности.

Осенью 1924 года Мёллер после тяжелого истощения нервной системы попал в психиатрическую лечебницу. 30 мая 1925 года он, расшатанный продолжительной болезнью, выбрал самоубийство.

4. «ДВИЖЕНИЕ КОЛЬЦА»

4.1 Вступление

Мировоззренчески гомогенную основу весьма гетерогенно дифференцированных младоконсервативных групп и союзов отмечал избранный ими самими эле-

ментарный символ: кольцо. История «Движения Кольца» исследовалась в последние десятилетия в различных монографиях. Все еще важным является труд Ганса-Йоахима Швирскотта, где не только описывается жизнь и деятельность Мёллера, но и представлена живая картина развития «Движения Кольца». На этой основе появились работы Юдзи Ишиды и Бертольда Пецинны, которые более подробно занимаются отдельными аспектами истории кружка «Кольцо». Также нужно выделить исследование Манфреда Шёпса, который ставит в центр изложения «Немецкий клуб господ».

В своей рекламе 1924 года «Движение Кольца» так говорило о себе:

«Идея Кольца делает политическую попытку очевидной организации во главе с вождем, которая, однако, в ее внешней форме сохраняется совершенно свободной. При этой попытке мы стремимся выработать у национального верхнего руководящего слоя, который, пусть даже несовершенный, есть у нас в Германии, сознательное единство, поставить ему независимые от партийной политики и от парламентской тактики задачи и собрать его для решения больших национальных задач и настроить на совместную работу».

В противоположность намерению воздействия Веймарской партийной системы идея «Кольца» ориентировалась не на массовую агитацию, а на мировоззренческое объединение национальной элиты. Отказ от собственной партии можно объяснить преимущественно на основе младоконсервативного самопонимания. В отличие от немецких коммунистов или национал-социалистов младоконсерваторы не были готовы для ликвидации партийной системы ставить на легальную парламентскую стратегию. У объединяющего всех вместе символа кольца, принимая во внимание плюралистское построение младоконсервативных структур, был в этом отношении более глубокий смысл, так как движение по причине своего мировоззренческого расщепления постоянно было подвержено опасности утратить какую-либо возможность политического влияния. Однако, основная идея кольца была также важна для проблематики отмежевания от национал-социализма. Не подлежит сомнению, что младоконсерватизм отказывался от единообразной направляющей доктрины и поэтому едва ли мог гармонизировать с тоталитарными формами господства. Именно вольнодумцы и инакомыслящие, к которым можно причислить младоконсерваторов, в государствах Адольфа Гитлера и Иосифа Сталина часто подвергались самым тяжелым преследованиям, так как они отвергали соответствующую государственную доктрину.

Как, однако, «Движение Кольца» думало развивать свое реалистическое воздействие без государственного принуждения и без унификации? Уже во время Первой мировой войны выкристаллизовывались воспитательные программы,

которые с опорой на проект национального воспитания Иоганна Готлиба Фихте стремились к стабильной внутренней идентификации каждого отдельного человека с обществом в целом. Война интерпретировалась как большая поучительная пьеса. Благодаря ей духовные недостатки немецкого народа стали только более отчетливыми. Педагогическое направление основной цели «Движения Кольца» состояло в том, чтобы политизировать народ в этом отношении, чтобы его проявление как единой сплоченной нации снова стало бы возможным. По мнению ведущих фигур «Кольца», поражение немцев в Первой мировой войне и Веймарская конституция были предопределены вопиющей нехваткой вождей. Синтагма Эдгара Юлиуса Юнга «Господство неполноценных» иллюстрирует эту точку зрения. Поэтому также неудивительно, что воспитательная программатика младоконсерваторов имела своей целью создание высококачественного руководящего слоя: «Мы выигрываем время, чтобы планомерно обучить новое поколение интеллектуального и духовного стержневого слоя народа с помощью воспитания общности, которое порождает слой вождей, опирающийся на этот слой народа». Это значит, что, очевидно, не было намерения навязать народным массам некую определенную доктрину. Скорее «Кольцо» стремилось к созданию немецкого верхнего слоя, заданием которого должна была стать ответственность за духовную и национальную ценностную ориентацию. Как раз принимая во внимание партийно-политическую раздробленность немцев, в хаотичном Веймарском государстве считали, что сам по себе, предоставленный самому себе народ не сможет действительно сохранять ценности. Потому становится понятной ориентация на подготовку несущего культуру верхнего слоя.

С середины девятнадцатого столетия младоконсервативные деятели констатировали непрерывный упадок ценностей, который вызвал, по их мнению, не только поражение в Первой мировой войне, а, в конце концов, мог привести к тотальному разрушению культуры. И от способностей выдающихся личностей зависело, удастся ли противодействовать этому развитию.

Теперь, однако, возникает вопрос, на каких институционализированных основах должен был управлять этот несущий культуру верхний слой, к образованию которого так стремились. В «Движении Кольца» все были единодушно убеждены в непригодности парламентаризма, который считался механистическим и лишенным традиций, т.е. не опирающимся на историю или не выросшим органически. Под руководством Макса Хильдеберта Бёма и Хайнца Браувайлера формировалась сословная система как лейтмотив будущего общественного устройства. У этого были разные причины. Во взгляде на историю среди членов «Кольца» преобладала вера, что немцы со средневековья были жертвой непрерывного процесса культурного вырождения. Эта тенденция особенно усилилась из-за внедрения западных идей. Обращение к исконно немецкой системе порядка средневековой сословной системы соответствовало стремлениям создате-

лей программы «Кольца» к размежеванию. Западному либерализму так противопоставлялась специфически немецкая модель. Даже если ни один младоконсервативный политик не думал всерьез требовать возрождения средневековья реакционным способом, взрывоопасность этой ориентации несомненна: культ средневековья означал также акцент на иррациональном элементе и вместе с тем был генеральным наступлением на просвещенческий рационалистический ценностный мир Запада.

Другой важной причиной для пробуждения сословной идеи была угроза буржуазным и академическим привилегиям со стороны освобожденного от оков и проникнутого духом классовой борьбы пролетариата после крушения порядка империи Вильгельма II. Неконтролируемой марксистской агитации снизу нужно было противопоставить авторитарно установленный сверху сословный порядок. В профессионально-сословной иерархии, которая ставила сословие отдельного человека по отношению к целому в зависимости от его умственного потенциала и творческой трудоспособности, видели возможность ограничить перевес рабочего класса и подчинить его благу общности.

Как, однако, «Движение Кольца» представляло себе конкретное организационное оформление государства в рамках данной политической реальности? Как уже было кратко показано, идее верхнего слоя уделялась важная роль. Следовательно, рекомендовалось предоставить в распоряжение свободному от партийных привязанностей руководящему слою конституционно зафиксированную платформу в форме второй палаты. Основной идеей этой «верхней палаты» было образовать противовес к парламентской палате, чтобы вместе с тем гарантировать государственную политику, которая отличается непрерывностью. Именно во времена президиальных кабинетов «Кружок Кольца» возлагал большую надежду на внедрение двухпалатной системы. Но приход к власти НСДАП помешал проведению соответствующей конституционной реформы. Отказ от партийного парламентаризма ни в коем случае не исключал наличия демократических элементов в мировоззрении «Движения Кольца». В соответствии с этим в нем требовали не ликвидации выборов вообще, а лишь изменения избирательного права. Основная идея этой запланированной реформы избирательного права состояла в том, что имеющаяся в каждом народе неоднородность должна также отражаться на весе голосов. Таким образом, например, выборные голоса глав семьи или испытанных фронтовиков должны были иметь более высокий вес, чем голоса людей, которые до сих пор внесли менее ценный вклад в народное благо. Право на несколько голосов на выборах – это логичное следствие идеи верхнего слоя, так как только таким путем можно предотвратить победу с помощью большинства голосов народной массы над руководящей элитой. Четче всего выразил основную мысль ступенчатого избирательного права Эдгар Юлиус Юнг:

«Право выбора действительно в одном и том же объеме для запойного пьяницы и всемирно известного ученого, каторжанина, которого не лишили гражданских прав, и человека высокой культуры, делеги, заработавшего на войне, и воина-фронтовика, двадцатилетнего наемного партнера для танцев и шестидесятилетнего воспитателя шести достойных детей. По несправедливости такое избирательное право никогда ничто не сможет превзойти».

4.2 Организационные структуры «Кружка Кольца»

4.2.1 «Объединение за национальную и социальную солидарность»

Из-за категоричного отклонения партийной структуризации «Движение Кольца» должно было использовать альтернативные формы организации. Характерным для этого духовного течения оказалось соединение в маленьких элитарных кружках. Целью этих встреч наряду с лоббистской и сетевой работой была, прежде всего, разработка всеобъемлющих метаполитических программ.

Началом стало основанное в 1918 году Генрихом фон Гляйхеном «Объединение за национальную и социальную солидарность», кратко также называвшееся «Кружок солидаристов». Хотя солидаристы располагали всего лишь немногим более чем двадцатью членами, они смогли выработать определенную значимость. Организация Гляйхена извлекла при этом пользу от своего сотрудничества с «Антибольшевистской лигой» Эдуарда Штадтлера. Однако солидаристы открыто отвергали империалистический агрессивный национализм, в том виде, например, как его представляли «Всегерманцы» до 1914 года и во время Первой мировой войны:

«Мы национальные, но не националистические. Мы считаем, что немцы, где бы то ни было, своей духовной силой и своей политической волей могут добиться признания под знаком права. Мы отказываемся от того, чтобы заставлять других считаться с немцами с помощью какой-то механической силы, при неуважении жизненных условий других народов».

Здесь отчетливо видно, что уже в самом начале образования младоконсерватизма был выбран путь, являвшийся антагонистическим по отношению к биологизму национал-социалистов, который пренебрегал духовным. Акцент на принципе правового государства делал солидаристов потенциальными противниками тоталитарных подходов. Это выразилось также в непримиримой враждебности к большевизму, которую представлял, прежде всего, Штадтлер. В экономической сфере, тем не менее, они защищали чувство справедливости с некоторыми социалистическими элементами, которое не останавливалось также перед такими

чувствительными темами, как земельная реформа. Этот подход к пролетарским постановкам проблемы должен был освободить сословие неимущих от марксистских влияний, чтобы смочь приблизиться к идеалу объединенной народной общности.

Понимание демократии в Веймарской республике не соответствовало идеалистическим претензиям солидаристов. По их мнению, народный суверенитет должен был исходить не из обезличенной массы избирателей, а исполняться органически структурированной народной общностью. Не существовало никакого доверия к способностям отбора у партий. Поэтому солидаристы ставили на независимые от партий личности вождей, высшим основным принципом которых должно было быть благо всего народа. Становится очевидным, что мировоззренческие основные черты «Движения Кольца» уже отчетливо были сформулированы у солидаристов. Таким образом, построенная фон Гляйхеном организация была вехой на пути формирования младоконсервативного крыла Консервативной революции.

4.2.2 «Антибольшевистская лига»

Эдуард Штадтлер попал в 1917 году в русский плен, что, однако, позволило ему изучить принцип воздействия большевизма с самого близкого расстояния. После окончания войны энергичному организатору удалось с помощью щедрого стартового капитала, предоставленного «Дойче Банк» в Берлине, создать «Генеральный секретариат для изучения большевизма и борьбы с ним». Как персональную рамочную организацию этого учреждения, расположенного на Лютовштрассе 107, он основал так называемую «Антибольшевистскую лигу». Это объединение по своему строению очень отличалось от классического младоконсервативного клуба. Генеральный секретариат располагал научным отделом со своим архивом и еще двумя отделами для работы с пропагандой и прессой. В то время как отдел пропаганды пытался непрерывно настроить массы на антибольшевистский курс, отдел прессы издавал почти ежедневно появляющиеся бюллетени «Антибольшевистская корреспонденция». В отличие от других младоконсервативных клубов, на первом плане здесь стояло не развитие метаполитических программ в пределах интеллектуальных кругов, а ежедневная агитационная работа против большевизма, объявленного врагом всего мира. Организационной работе Штадтлера был нанесен удар, когда в декабре 1918 года «Генеральный секретариат» был закрыт по решению исполнительного совета с тем обоснованием, что, мол, Лига занимается антиконституционной деятельностью. Тем не менее, благодаря сплоченной поддержке солидаристов это распоряжение скоро было отменено. И, все же, «Лига» сначала не смогла достигнуть желаемого статуса общегосударственной массовой организации. Эта ситуация рез-

ко изменилась 10 января 1919 года, когда удалось побудить примерно пятьдесят представителей немецкой экономики к участию в собрании в Берлине. Штадтлер сумел использовать этот неповторимый шанс и прочитал многочасовую лекцию на тему «Большевизм как всемирная опасность». После доклада крупный промышленник Хуго Штиннес объявил перед собравшимися экономическими лидерами:

«Я полагаю, что после этого доклада всякое обсуждение излишне. Если немецкий промышленный мир, финансовый мир и торговый мир не желает и не может внести страховой взнос в размере 500 миллионов марок против описанной здесь опасности, тогда он не достоин называться немецкой экономикой».

Это замечательное активное действие, которое оповестило о рождении «Антибольшевистского фонда экономики», вполне понятно с учетом исторического контекста. Заключение Версальского договора (1919) и введение конституции не смогли привести к внутривластной консолидации. Скорее агрессивная агитация со стороны ультралевых и ультраправых групп привела к состоянию, напоминающему гражданскую войну. 1 января 1919 года КПГ, которая возникла из объединения Союза Спартака и «Бременских левых радикалов», провела свой учредительный партийный съезд.

5 января берлинские левые радикалы захватили здания газет и потребовали отставки правительства Эберта – Шейдемана. Даже если это восстание быстро было подавлено правительственными войсками и добровольческими корпусами, оно наглядно показало немецкой экономике, что большевизм ни в коем случае не был ограничен только Россией, но представлял серьезную опасность также и в Германии. В этом политически-взрывоопасном контексте и при великодушной финансовой поддержке крупных промышленников и финансистов Лига смогла расширяться и образовать сеть пропаганды во всей Германии. В последующее время дошло до слияния «Антибольшевистской лиги» с солидаристами в так называемую «Лигу защиты немецкой культуры». Это новое соединение должно было оказаться весьма проблематичным, так как социалистические тезисы солидаристов казались консервативным спонсорам сомнительными. На выборах в Национальное собрание 19 января 1919 года победа достаточно умеренной СДПГ означала определенную внутривластную разрядку, так как крайне левые силы были поставлены избирателями на место. Однако Штадтлер и его политические друзья не хотели довольствоваться конституционным статус-кво. В написанной 10 марта программе действий Штадтлер решительно выступил против формальной демократии и внешней политики правительства, что привело к окончательному разрыву со спонсорами.

Социалистическо-революционная ориентация солидаристов имела, в конечном счете, решающее значение для этого имеющего большие последствия перелома. С выходом друзей-солидаристов из Лиги младоконсервативное движение потеряло возможность использовать эффективный аппарат пропаганды. Поэтому впоследствии непосредственное влияние на широкие народные массы больше не было возможно. С одновременным отказом от партийной организации впоследствии оставался только лишь один выход: влиять на мировоззренческом уровне непосредственно на ключевые фигуры общественной жизни. Так как сложные идеи младоконсервативного мировоззрения вряд ли можно было доносить до людей с помощью грубого инструмента массовой пропаганды, выход солидаристов из Лиги нужно рассматривать также как акт политической последовательности и прямолинейности.

4.2.3 «Июньский клуб»

За то, что младоконсервативное движение в начале 1919 года на мировоззренческом уровне смогло выработать определенную значимость, нужно благодарить, прежде всего, одного человека: Артура Мёллера ван ден Брука. Благодаря посредничеству Ганса Рёзелера, основного инициатора «Июньского клуба» и энергичного пропагандиста «Движения Кольца», Мёллер встретился в 1919 году с фон Гляйхеном. Эта встреча заложила персональный фундамент создания «Июньского клуба», в котором Мёллер отныне получил ведущую роль. Этот клуб, названный так из-за месяца подписания Версальского договора 7 июня 1919 года, в его начальный период был организован в высшей степени свободно. Ни уставы, ни списки членов не мешали неформальному общему впечатлению. Во время встреч на частной квартире фон Гляйхена на переднем плане были дискуссии, и вопреки правоконсервативной ориентации преобладала открытая для всевозможных взглядов атмосфера. После включения членов «Союза военной помощи Востоку» кружок смог значительно расширить спектр влияния. Позже в результате объединения «Союза военной помощи Востоку» с «Союзом немцев за границей» возник «Немецкий союз защиты приграничных и зарубежных немцев» под председательством Карла Кристиана фон Лёша. В 1920 году бюро «Союза защиты» переехало на Мотцштрассе 22, где к тому времени встречался также «Июньский клуб». Интерпретация «приграничных и зарубежных немцев» как национальной элиты также внутри «Движения Кольца» была последствием контакта обеих групп и результатом подробных исследований политического положения. Сам Мёллер во время своих поездок за границу видел что-то вроде переживания пробуждения, что сделало его чувствительным к восприятию важных проблем немцев. По сравнению с немцами внутри Германии у приграничных и зарубежных немцев было то преимущество, что они знали своих противников:

«Немцы всегда учились только через соприкосновение с другими народами. Уже тот римский офицер из германского рода, который стал нашим первым националистом, принес из Рима ненависть к римлянам, которая заставила его призвать родину к освободительной борьбе против иностранного господства».

(Имеется в виду Арминий, вождь херусков, разбивший римлян в сражении в Тевтобургском лесу в 9 г. н.э. – прим. перев.)

Наряду с Мёллером, в «Июньском клубе» особенно активно проблемами зарубежных немцев занимались Макс Хильдеберт Бём и Штадтлер. Также после потери пропагандистского механизма «Антибольшевистской лиги» члены «Июньского клуба» старались сообщать общественности о себе. Началом стала публикация политического словаря, который издал Бём. Но настоящей опорой внешнего воздействия стал еженедельник «Совесть», редакцию которого возглавил Штадтлер. С тиражом примерно в 4000 экземпляров распространение этого издания было весьма ограниченным.

По причине частых лекционных поездок Штадтлера публикацией «Совести» в значительной степени занимался лично Мёллер. Впоследствии проявилась первая отчужденность между Штадтлером с одной стороны и Мёллером и фон Гляйхеном с другой стороны. Если Штадтлер своей активной деятельностью лектора и оратора старался прямым путем влиять на общественное мнение, то фракция вокруг фон Гляйхена защищала курс метаполитической фундаментальной работы. Когда Веймарская республика все больше стабилизировалась, эти разногласия обнаруживались все более отчетливо. Фон Гляйхен теперь ставил больше на объединение верхнего слоя и меньше на интеграцию широкого населения путем социальных реформ. В последующее время «младонациональное» крыло Штадтлера все больше утрачивало влияние в «Июньском клубе» и в «Совести».

4.2.4 «Политический колледж»

Как кратко уже было показано выше, воспитательно-образовательный аспект в «Движении Кольца» приобретал большое значение. Уже осенью 1919 года Мёллер выразил необходимость собственного политического образовательного института: «И с этой «Политической высшей школой» мы хотим, образовывая при этом сначала самих себя, с помощью агитационной силы и привлекательности такой воспитательной работы в конце привлечь – более или менее все – новое поколение».

Желанию создания академического образовательного учреждения с целью национального самообретения способствовало наблюдение за соседями – фран-

цузами. Благодаря последовательной, полной ярко выраженного национализма работе высшей школы, французы, по словам профессора истории Мартина Шпана, смогли достигнуть твердого связывания гуманитарных наук с государством и народом. Высшая школа, в высокой степени проникнутая национализмом, не только позволила французскому народу быстро оправиться после поражения 1870/71, но и в долгосрочной перспективе укрепила его стойкость в Первой мировой войне. Снова благодаря посредничеству Штадтлера удалось воодушевить немецкую экономику для поддержки национального академического образовательного проекта. После того, как Хуго Штиннес и предприниматель Альберт Фоглер пообещали финансовую помощь, 1 ноября 1920 года появился «Политический колледж для национально-политической учебной и образовательной работы».

Так же, как и «Июньский клуб» и «Союз защиты», «Колледж» размещался на берлинской улице Мотцштрассе, дом 22. Мартин Шпан получил важную роль в этом новом созданном учреждении. Он не только входил в правление «Политического колледжа», а занимал также место в административном совете, который как инстанция посредничества между Колледжем и меценатами принимал решения относительно предоставления средств. В эту структуру входили и другие представители экономики, Имперского земледельческого союза (Райхсландбунд), а также национальных союзов. Осенью 1920 года руководство «Политического колледжа» решило создать шесть так называемых отделов. Бём возглавил отдел по проблемам национальностей, из чего последовала публикация двух книг. Сам Шпан взял в свои руки отдел внешней политики, в котором он мог пропагандировать свою идею Средней Европы. Она предусматривала создание федеративной Средней Европы с немецким преобладанием. Третий участок работы, который занимался профессионально-сословными вопросами, возглавил юрист доктор Генрих Геррфардт. Следующим отделом руководил литератор Пауль Фехтер; он должен был детально исследовать связь народного настроения и прессы. Духовно-исторический подход выбрал отдел профессора доктора Курта Цише, заданием которого было исторически разрабатывать понятие народности. Следующий отдел был предназначен для оценки недавно появившейся литературы для воспитания в духе гражданского долга. В 1925 году последовал специально созданный для публициста Ганса Шварца отдел, занимавшийся основными метаполитическими вопросами. Уже вскоре после основания Колледжа в целом 33 профессора и доцента читали в нем 43 курса лекций. Предпосылкой для приема на учебу были немецкое гражданство и документ, доказывавший окончание старших классов немецкой школы. Между 1921 и 1925 годами было проведено 39 учебных курсов перед 1190 слушателями. Наряду со студентами, также учителя народной высшей школы и фермеры были важной целевой группой младоконсервативной воспитательной работы. Помимо этого, Колледж организовывал учебные мероприятия и лекции, в которых могли

принимать участие все заинтересованные группы. Деятельность «Политического колледжа» представляла собой важную попытку систематическим способом открыть доступ потенциальной руководящей элите к политическому содержанию консервативного направления – по ту сторону массовой агитации и партийной политики.

Когда Шпан в 1924 году как депутат снова попал в Рейхстаг и из-за этого вынужден был пренебрегать своей работой в Колледже, который все больше терял свое значение. Помимо этого, спонсоры не были готовы далее поддерживать работу «Кольца». Политик Немецко-национальной народной партии (DNVP, НННП) Альфред Гугенберг требовал разделить работу Колледжа и «Июньского клуба», после чего фон Гляйхен вынужден был отойти от управления делами. Вместе с тем потерпело неудачу стремление «Кольца» добиться государственно-политического веса с помощью инструмента воспитания.

4.2.5 «Немецкий клуб господ»

После того, как «Политический колледж» и кружок вокруг Генриха фон Гляйхена были фактически разделены друг с другом из-за противоречий интересов «Кольца» и его спонсоров, в начале 1924 года, тем не менее, произошло кратковременное оживление «Июньского клуба». Но теперь тот факт, что идея «Кольца» отвергала определенную обязательную доктрину как ориентир для всей деятельности, скорее позиционировала себя надпартийно, все больше становился проблемой.

Слишком много членов и мнений делали обещающую успех работу клуба все больше невозможной. 23 апреля 1924 года после тяжелых дискуссий в членском кругу было созвано собрание для роспуска клуба. В соответствующем протоколе сказано: «В выступлениях констатировалось, что количество членов клуба слишком выросло. Вследствие этого кружок утратил сплоченность и внутреннюю связь. [...] Противоречия состоят, прежде всего, в различной оценке задач национальной оппозиции».

Альфред Гугенберг (1865-1951) в 1933 году

Участники собрания договорились о том, чтобы далее проводить лишь информационные вечера. Фон Гляйхен по причине этой раздробленности больше не видел повода предпринимать попытку спасения с помощью внутренних реформ. Вместе с Вальтером Шотте он разрабатывал идею создания новой организации. Исходным пунктом этих соображений было понимание того, что «Июньский клуб» распался из-за мировоззренческой раздробленности его участников. И в действительности члены DNVP (ННП), например, представляли собой важную фракцию в жизни клуба, что вело к трениям с надпартийной философией «Кольца». Не в последнюю очередь политик ННП Альфред Гугенберг существенно ускорил дробление «Политического колледжа» «Кольца», вследствие чего также внутреннее единство «Кольца» оказалось под серьезной угрозой. Принимая во внимание этот опыт, фон Гляйхен для запланированного им «Клуба немецких господ» стремился к политически более нейтральным рамкам. Новый клуб определенно обращался к верхнему слою, что выражалось также в необычно высоком членском взносе. Даже если фон Гляйхен не хотел полностью отказываться от идеи общности «Кольца», все же, нужно было видеть, что в пределах движения должен был быть создан закрытый слой руководства. Это требование, с одной стороны, несомненно, соответствовало элитарно направленной личности Гляйхена, тем не менее, с другой стороны, оно родилось также из необходимости: мировоззренчески гомогенное общество господ, к созданию которого стремились, должно было непрерывно и эффективно противодействовать угрозе разрушения «Кольца». Отказ от социальной ориентации младоконсерватизма с целью образовать исключительное общество господ, вызвал непо-

нимание и раздражение у ведущих личностей на Мотцштрассе. Шпан и Мёллер открыто выражали свои сомнения относительно отказа от социалистического элемента в столь важном учреждении младоконсерваторов. Фон Гляйхен возражал, что более высокое в общественном отношении общество господ обладает большими преимуществами как раз с учетом привлечения денежных средств. И в действительности движение смогло привлечь к себе такого важного спонсора, как Пауль Ройш, генеральный директор машиностроительного концерна «Гутехоффнунгсхютте». Чтобы и далее обезвреживать партийно-политические противоречия, фон Гляйхен основал «Политический комитет», который должен был стать форумом для связанных с парламентами членов «Кольца». 7 октября 1924 года 25 немецко-национальных парламентариев из общегосударственного и земельных парламентов приняли участие в заседании этого комитета. На этой встрече под руководством Генриха фон Гляйхена и Вальтера Шотте были определены общие условия для основания «Клуба немецких господ». С помощью такого подхода удалось без изоляции представителей НННП избавиться происходящую на следующий день конференцию от партийных споров. Во время этого заседания 8 октября, в котором приняли участие 70 человек, было достигнуто четкое соглашение об основании нового клуба. Участники конференции стремились к открытой и свободной форме организации, чтобы избежать будущих конфликтов между староконсервативными партийными политиками и младоконсерваторами «Кольца». На следующем собрании 19 ноября 1924 года при присвоении имени договорились о названии «Немецкий клуб господ». Хотя интерпретация программы клуба как элитарной, исключительной организации противоречила направленным на общее благо основным ценностям времен солидаристов, и вопреки возникающему из этого скепсису, который выражали такие старые ветераны как Мёллер, «Немецкий клуб господ» оказался успешной реставрацией центральных структур «Кольца».

Чтобы избежать раскола между более старыми представителями «Кольца» и более молодыми представителями нового поколения, был создан «Клуб молодых консерваторов», который также устроился в том же доме на Мотцштрассе. Это учреждение должно было, прежде всего, привлечь новые, неиспользованные силы к идее «Кольца» и противодействовать изоляции «Немецкого клуба господ». Даже если эта организация не оказывала никакого непосредственного воздействия, все же стоит упомянуть, что Эдгар Юлиус Юнг был членом этого учреждения; потому что Юнг позже с мировоззренческой точки зрения стал считаться кем-то вроде неофициального преемника Мёллера – и не зря.

Благодаря своей неутомимой работе по созданию сети, Генрих фон Гляйхен экспортировал основную программу «Клуба господ» в форме так называемых Обществ господ в другие части Германии. Эти ответвления берлинского центра иногда насчитывали довольно много членов. Кружок вокруг фон Гляйхена до-

стиг определенного апогея, когда 30 мая 1932 года кабинет «национальной концентрации» во главе с рейхсканцлером Францем фон Папеном взял в свои руки правительственные дела. Рейхсканцлер, а также новый имперский министр внутренних дел барон Вильгельм фон Гайль тоже были членами Общества господ и открыто симпатизировали идеям «Движения Кольца». Но крах президиальных кабинетов оказался роковым также для судьбы «Клуба господ». При приходе к власти национал-социалистов эта организация утратила какую-либо перспективу реализовать авторитарное государство младоконсервативного направления и утонула в незначительности.

5. БЕРЛИНСКИЙ КРУЖОК ВОКРУГ МЁЛЛЕРА ВАН ДЕН БРУКА

5.1 Генрих фон Гляйхен

Барон Генрих фон Гляйхен-Русвурм родился в 1882 году в Дессау. В ряду поколений предков его дворянского рода был правнук Фридриха Шиллера Александр фон Гляйхен-Русвурм. Еще перед началом Первой мировой войны молодой Генрих фон Гляйхен переехал из своего дворянского поместья Таннрода в Берлин, где он посвятил себя политике. Во время войны он служил в звании лейтенанта в Замещающем генеральном штабе, где преимущественно занимался пропагандистскими задачами. По рекомендации Вальтера Ратенау фон Гляйхен был в 1916 году назначен исполнительным секретарем «Союза немецких ученых и деятелей искусства». Эта организация охватывала около тысячи видных личностей, заданием которых было оказывать пропагандистскую поддержку ожидаемой победе немецких вооруженных сил в духе психологической войны. Это примечательная параллель с Мёллером, который на своей должности во Внешнем отделе Верховного командования тоже занимался военной пропагандой. Развитие и широкое воздействие «Движения Кольца» без барона фон Гляйхена и его опыта в этом Союзе было бы совершенно другим. Как основной организатор младоконсервативных клубов и учредитель объединения солидаристов он перенес мировоззрение «Кольца» в широкие общественные круги. Его главная функция состояла не в разработке метаполитических программ, а скорее в оптимизации организационных рамок «Кольца» с помощью своей работы по созданию сети в масштабах всего государства. В отличие от Штадтлера фон Гляйхен не умел воодушевлять своих слушателей демагогическими речами. Скорее его сильной стороной было умение успешно агитировать за идеи «Кольца» в верхних слоях общества.

Как уже кратко говорилось выше, фон Гляйхен не отличался особенно высокой плотностью публикаций; тем не менее, есть ряд его журнальных статей, кото-

рые позволяют познакомиться с миром его идей. В полном соответствии с идеей клуба фон Гляйхен требовал духовно-исторического «собрания личностей» и их тезисов с целью воплотить «национальную державу консервативного содержания» на необходимой идейной основе. В отношении программы он ссылаясь на «консервативно-революционного» Фридриха Ницше, дальновидность которого должна была быть перенята консерваторами.

В статье «Государственное руководство в кризисе» он описывал, какие предпосылки были бы у создания нового государства. Еще перед Первой мировой войной первые явления распада в государственной системе обратили на себя внимание в форме недостатка личностей, на которые опирается государство. В противоположность многим своим товарищам по благородному сословию барон фон Гляйхен отвергал реакционное озарение эпохи Вильгельма II:

«Действительно вопреки подъему, вопреки всему мировому значению Германия уже перед войной в государственно-политическом отношении находилась в самом опасном положении, так как государственное руководство и искусство управления государством стали схемами, так как после Бисмарка больше не было немецкого государственного деятеля, ибо его преемники были лишь чиновниками под случайным влиянием самодержца-дилетанта».

Ключ для усовершенствования, по его мнению, это не оптимистичный национализм, который закрыл бы взгляд на катастрофическую ситуацию, а беспощадное выявление общей немецкой ситуации. Эта ситуация характеризуется государством, которое не сохранило остатка суверенитета ни внутри, ни снаружи. Чтобы задержать последующее разрушение, фон Гляйхен рекомендовал во внешнегосударственной сфере образовывать ячейки самопомощи: «Самопомощь должна защищаться от современного формального государства как исполнительного органа Версальского договора и как завершителя мошеннического банкротства». Это раскрывает радикальное направление удара «Движения Кольца», которое не думало о том, чтобы реформировать государство своим участием в парламентском процессе и реформами в рамках Веймарской конституции. Скорее во внешних ячейках «Самопомощи» проектировалась идеалистическая империя будущего, которая в положенный срок должна была сменить демократическо-парламентские формы. Другая показательная статья с заголовком «Верхний слой и нация» содержится в сборнике «Единство национальной политики» 1925 года. Здесь фон Гляйхен определяет, что народ только тогда может стать и оставаться нацией, если он оставит вегетативный уровень и будет стремиться к более высоким ценностям. Также на микроуровне отдельный человек мог бы только тогда стать более высокой личностью, если он откажется от животного стремления к выгоде: «Нация значит в жизни народов то же, что личность значит в жизни человека: признанную также другими веру в собственную цен-

ность, осуществление самого себя не только по причинам жизненной необходимости, а как раз ради ценности, в которую верит народ». С отменой средневековой сословной системы и учреждением современного национального государства старые ценности, по его мнению, пропали. Механистическая бюрократия не смогла утвердиться в качестве носителя более высокой национальной идеи. При этом фон Гляйхен констатировал, что также христианская вера смогла охватить массы только пропагандой. Также и вера в нацию вряд ли могла бы исходить только от самого народа. Скорее необходим орган, который вывел бы людей из их вегетативного утилитарного мышления. Только национально настроенный верхний слой мог бы гарантировать вливание иррационализма в народ, вследствие чего происхождение суверенного национализма вообще только и стало бы возможным: «Нация нуждается в независимом верхнем слое, который является независимым носителем национального желания, и из которого исходит успешное внушающее действие национальной идеи на народ». Видно, что в представлениях фон Гляйхена христианство как преобладающий принцип упорядочения не играет больше никакой особенной роли. Вместо христианства нация с помощью верхнего слоя, который необходимо создать, должна получить роль запасной религии. Внедрение национальной идеи в народ каким-то тоталитарным принуждением не было предусмотрено в программе фон Гляйхена. Добровольное обращение народа к опирающейся на политическую метафизику национальной государственности представляется в сравнении с этим принуждением намного более выгодным:

«Необходимо внушающее влияние, которое сильнее, чем влияние явно высказанным приказным словом со стороны имеющей власть командной власти. Такое более сильное внушение также называют самовнушением. Оно означает внутреннюю убежденность человека в какой-то идее, которая может привести к тому, что данный человек что-то делает или воздерживается от чего-то, к чему его никак нельзя было бы принудить внешним поводом, давлением или приказом».

Заданием верхнего слоя было бы указать дорогу к нации не принуждением, а наглядным примером.

«Немецкий клуб господ» отражал институционализацию этой идеи. Его создание и обращение к мысли об исключительном верхнем слое представляли собой отказ от социально-реформаторских истоков «Движения Кольца». Штадтлер, который, напротив, ориентировался на социальные обновления через массовую агитацию, все больше терял влияние. К концу 1924 года он должен был отказаться от руководства «Совестью», ответственным редактором которой затем до 1928 года был Генрих фон Гляйхен. Смерть Мёллера 30 апреля 1925 года означала окончательный конец для крыла, стремящегося к социальным реформам. С

1 января 1928 года выходит новый журнал под эгидой Гляйхена «Кольцо: Независимый политический еженедельник». «Кольцо» формально произошло из соединения «Совести» и «Пресс-службы». В отличие от «Совести» «Кольцо» – точно в духе «журнала верхних слоев» – демонстрировало в целом более сдержанный тон. Также внешнеполитическая программатика «Кольца» отчетливо изменилась. Во времена солидаристов и «Июньского клуба» младоконсервативная внешняя политика означала преимущественно полемику с западными державами и Версальским договором. Однако первоначально пропагандируемое Мёллером сотрудничество с Россией едва ли гармонировало с антипролетарскими претензиями «Немецкого клуба господ». В 1929 году фон Гляйхен даже определенно высказался в пользу немецко-французского сотрудничества, ради создания центральноевропейского противовеса Америке и русскому большевизму. Во внутренней политике «Кольцо» полностью в духе идеи верхнего строя стремилось к собранию, свободному от всяческой партийности национальной элиты. Для достижения этой цели НННП взяла на себя роль партнера по сотрудничеству. Не в последнюю очередь многочисленные политики НННП вращались в кругу «Немецкого клуба господ». С назначением Гугенберга руководителем немецко-национальной партии в октябре 1928 года эта традиционная связь подверглась суровым испытаниям. Тоталитарное притязание Гугенберга на власть и ограничение его партии демагогическим влиянием на массы делали НННП все более несовместимой с основными принципами Консервативной революции. Стратегически унификация НННП ввиду претензий Гугенберга на всевластие означала большой вред для «Кольца», так как теперь стало значительно труднее внедрять младоконсервативное мировоззрение в государственно-политическое пространство с помощью «троянского коня» представленных в парламенте членов немецко-национальной партии. Также в самой НННП царил недовольство новым курсом Гугенберга, что привело к выходу из партии таких влиятельных современников как граф Куно Вестарп, Готфрид Тревиранус и Вальтер Ламбах. В 1929 году дошло до основания «Народно-консервативного объединения», из которого годом позже вышла «Консервативная народная партия». Программа народно-консервативного лагеря обнаруживала много мировоззренческих пересечений с группой вокруг фон Гляйхена, и такие выдающиеся представители этого движения как Тревиранус и Вестарп были членами «Немецкого клуба господ». Тем не менее, развитие «Народно-консервативного движения» в партийную организацию вызвало в кружке вокруг фон Гляйхена определенное раздражение. Поэтому неудивительно, что фон Гляйхен искал альтернативных союзников. Еще до того, как «Большая коалиция» во главе с Германом Мюллером распалась 27 марта 1930 года, рейхспрезидент Пауль фон Гинденбург покровительствовал созданию – в крайнем случае также внепарламентского – буржуазного правого правительства. 28 марта Гинденбург по предложению Курта фон Шлейхера поручил Генриху Брюнингу создание правого буржуазного кабинета. Генрих фон Гляйхен, который осознавал полноту власти

рейхспрезидента, уже в 1927 году установил дружеские отношения с генералом Шлейхером. Даже если «Кольцо» встретило правительство Брюнинга с принципиальной благосклонностью, то группа вокруг фон Гляйхена придерживалась мнения, что новое правительство пошло на слишком много компромиссов. Партийные интересы, как считали в «Кольце», все еще преобладают в кабинете Брюнинга. Вместо чистого президиального кабинета министров был создан «парламентский кабинет меньшинства». Сверх того, Брюнинг зависел от правительства Пруссии, которым руководила СДПГ, вследствие чего его дееспособность была сильно ограничена. Все же «Кольцо» твердо поддерживало Пауля фон Гинденбурга, который к тому времени стал почетным членом «Немецкого клуба господ».

Попытки НСДАП и НННП помешать переизбранию Гинденбурга на пост рейхспрезидента не нашли поддержки у младоконсерваторов. Даже если кабинет Брюнинга не мог соответствовать требованиям кольца, они придерживались стратегии преодолеть с помощью Гинденбурга господство партий. Назначение Франца фон Папена на должность рейхсканцлера в июле 1932 года сначала подпитывало эту надежду. Уже 4 июля фон Гляйхен написал меморандум, в котором он призывал к образованию «Консервативного фронта». Это свободное от партий сборное движение претендовало бы на то, чтобы окончательно победить партийное государство и построить сплоченный национальный фронт вокруг кабинета Папена. Даже если «Клуб господ», вероятнее всего, не участвовал непосредственно в падении Брюнинга и приходу к власти Папена, бульварная печать распространяла тезис, будто бы кружок вокруг фон Гляйхена был ответственным за смену правительства. Отношения Франца фон Папена и Генриха фон Гляйхена впоследствии существенно омрачились. Когда конфиденциальный циркуляр «Клуба господ» с приложенным письмом фон Гляйхена от 6 июня 1932 года из-за утечки стал известен общественности, левые органы прессы на основании этой информации начали пропагандистскую кампанию. В данном письме фон Гляйхен намекнул на переговоры между имперским правительством и НСДАП по прусской проблеме. Из-за этого краха в государственно-политическом пространстве проект образования «Консервативного фронта» был задушен в зародыше. Выборы в Рейхстаг от 6 ноября 1932 года не открыли новых коалиционных альтернатив. Адольф Гитлер вопреки недостающему большинству в парламенте хотел быть назначенным рейхсканцлером, что отвергал Гинденбург. Сначала рейхспрезидент поддерживал притязание Папена начать радикальную программу реформ вопреки опасности гражданской войны. Курт фон Шлейхер, тем не менее, не хотел брать на себя ответственность за введение военного чрезвычайного положения. Поэтому Гинденбург уступил и назначил 3 декабря 1932 фон Шлейхера рейхсканцлером. Тем самым представился шанс создать авторитарное государство младоконсервативного характера при поддержке Рейхсвера.

5.2 Эдуард Штадтлер

Эдуард Штадтлер родился 17 февраля 1886 года в Хагенау (Эльзас). В 1935 году он опубликовал свои мемуары в трех томах: «Молодые судьбы 1886-1914», «Как политический солдат 1914-1918» и «Как антибольшевик 1918-1919». Поэтому у нас есть много автобиографической информации об этом младоконсервативном деятеле.

В Страсбурге Штадтлер учился у историка Мартина Шпана и участвовал в католической работе с молодежью. В 1918 году Штадтлер смог убежать из русского плена и близко к сердцу пережил те изменения, которые начало большевистское движение в Москве. Вернувшись в Германию, он был оратором и организатором для «Союза немецких ученых и деятелей искусства», вследствие чего у него также возникли первые контакты с фон Гляйхеном. Уже в это время борьба с большевизмом была наивысшим приоритетом для Штадтлера, из-за чего он оставил жену и детей в Дюссельдорфе, чтобы заниматься политической деятельностью в столице Берлине: «Я не мог, я не имел права бездейственно взирать на то, как мое отечество впадает в большевизм. Из Дюссельдорфа действовать было невысказано. Но из Берлина, вероятно! Итак, в Берлин!» Штадтлер очень надеялся, что убедит также своего бывшего учителя Шпана переехать в Берлин, чтобы строить там «сословное движение» вместе с кружком вокруг фон Гляйхена. Хотя Шпана не удалось побудить заняться активным политическим сотрудничеством в Берлине, Штадтлер смог создать «Генеральный секретариат для изучения большевизма и борьбы с ним». Это учреждение получило финансирование в размере 5000 марок от «Дойче Банка», и еще 3000 марок, которые пожертвовал Фридрих Науман. 7 декабря 1918 года Штадтлер писал жене:

«Возникает новое движение: наша группа солидаристов, с одной стороны, руководимое мной бюро по борьбе с большевизмом, затем кружок Штегервальда, и, наконец, младоконсервативные элементы, которые приходят с разных сторон, стремятся к новому, что можно было бы маркировать как консервативно-социалистическое или национал-социалистическое».

В этом образующемся движении Штадтлер был занят преимущественно разработкой антибольшевистских речей и писем. Созданная 1 декабря 1918 года «Антибольшевистская лига», которая задумывалась как рамочная организация, предлагала оптимальную основу для этой агитации. Как тесно Лига была сцеплена с солидаристами, доказывает следующее высказывание: «Наше основанное еще до Ноябрьского бунта «Объединение за национальную и социальную солидарность» жило как нечто вроде духовно-политического секретного отряда за «Генеральным секретариатом» и «Антибольшевистской лигой» и было близко связано с ними в личной унии».

Рождество 1918 года Штадтлер провел в Дюссельдорфе со своей семьей. 5 января 1919 года берлинские левые экстремисты устроили кровавый бунт, который должен был войти в историю как «Восстание Спартака». В участии в январских беспорядках обвиняли приехавшего из Советской России политика и агитатора Карла Радека. Большевицкая опасность, кажется, стала реальностью в Германии, из-за чего Штадтлер немедленно возвратился в Берлин. В своих мемуарах он представил себя самым главным противником Радека: «Теперь не могло быть никаких отлагательств. Я всеми жилками своего существа чувствовал, что я должен был стать настоящим противником революционного русского шахматного игрока Радека». 7 января, когда в Берлине бушевали бои между правительственными войсками и повстанцами, Штадтлер в императорском зале роскошного берлинского винного ресторана «Райнгольд» («Золото Рейна») произнес речь, направленную против Радека и запланированной большевицкой мировой революции. Даже если в мемуарах Штадтлера воздействие его речей могло быть представлено в преувеличенном виде, не подлежит сомнению, что Штадтлер обладал выдающимся талантом оратора. Январские беспорядки предоставили ему при этом желанную возможность утвердиться в качестве боевого оратора в Берлине. Сверх того, «Восстание Спартака» сделало важных представителей экономики более чувствительными к «большевицкой опасности», так что Штадтлер в будущем больше не должен был тревожиться из-за финансирования его Лиги. С убийством Карла Либкнехта и Розы Люксембург и военного подавления коммунистического восстания наступила относительная внутривластная стабилизация. Это значило, тем не менее, также то, что преимущественно негативная, отрицающая позиция Лиги больше не была столь актуальной: «Все большие и маленькие переживания моей антибольшевицкой боевой активности усилили существовавшую у меня с самого начала точку зрения, что одним лишь чистым антипросвещением никогда нельзя было бы справиться со всей марксистско-большевицкой проблемой». Вследствие этих сообщений последовало переименование «Антибольшевицкой лиги» в «Лигу защиты немецкой культуры». К этому конструктивному повороту относилось, например, то, что Штадтлер теперь в своих многочисленных докладах вполне подхватил несколько соображений противника и сделал их полезными для себя; теперь он также публично становился на сторону идеи советов, что вело к конфликтам со спонсорами. Даже если он резко осуждал первоначально марксистское движение советов, но на уровне предприятий он выступал за участие рабочих в управлении предприятием. Но в одной беседе с Хуго Штиннесом Штадтлер смог убедить его в том, что принципиальная консервативная позиция и идея советов вовсе не противоречили друг другу, из-за чего опасная ситуация на некоторое время разрядилась. Вследствие этой беседы у Штадтлера возникло настоящее воодушевление Штиннесом, этим экономическим лидером, который, как считал Штадтлер, мог бы стать «национальным диктатором социальной революции». Тем не менее, хорошие отношения со Штиннесом не препятствова-

ли обострению разногласий между Лигой и спонсорами. Апогей этого процесса отчужденности был достигнут после того, как разработанная Штадтлером «Программа действий» была опубликована 10 марта и разослана нескольким сотням видных личностей из мира политики и экономики. Во внешнеполитической сфере Штадтлер требовал прекращения каких-либо мирных переговоров в Версале, так как из-за материальных и политических требований держав-победительниц Первой мировой войны большевизм значительно усилился бы в Германии. Германия должна была быть принята в Лигу наций как равноправный партнер и получить поддержку в форме сырья и пищевых продуктов всякого рода. Во внутренней политике Штадтлер пропагандировал «закрепление идеи советов в политической конституции» и «осуществление трудящегося социализма». Для исполнения этих реформ Штадтлер требовал от крайних партий отказаться от всего, что содействовало бы расколу немецкого народа. Направленный против формальной демократии курс Штадтлера вызывал все большее беспокойство у финансовых покровителей Лиги. Наконец, с выборами в Национальное собрание 19 января 1919 года начался политический процесс стабилизации, который с экономической точки зрения очень удовлетворял экономических лидеров. И, в конечном счете, программа действий Штадтлера, которую он представил 10 марта 1919 года, была действительно весьма поверхностно разработана. Автор, несомненно, сознавал, что его сила состояла больше в устной пропаганде, чем в письменной разработке метаполитических проектов. Не просто так Штадтлер непрерывно старался переманить Мартина Шпана в Берлин для интеллектуальной поддержки: «Как раз вчера я писал в этом духе также Мартину Шпану. [...] Мне он нужен в движении. [...] Он необходим как духовный политический потенциал». Однако и без «духовного потенциала» Шпана Штадтлер стремился к более претенциозным задачам в метаполитической сфере. Это не было совместимо с интересами «Антибольшевистского фонда», из-за чего Штадтлер должен был уйти в отставку со своего поста руководителя Лиги. Вопреки полученной теперь мыслительной свободе он должен был признать, что без поддержки обладающей значительными финансами организации едва ли возможно было делать большую политику. Волей-неволей он был теперь вынужден искать новые области деятельности: «И, все же – таким совсем одиноким я не был! Так как теперь «Кружок солидаристов», собственная жизнь которого никогда не прекращалась наряду с «Генеральным секретариатом» и «Лигой», снова оказался в центре моего политического творчества». За ведущей личностью «Кружка солидаристов» Генрихом фон Гляйхеном Штадтлер хоть и признавал большой талант организатора, однако не скупился и на критику в его адрес. Фон Гляйхен, по мнению Штадтлера, интересовался людьми только до тех пор, пока он не «завоевал» их. После этого он снова обращался к новым «талантам», «не доходя до творчески-органического общего соединения». В то время как Штадтлер хотел создать народное движение, фон Гляйхен ставил на руководство «свободной от программ отдельной личности».

2 мая 1919 года Штадтлер в первый раз встретил Мёллера ван ден Брука. Этот «характеризующийся глубокой меланхолией из-за военного крушения человек» смог увлечься динамикой Штадтлера и фон Гляйхена и в течение короткого времени стал «неподвижным полюсом» «неформального круга» единомышленников. Перед большим количеством слушателей Мёллер никогда не выступал, только «в самом интимном кругу, самое большее от десяти до двенадцати человек [...] он иногда брал слово. И у его слова тогда был вес». В Максе Хильдеберте Бёме Штадтлер увидел «большого ученого-рационалиста иррационалиста, так как он с необычной силой разума мог анализировать нерациональную жизнь». Бём как «страж Сиона интеллектуальной ясности» должен был даже держать подальше от «Кольца» неподходящие элементы, которые привлекались механической инстинктивной тягой фон Гляйхена к собиранию людей.

Эдуард Штадтлер (1886-1945) в 1932 году

Наряду с его участием в «Кружке солидаристов» Штадтлер с 9 апреля 1919 года мог публиковать большие передовые статьи в журнале «Совесть». Во втором номере от 17 апреля появилась его статья с заголовком «Немецкий социализм против Востока и Запада». В этой статье автор осуждал формальную демократию и опирающуюся на президента США Вудро Вильсона западную ориентацию. Ориентация на Восток, которую учитывал Мёллер, Штадтлер, однако, тоже не принимал в расчет:

«Я должен самым решительным образом предостеречь от восточной ориентации. [...]. Опора на Восток в нынешнем положении стала бы еще большей национальной бедой, чем была бы необдуманная и безвольная преданность Западу.

Восточная политика, из-за которой мы выродились бы в исполнительные органы ленинской политики мировой революции, задушила бы нашу страну в болоте анархии».

На место партийной системы должны были прийти диктатура или народное движение. Только так можно было бы вступить на особый немецкий путь между радикальным капитализмом Вильсона и большевизмом Ленина. Не социализм в марксистской форме, а истинно немецкий социализм должен был развиваться в Германии. Также после основания «Июньского клуба» весной 1919 года Штадтлер пытался своей ораторской деятельностью ознакомить широкую публику по всей Германии с целями своей программы. Но кружок вокруг фон Гляйхена был все менее готов следовать социально-реформаторскому курсу Штадтлера, что повлекло за собой постепенную отчужденность обоих лагерей. Потеря им поста редактора «Совести» в конце 1924 года отмечает также выбывание Штадтлера из «Кольца», на которое он в будущем больше не мог оказывать влияние.

5.3 Мартин Шпан

О Мартине Шпане существует публикация «Комиссии современной истории», которая детально освещает жизнь и творчество этого ученого.

Шпан родился 7 марта 1875 года в Мариенбурге/Западная Пруссия. Его отец, юрист и политик-центрист доктор Петер Шпан в 1917-1918 годах занимал пост прусского министра юстиции. Хотя Мартин Шпан происходил из старой католической семьи и «культуркампф», борьба Отто фон Бисмарка с католической церковью, был господствующей темой его детства, он, тем не менее, рано развил в себе симпатию к прусскому государству. По его собственному высказыванию этому пристрастию способствовала близость его родного дома к замку магистра Тевтонского ордена в Мариенбурге. После посещения гимназии в Мариенбурге он изучал историю в Бонне, Берлине и Инсбруке, после чего в 1896 году получил докторскую степень. Во время его учебы особое влияние на него оказал выдающийся протестантский историк Генрих фон Трейчке, вследствие чего прусское националистическое мировоззрение Шпана дополнительно укрепилось. После учебы он опубликовал множество историографических трудов, которые представляли прусскую историю и особенно основание империи Бисмарком в положительном свете. Кроме того, Шпан активно выступал за примирение католиков и протестантов. При этом посредничество между католическим ультрамонтанством – той политической позиции католицизма, которая четко противилась какой-либо либерализации церкви и протестантской опеке – и противоположной протестантской позиции формировалось в высшей степени

трудно. Но на уровне высшей школы Шпан смог добиться большего успеха. Вопреки силам, которые стремились к конфессиональной «чистоте», он смог в 1898 году защитить докторскую диссертацию со своей работой о гуманисте и противнике Мартина Лютера Иоанне Кохлеусе (1479-1552) в протестантском Берлинском университете. Его научный руководитель Макс Ленц констатировал в соответствующей оценке:

«Шпан – католик, и его способ рассмотрения не совсем свободен от стесняющего кругозора его церкви, но он явно старается, поверх этого, прийти к научному рассмотрению исторических вопросов; я думаю, можно надеяться, что он, если только его воля останется так же серьезно, как до сих пор, направленной на объективные сведения, влияния его воспитания и окружения будут стираться все больше и больше».

Мартин Шпан (1875-1945) в 1933 году

Также в его функции политика-центриста Шпан пропагандировал соединение вероисповеданий. В так называемом споре об интегрализме речь шла о вопросе, должна ли Партия Центра стать политической или же конфессиональной партией. При этом Шпан придерживался мнения, что после окончания культуркампфа необходимости церковно-политической защиты больше не было. Вместо религиозной ориентации он поддерживал обращение Партии Центра к националистической и антипарламентской программатике. С 1901 года и до конца Первой мировой войны Шпан преподавал историю в Университете Кайзера Вильгельма в Страсбурге. Крушение Германской империи столкнуло профессора,

который должен был покинуть аннексированный Францией Эльзас, в психический и физический кризис. По прошествии короткого времени отдыха Шпан начал придавать новый профиль своему мировоззрению. В противоположность многочисленным консервативным современникам он не стремился к реакционному восстановлению политических и общественных отношений предвоенной эпохи. Скорее он принимал изменения, которые повлек за собой ноябрь 1918 года, и пытался уже на этой основе приступить к революционно-консервативной восстановительной работе:

«Консервативно расположенный человек всегда лишь с большим трудом придет к решению убрать преграды, которые громоздятся перед ним, с помощью взрыва. Но если эти преграды были взорваны революционерами, то он имеет полное право со всей решительностью как в мыслях, так и в действиях пойти вперед по уже ставшей свободной дороге».

Это мировоззрение свело Шпана с младоконсервативными силами, которые в послевоенное время формировались вокруг Генриха фон Гляйхена. Уже в 1916 году Шпан и фон Гляйхен через пропагандистскую организацию «Союз немецких ученых и деятелей искусства» установили контакт друг с другом. Наконец, Эдуард Штадтлер смог осенью 1919 года убедить своего бывшего учителя Шпана принять активное участие в младоконсервативной работе в Берлине. Однако, профессор сделал свой переезд в Берлин зависящим от получения им должности в Берлинском университете. Когда даже вмешательство Брюнинга не принесло успеха, Шпан оставался по октябрь 1922 года в Кёльне, где он возглавлял кафедру. Даже если его работа в высшей школе в силу его авторитета играла важную роль при получении пожертвований, и Шпан сыграл существенную роль в создании «Политического колледжа», все же, у него всегда была определенная роль аутсайдера. Это, наверное, было связано с тем, что он никогда не хотел отказываться от своей функции преподавателя высшей школы и своей партийно-политической активности в пользу чистой «клубной работы». Тем не менее, Шпан ни в коем случае не был только «представительным католиком с юга» в кругу основных деятелей на Мотцштрассе, когда его часто видели там, а также в НННП: с его определяемым католицизмом представлением об империи он ставил решающие акценты на мировоззренческом уровне, которые повлияли как на развитие «Кольца», так и на развитие НННП.

Изданный в 1936 году сборник статей «За имперскую идею» предлагает хороший взгляд на политическое мышление Шпана во время после Первой мировой войны. Ниже мы рассмотрим имперскую идею Шпана более подробно.

После упадка Священной Римской империи германской нации именно немецкие католики, по словам Шпана, компенсировали свое политическое недовольство

романтичным ретроспективным взглядом на старую империю. Хотя Шпан теперь и не пропагандировал реакционное восстановление средневековой империи, он подчеркивал, однако, линию непрерывности, которая тянулась от Sacrum Imperium до современности. Только внедрение западных идей прервало эту линию: «Восемнадцатый век, одолеваемый французским духом, оказал разрушающее действие на наше общее и в особенности на наше государственное существование». Во времени правления Отто фон Бисмарка автор заметил однозначные признаки сопротивления миру западных ценностей: «С Бисмарком дуб снова стоял в полном великолепии его листы. Не возвращаться назад к Бисмарку, но от него далее развивать нашу конституцию вперед, вот такой должна быть наша мысль». Но этому короткому времени расцвета пришел внезапный конец с отставкой князя Бисмарка и началом эпохи Вильгельма II. Теперь – совсем в духе тезиса Мёллера о том, что «в либерализме гибнут народы» – либеральная идея смогла продолжить свою разрушительную работу. Стремление к наднациональной имперской структуре возможно только на основе двух констант: народ и пространство. Согласно точке зрения Шпана, народ и массу нельзя отождествлять. Не там, где государство и масса образуют единство, должны были закрепиться границы «третьей империи». Это зависело скорее от исторического выявления определенных культурных областей немецким народом:

«Исконная слабость нашего народного сознания состоит в том, что мы, настолько сильно, что даже в нашем инстинкте только государство и пространство для нас состоят в прочной связи друг с другом, больше не знаем, что и где мы являемся народом в пространстве.

Немецкая эмиграция существует только три, четыре поколения. До тех пор немцы путешествовали по своему пространству, осваивали, формировали его и постоянно расширяли в пределах его границ свою народную землю.

Они с самого начала связали свою историю с Рейном, Вислой и Дунаем, и они держались в рамках этой миссии, там они выполняли свое задание. Из частичных пространств, которые естественным путем образовали три реки вокруг себя, они соединили Среднюю Европу, они дали Средней Европе образоваться как единству».

Из этих исторических процессов заселения Шпан выводил для будущей «третьей империи» конкретные притязания на владение. При этом заметно географически экстенсивное истолкование понятия Средней Европы: «В результате мы смотрим на пространство, которое от гор слева от Рейна на Мозеле и Маасе, от Шельды, от Роны и По тянется до болот, которые отделяют Припять от Дюны (Западной Двины) и Днестра: Средняя Европа». Здесь четко видно, что этот ход мысли, как раз в том, что касается восточной экспансии, намного выходит за

пределы простого пересмотра Версальского договора. Автор однозначно отказывал народам Востока в праве на авторство их культурных достижений. Какой-либо прогресс был принесен соседним народам немецкими племенами. Хотя нельзя не заметить, что этому мировоззрению присуще непомерное стремление к великой державе, но, тем не менее, автор подчеркивал антиимпериалистический характер своей программы: «При этом во всем этом процессе нет ничего империалистического. Немец никуда не приходил в свое пространство как завоеватель». Согласно представлениям Шпана, немцы не имеют права называть себя нацией, пока границы их собственной государственной территории не совпадут с распространением их народных (этнических) границ. Поэтому профессор Шпан решительно выступал в защиту «зарубежных немцев», без существования которых желаемую восточную экспансию едва ли можно было бы осуществить. Шпан, как сообщает, по меньшей мере, он сам, вел в этом отношении такую усердную пропагандистскую работу, что чехословацкий министр иностранных дел и будущий президент Эдвард Бенеш с определенного момента запретил ему въезжать в Чехословакию.

Имперская идея Шпана обнаруживает определенные утопические черты, так как его националистический способ аргументации неизбежно вызвал бы сопротивление у этнических групп, которых предстояло подчинить своему влиянию. В конце концов, народы, которых это коснулось бы, должны были бы отдать свой суверенитет немецкому государству, что, принимая во внимание происхождение восточноевропейских национальных государств, едва ли можно было бы осуществить без насилия.

И возникает еще один вопрос: Как эта империя, к которой следовало стремиться, должна была быть организована в экономическом отношении? В младоконсервативном мышлении в капиталистическом способе производства снова узнавались ненавистные принципы либерализма. В этом смысле также Шпан требовал специфического «немецкого социализма», который должен был изгнать либеральный дух из экономики. Одновременно он осуждал интернационально ориентированный социализм, который в действительности поднял бы эгоизм индивидуума на уровень класса и вместе с тем противодействовал бы народной общности. Этот подход по существу совпадает с экономическим мышлением, которое представлял также Мёллер в своем основном произведении. Тем не менее, особенность Шпана – это интеграция романтично-католических элементов. Это происходило прославляющим подчеркиванием средневековья, в таких идеалах которого как экономика, направленная на удовлетворение потребностей, и отрегулированный сословиями мир между работниками и работодателями и состояла нормальность. В соответствии со средневековым образцом на место парламента и партий должна была прийти сословная государственная структура. Только так можно было бы положить конец атомизации государственной жизни.

В противоположность французам немецкий народ лишь медленно и окольными путями сросся со своим пространством. Вследствие этого в Германии развилось особенно гетерогенное тело народа. Только сословная иерархия могла бы предотвратить расхождение отдельных частей народа в разные стороны.

Этот образ мыслей последовательно проходит через весь мир представлений младоконсерваторов. Они исходили из того, что отдельные люди принципиально различны, но в идее сословий они полагали найти форму организации, которая считалась бы с этими естественными фактами. Стремление западной демократии одинаково обращаться со всеми индивидуумами рассматривалось в этом смысле как противоречие к природе конкретного человека, к тому факту, что он таков, каков он есть.

В заключение нужно еще кратко рассмотреть, в какой мере католический пыл, вроде пыла Шпана, гармонирует с тезисом Армина Мёлера о том, что Консервативная революция якобы была несовместима с христианством. При более точном рассмотрении кратко представленной выше имперской идеологии сначала бросается в глаза частое применение религиозных понятий. Так как они употребляются в чисто секуляризованном понимании для описания фёлькиш-националистического имперского представления, эти термины лишены своего религиозного значения в узком смысле. Как раз то, что касается обращения с чужими народами, которые должны быть присоединены к территории Рейха, отчетливо показывает несовместимость с либерально-просвещенным христианством современности. Сверх того, современное христианство требует не только равенства всех людей перед Богом, но и равенства всех людей в мире земном. Желаемую иерархию народов с неограниченным правом Германии на руководящую роль едва ли можно было бы совместить с этим современным христианским принципом.

5.4 Макс Хильдеберт Бём

Макс Хильдеберт Бём родился 16 марта 1891 года в Биркенру (Ливония). Во время Первой мировой войны он, как фон Гляйхен и Мёллер, работал в сфере военной пропаганды. В рамках этой деятельности Бёму во Внешнем отделе верховного командования поручили следить за латышской пропагандой в Швейцарии и разрабатывать соответствующие контрстратегии. В этой среде Бём также впервые встретился с Мёллером, которого он в свою очередь позже познакомил с фон Гляйхеном. После его вступления в «Июньский клуб» Бём стал важным представителем младоконсервативного мировоззрения на Мотцштрассе. Не в последнюю очередь по причине своего происхождения из остзейских немцев он добился особенного признания в проблематике «приграничных и зарубежных

немцев». Соответствующим образом он с 1920 по 1925 год руководил отделом по проблемам национальностей в «Политическом колледже». После продолжительных споров со Шпаном он вышел из Колледжа и основал в апреле 1926 года при поддержке Хайнца Браувайлера «Институт приграничных и зарубежных исследований». Его выдающееся положение в «Июньском клубе» проявляется, например, в том, что он наряду с Мёллером и фон Гляйхеном выступал как ответственный редактор самого важного младоконсервативного сборника «Новый фронт». В отличие от него, Штадтлеру это не удалось, что можно расценить как один из первых признаков его размолвки с фон Гляйхеном. Что касается создания законченного самостоятельного мировоззрения, то тут Бём больше держался в тени. Это становится отчетливым также в его статье «Корпоративный союз», напечатанной в «Новом фронте». Так же, как и Мёллер, Бём тоже видел основное зло в либерализме. Марксизм – это лишь продолжение либерализма на уровне класса: «Вчерашний либерал, который сегодня становится социалистом, остается, в принципе, в своей стихии». Идея классовой борьбы смогла просочиться в реальную политику только потому, что Карлу Марксу удалось сфокусировать восприятие людей на этой проблематике. Следовательно, классовая борьба, согласно Бёму, представляет собой чисто искусственный продукт, который привел в беспорядок естественное иерархическое строение: «В области практической политики он не брал класс как действительность, а вообще в широком понимании он только создавал его, концентрируя сознание на этом». Даже если бы удалось осуществить «диктатуру пролетариата», это лишь повлекло бы за собой то, что поднявшиеся вверх снова отграничились бы от оставшихся внизу, вследствие чего возникла бы новая революционная волна: «Разве не видел он [Маркс], что каждый пришедший к господству или даже к диктатуре класс отграничивается книзу и вместе с тем рождает завтрашнего революционера из своего собственного лона?» Следовательно, Бём рассматривал марксистскую теорию как утопическую идеалистическую игру воображения, которая принесла только разлад в мир. Это представление разделялось всеми внутри младоконсервативного движения. Также относительно общественно-политического контрпроекта не было никакой разницы между мировоззрением Бёма и мировоззрением «Кольца»: «Преодоление класса происходит через сословие». Корпоративный союз должен, согласно Бёму, всегда происходить непосредственно из народа. Из свободного, несвязанного общества хотя и могло бы развиться государство, но создание «структурированного иерархического общества» было бы осуществимо только силами связанного с почвой народа: «Чувство местной родины – это исходная ячейка корпоративного живого национального самосознания». Сословная структуризация должна позаботиться о том, чтобы вопреки сохранению капиталистической экономической системы стало возможным антииндивидуалистическая совместная жизнь людей. Более того, Бём в корпоративной структуре видел основу для появления «национально» ориентированного руководства: «Полярность между массой и деспотом можно

преодолеть только внутренним союзом народа с вождем. Для этого внутреннего обновления корпоративная идея создает прочное основание».

Как уже кратко было показано выше, этот автор не предлагал подробных инструкций для преобразования государственной и общественной жизни. Тем не менее, у него можно найти зачатки запланированной переделки конституции. Программа Бёма предусматривала поставить «палату труда» на вершину сословий. Основной идеей этого органа было изъятие экономических вопросов из политического пространства. «Палата труда» должна была регулировать противоречия интересов внутри различных хозяйственных субъектов и между ними. Кроме того, этой инстанции предоставлялась широкая внутривнутриполитическая и внешнеполитическая компетенция. Что касается организации и контроля культурной жизни, то Бём думал об учреждении «палаты образования». Этот орган должен был освободить культуру от влияния экономики с той целью, чтобы все участвующие в культурной жизни мужчины и женщины собирались «в обширное, охватывающее всю культурную жизнь нации образовательное сообщество», чтобы дать выразиться «воле нации к образованию через действительно призванных». Третьей корпорацией должна была стать «палата порядка», компетенция которой изображалась не очень четко. По мнению Бёма, заданием этой палаты было бы следить за единством федеративной империи, управлять имперским имуществом и внутренним управлением и, сверх того, взять на себя внешнеполитические задачи. «Палата порядка» хоть и должна была происходить из бывшего парламента, однако Бём считал, что это учреждение будет комплектоваться по регионально-корпоративному принципу. Этот шаг означал бы окончательный конец прямых выборов партий народом. В основе системы трех палат Бёма должна была лежать не плебисцитная демократия, а органически-иерархическая структура немецкого «народного тела». Чтобы гарантировать тесную связь правительственных учреждений, автору представлялось что-то вроде Имперского совета (Рейхсрата), который должен был комплектоваться представителями из всех трех палат. После появления его конституционно-политического труда «Корпорация и общество» Бём все больше обращался к проблемам «приграничных и зарубежных немцев» и высказывал фундаментальные соображения об отношении народа к государству. Как контрпроект к книге Эрнста Юнгера «Рабочий» (1932), в которой автор хотел представить теорию модерна, Бём в 1933 году опубликовал книгу «Буржуа под перекрестным огнем». В его более поздней творческой фазе Бём уже не занимался проблематикой сословий, поэтому его проект органического сословного государства остался незаконченным. Но этот пробел смог заполнить выдающийся представитель корпоративной мысли Хайнц Браувайлер.

5.5 Хайнц Браувайлер

Хайнц Браувайлер родился 1 января 1885 года в Мюнхене-Гладбахе (сегодня Мёнхенгладбах). После изучения юриспруденции он в 1913 году стал работать в газете «Дюссельдорфер Тагеблатт». После того, как депутат от Партии Центра Маттиас Эрцбергер объявил о своей готовности вести мирные переговоры с державами Антанты, возникло раскольническое движение национально-консервативных сил Центра, которые тем самым сопротивлялись «политике исполнения» и курса демократизации их председателя партии. «Дюссельдорфер Тагеблатт» при поддержке Браувайлера стала платформой всех тех сил, которые стремились к «устранению» Эрцбергера. Этот курс активно поддерживался католиками Шпаном и Штадтлером. Однако консервативное крыло Центра обладало во всей партии относительно небольшим весом, так что Браувайлер должен был 30 июня 1920 года уйти со своего поста главного редактора. Теперь ориентированный на сословную систему национальный католицизм уже не мог таким способом пропагандировать свои идеи широкой публике. Поэтому Браувайлер решил собрать консервативный католический верхний слой вокруг нового журнала. В сентябре 1920 года ему удалось создавать журнальный проект под названием «За сословную структуру». Вокруг этого журнала Браувайлер собрал кружок, который состоял большей частью из католических аристократов. Программатика этого союза обнаруживает многочисленные параллели с миром представлений кружка вокруг Генриха фон Гляйхена: они оба выступали против рационализма Просвещения, против парламентаризма, против обусловленной западным влиянием формальной демократии и против партийной системы. Зато средневековые обозначались как «эпоха настоящего народного счастья, здоровой жизни коллектива и истинной культуры». В этом смысле классовое самосознание должно было быть преодолено структурированной органически сословной системой. Кружок вокруг Браувайлера хоть и получал финансовую поддержку от фермерства, тем не менее, промышленность вопреки отдельным платежам скорее соблюдала дистанцию. Это было одной из причин, почему журнал в конце 1921 года прекратил издаваться.

В принципе, проект самостоятельного консервативно-сословного сборного движения Браувайлера потерпел неудачу. Тем не менее, в апреле 1922 года было основано «Объединение за сословную структуру», и при посредничестве Шпана «Объединение за сословную структуру» было интегрировано в «Политический колледж». На публицистическом уровне Браувайлер обеспечил свое воздействие, став с февраля 1923 года прилагать к еженедельнику «Совесть» приложение под названием «Сословное движение». С помощью этого приложения можно было достигнуть определенного внешнего присутствия католической сословной идеи. В рамках «серии трудов Политического колледжа Кольца» Браувайлер опубликовал в 1925 году свое основное произведение «Профессио-

нальное сословие и государство», которое представляло собой важный вклад в создание младоконсервативного мировоззрения «Кольца». Эта книга претендовала на то, чтобы предоставить директивы по конституционной реформе для создания «профессионально-сословного представительства» и «профессионально-сословного самоуправления»: «Как можно понимать и направлять профессионально-сословные стремления, чтобы послужить новой государственной структуре?» Сословие Браувайлер в этой связи определял как производственную общность, которая готова взять на себя ответственность. Напротив, класс – это искусственная группа, составленная из эгоистичных индивидуумов. В средневековой сословной системе способствовала полномасштабному удовлетворению граждан, вследствие чего государство и общество слились в единство: «Средневековье в период его расцвета не знало противоречий между государством и обществом». Но в более позднее время началось изменение экономических отношений, вследствие чего сословия как принцип упорядочения не могли справиться со своей задачей, и появились классы. С этой трансформацией исчезла также идеальная форма «органического государства». «Органическое понимание государства» исходит из того, что государства должно не только служить благосостоянию индивидуума, но оно связано исторически с сообществами людей, от семьи до народа, а также у него есть обязательство служить этим естественно выросшим единствам. В отличие от этого, современное государство для соблюдения интересов индивидуумов должно прибегать к абсолютистским средствам, чтобы помешать тому, «что борьба противоречий интересов перерастет в гражданскую войну». Браувайлер считал, что немецкое государство из-за неспособности парламентаризма находится под очень большой угрозой, из-за чего «только вопрос времени или наихудшей нужды», когда будет создано «эрзац-кайзерство» либо конституционным путем, либо путем чрезвычайной диктатуры. Здесь видно, что автор ожидал усиления полномочий рейхспрезидента за счет парламента. Браувайлер также возлагал ответственность за бедственное положение государства на влияние могущественных организаций частного хозяйства. Хотя против здорового экономического самоуправления нечего было возразить, однако интерес экономики всегда должен подчиняться государству и вместе с тем благу народной общности: «Не от образования самостоятельно управляемой, структурированной в социальном и экономическом отношении народной общности, а от зависимости от международной плутократии и банократии исходит угроза государству». Браувайлер хоть и придерживался капиталистической системы, но противился бесчинствам и порокам интернационального крупного капитала. Для восстановления истинной народной общности он требовал – опираясь на прусского государственного деятеля и реформатора барона Генриха Фридриха Карла фон унд цум Штейна – внедрения общностей самоуправления, которые должны быть включены в государство. Это вовлечение граждан в государство могло бы устранить распространенную государственную

отчужденность. Такую интеграцию народного тела в государственную жизнь Браувайлер и называл «настоящей демократией».

Связь государства с народом путем расширения самоуправления должна была ускориться также в области налоговой системы. Основная мысль при этом состояла в том, чтобы собирать налоги непосредственно в их источнике, т.е. с предприятий и больше не с трудящихся. Затратоемкое финансовое управление и налоговое управление могло быть в большой мере сокращено на государственном уровне путем участия экономики в процессе сбора налогов. Таким радикальным упрощением налогового права Браувайлер думал приблизиться к его идеалу профессионально-сословной структуризации. Однако вычленение права на сбор налогов в так называемые «налоговые общности» не должно было привести к ослаблению государства: «Налоговые общности не должны ни означать ослабление государственной власти, ни привести к нему». Соответствующим образом Браувайлер выступал за то, чтобы вопреки запланированным правам контроля со стороны «налоговых общностей», право распределения собранных в виде налогов денег оставалось у государства.

На экономическом уровне Браувайлер оценивал необузданный эгоизм частного хозяйства как главную проблему, из-за чего он разрабатывал идею «экономического самоуправления». Сам автор рассматривал практическое внедрение органического экономического самоуправления как очень трудную затею. Направленное против частных интересов «профессионально-сословное чувство общности» ни в коем случае не могло бы возникнуть сам собой. Наряду с контролирующей государственной «экономической полицией», решающим было бы, прежде всего, поощрение чувства долга ради всеобщего блага: «Только признание сословной общей ответственности за действие каждого отдельного члена создает основу кооперативного подчинения всеобщему благу». Для поддержки общей ответственности программа Браувайлера предусматривала объединение экономических групп в «налоговые общности». Субъекты хозяйствования должны были стимулироваться к максимальной производительности и чувству солидарности путем установления определенных налоговых поступлений, которых нужно было достигнуть:

«Если отдельные группы экономических работ объединяются в налоговые общности, то их можно будет легко привести к тому, чтобы полученную общую производительность и общую ответственность в этой области привести к мероприятиям, которые одновременно идут на пользу всей общности. Долг добиться налогового результата, высота которого фиксированная, порождает заинтересованность к повышению общей продуктивности и продуктивности каждого отдельного предприятия. У налоговой общности должно быть право проводить

определенные необходимые для такого повышения мероприятия, при определенных обстоятельствах применять для этого принуждение».

В конечном результате реформаторские предложения Браувайлера имели своей целью создание автаркической национальной экономики. При этом профессионально-сословная структуризация должна была стать бастионом для защиты от международного развитого капитализма.

Однако, как немецкий рабочий класс должен был интегрироваться в профессионально-сословную систему? При этом основная проблема лежала, по словам Браувайлера, в классовом самосознании пролетариата, вследствие чего слияние с народным целым стало бы между тем почти невозможным. Но только с помощью преодолевающего классы сотрудничества рабочих, капитала и руководства предприятий можно было бы приблизиться к идеалу настоящей народной общности. Поэтому относительно экономического самоуправления отдельное предприятие могло бы и должно было бы всегда быть исходным пунктом преодоления классов:

«Все экономическое самоуправление, вырастает ли оно из налоговой общности или из исполнения национально-экономического (кооперативного) долга, должно основываться на отдельных предприятиях, может только делиться на различные области экономической деятельности и объединения действующих в них предприятий».

Но марксистское рабочее движение разделило рабочего с его предприятием и экономическими лидерами. Христианское и национальное рабочее движение, напротив, пытается снова свести рабочего, капитал и руководство предприятиями в единство. С мыслью о «заводской общности» Браувайлер представлял конкретные директивы для проведения профессионально-сословной реформы предприятий. Желаемая реформа должна была привести на крупных производствах к учреждению так называемых заводских общностей, которые представляли бы всех рабочих и служащих в противовес к капиталу. Браувайлер предоставлял широкие внутрипроизводственные полномочия этим органам рабочего представительства:

«Заводская общность владеет собственным имуществом. Она получает и сохраняет собственность на все учреждения, которые служат интересам сотрудников предприятия. Она может приобретать акции и владеть ими. [...] Участие в прибыли нужно отрегулировать так, чтобы не отдельный рабочий или служащий, а вся заводская общность получала свою долю в прибыли; она должна управлять этим участием в прибыли и использовать его в интересах работников».

Эти все же действительно непомерные вмешательства в предпринимательскую автономию разъясняют, почему программа Браувайлера рассматривалась представителями экономики со скепсисом. Все-таки управление предприятием и право на прием на работу и увольнение руководящего персонала должны были оставаться неприкосновенными.

Также перед правовой системой младоконсервативные реформаторские усилия Браувайлера не останавливались. Основой этих стремлений был отказ от классического юридического позитивизма: «Мы должны будем научиться тому, что простое позитивистское понимание: право = государство не может сохраниться на длительный срок [...] короче, что наше техническое правовое учение должно снова глубже вернуться к чувству справедливости». Чтобы достигнуть этой цели, Браувайлер настаивал на передаче судебной практики правосудия от государства к близким к народу объединениям самоуправления. При этом децентрализованная правовая система должна была приспособливаться к соответствующему окружению: «Крестьянское сословие должно иметь другое право, чем купечество, бизнес другое, чем торговля и земледелие, со свободными профессиями нельзя обращаться так же, как с ремеслами». Помимо этой регулярной судебной практики Браувайлер хотел расширения свободного арбитража. В нем он видел естественное регулирование судебных процессов. Это особенно касалось экономической области, где профессиональные группы с их внутренними арбитражами могли бы освободить государство от этой обязанности. От этой непосредственной судебной практики Браувайлер ожидал положительного воздействия на чувство солидарности участвующих лиц.

Также в коммунальной области Браувайлер постулировал необходимость профессионально-сословного соуправления. Благодаря всеобщему и равному избирательному праву партиям удалось проникнуть в коммунальное управление, что невероятно увеличило связанные с этим бюрократические издержки. Так как основной вопрос коммунального управления является не законодательным, а административным, партийную систему следует оттеснить в пользу «коммунального самоуправления»: «Жизнь общины сама по себе – это не благоприятная почва для партийной системы, так как основное внимание здесь должно уделяться администрированию, а не законодательству, значит, для этого требуются трудолюбивые, умелые, знающие свое ремесло люди, а не верные линии партии и красноречивые партийные приверженцы». Через право локальных предприятий на принятие решений о сборе промыслового налога необходимо было достигнуть более тесной интеграции между коммунальным управлением и профессионально-сословными объединениями.

На культурном уровне Браувайлер также требовал сокращения бюрократии; духовная жизнь не должна была подлежать государственному регулированию.

Несмотря на контролирующую функцию государства, принцип самоуправления должен был вводиться как раз в области школьного образования. В частности, освобождение культурных вопросов от партийно-политического влияния было важным требованием автора. Однако, в противоположность Бёму, он решительно отвергал учреждение «палаты образования» на общегосударственном уровне:

«Сегодня много говорят о «самоуправлении духовной жизни», и появилась мысль дать этому самоуправлению наивысшую инстанцию в форме «культурного парламента». [...] Но для чего эта лазейка с «культурным парламентом»? Ведь эта идея содержит одобрение возможности и права для «законодательного» вмешательства сверху, т.е. она происходит из мышления, одобряющего абсолютистско-всемогущее государство».

Как, однако, представлялась Браувайлеру организация высших палат империи? Даже если эту область автор описывал только схематически, можно выбрать несколько основных проблем. Из широкого согласия со стороны членов «Кольца» могло произойти требование Браувайлера исключить народное представительство (парламент) из правительства и ограничить его контролирующими функциями. Контрольные права народа должны были находиться преимущественно в области распределения собранных налогов. Для соблюдения этих прав следовало бы создать имперский совет экономики, который лучше всего мог бы решать также экономико-политические и социально-политические задачи. Наряду с Рейхстагом, который представлял бы политические силы народа, по словам Браувайлера, была бы возможность преобразовать Имперский совет в «представительство политических сил, которые действуют в сфере самого государства». Далее Браувайлер конкретизировал:

«В продолжении мыслей, которое занимали, прежде всего, Трейчке, из Имперского совета нужно было бы сделать Первую палату политического парламента, в которой «господствующие» группы, государственное чиновничество, армия, высшие администрации земель находили бы свое представительство».

Политические цели Браувайлера не останавливались также перед государственными границами Веймарской республики. Опираясь на «Третий Рейх» Мёллера, он требовал «повторного введения немецкого управления в Средней Европе». Браувайлер хорошо понимал утопическое содержание имперской идеи; но как раз в вечной цели империи он видел потенциал, нужный для того, чтобы укоренить в немецком народе объединяющую политическую идею. Национализм в Европе можно было бы преодолеть только тогда, если из сословной структуры немецкого государства разовьется иерархически-структурированный европейский порядок.

5.6 Вальтер Шотте

Вальтер Шотте родился 3 октября 1886 года в Берлине. После учебы в Берлине и Гейдельберге он получил в 1909 году докторскую степень по истории. Как секретарь политика Германской демократической партии (DDP) Фридриха Наумана, который позже сделал великодушное пожертвование при основании «Антибольшевистской лиги», он установил контакт с либеральными политическими кругами, тем не менее его правая ориентация впоследствии возрастала все больше. Шотте стал особенно известен из-за редактирования «Прусских ежегодников». Только в 1921 году он вступил в непосредственный контакт с «Июньским клубом», но быстро занял определенную влиятельную позицию, благодаря своему публицистическому таланту. Это, например, видно по его статье в антологии «Новый фронт» с заголовком «Немецкая пресса и заграница». В начальный период «Движения Кольца» главными личностями еще были Штадтлер и Мёллер наряду с организаторским талантом фон Гляйхена. После смерти Мёллера и выбывания Штадтлера из более тесного круга «Кольца» Шотте стал одним из самых важных деятелей в новом «Клубе господ». При всем том Шотте описывался «как неустойчивый характер, с сильной склонностью к алкогольным эксцессам, и он стоил фон Гляйхену очень больших денег». И, все же, он был незаменимым рупором фон Гляйхена, что выражалось в многочисленных статьях в «Кольце». Он достиг апогея своей политической деятельности, когда он был «придворным пропагандистом» нового кабинета во время правления рейхсканцлера Франца фон Папена (с 1 июня по 3 декабря 1932). Подобно Эдгару Юлиусу Юнгу, Шотте писал политические речи для Папена, из-за чего младоконсервативное влияние на рейхсканцлера может оцениваться как весьма высокое. Своей книгой «Новое государство» (1932) Шотте представил программный труд, который был специально настроен на независимый от партий президентский курс Папена. Однако эта книга не добилась желаемого успеха у общественности, и из десяти тысяч тиража было продано только совсем немного экземпляров. Ниже мы на основе этого произведения покажем, как представляло себе «Движение Кольца» реалистическое воплощение его мировоззрения.

Шотте начал свои рассуждения с критики кабинета Брюнинга, который так никогда и не смог действительно освободиться от влияния партий. В противоположность этому он хвалил правительство второго президиального кабинета, которое было «первым действительно внутренне независимым от партий правительством». Это положение нужно сохранять и дальше, что можно осуществить только при бескомпромиссной борьбе с партиями старого государства. Тем не менее, он констатировал, что партийные течения, как они выражались коммунистами, социалистами, центристами и правыми, должны будут оставаться также в будущем. Но эти силы могли бы конструктивно способствовать новому по-

строению государства только после отмены партийно-политического парламентаризма: «Партии тогда также в политике этого нового государства получат роль исторического значения». Это высказывание представляло собой либерализацию младоконсервативной мысли ввиду реалистических обстоятельств. В конце концов, Мёллер в своем основном произведении требовал создания «третьей партии», которая должна была объединить в себе очищенные от либерализма революционные, социалистические, демократические и пролетарские элементы, чтобы реализовать «Третий Рейх» в духе органического консерватизма. Теперь Шотте в какой-то мере отклонялся от этой идеалистической картины, так как он хотел допустить в «новом государстве» существование нескольких противоположных партийных структур. Даже если тезис Шотте был принципиально совместим с «Третьим Рейхом» Мёллера, все же, здесь узнаваем отчетливый отказ от идеализма начального периода.

Как уже упоминалось, Шотте хотел положить конец партийно-политическому парламентаризму. Тем не менее, парламентский принцип как таковой должен был сохраниться: «В империи, однако, мы должны будем придерживаться парламентского принципа. Нет никакой другой возможности, кроме парламентской системы, чтобы привести народ к солидарному участию и солидарной ответственности за политическую судьбу Германии». Автор заметил, что качественного улучшения парламента можно достигнуть только путем реформы избирательного права. Но идею сословий, которую защищали многочисленные младоконсервативные деятели, Шотте отвергал: «Также еще сегодня самые важные сословия почти не представлены, например, сословия так называемых свободных профессий или сословия находящейся на государственной службе науки. На самом деле профессиональная дифференциация зашла уже слишком далеко, чтобы ее еще можно было бы охватить по сословному принципу». В этом анализе проявляется то, что для Шотте здесь важна была только практическая реализуемость его идей. Тем не менее, отказ от сословной системы представляет собой отчетливый разрыв с младоконсервативной традицией. Если то, что Шотте защищает парламент, было для авторов «Кольца» также определенным курьезом, то его предложения о реформе избирательного права, все же, еще полностью отмечены печатью младоконсервативной школы: Шотте предлагал ввести не прямое избирательное право, что значит, что имеющие право голоса выбирают непосредственно не должностных лиц, а промежуточную инстанцию, которая осуществляет настоящий выбор. Автор считал, что это создаст непосредственный органический контакт между избирателями и промежуточными инстанциями. Следующим требованием было введение права плюрального вотума: «Потому что мы придерживаемся взгляда, что у каждого немца, все равно, лежит ли он в пеленках, или ему больше ста лет, есть право быть представленным со своим народом через парламент». Этот проект соответствующим образом предусматривал, чтобы глава семьи с большим количеством детей получал также

большой вес голосов на парламентских выборах. В ходе этих выборных реформ также должен был значительно повышен возрастной избирательный ценз. Но и этих мероприятий недостаточно, считал Шотте, чтобы вывести парламентаризм из кризиса. Основную проблему Веймарского парламентаризма нужно видеть «в преувеличенных компетенциях парламента». В республиканской практике парламента значительно вышел за рамки его настоящего предопределения, захотев больше, чем «свободу слова с большой критической точки зрения» и «контроль и участие в законодательстве». Шотте стремился к четкому разделению прав парламента и правительственной власти. Чтобы достигнуть этого, автор хотел учредить «вторую палату», заданием которой был бы контроль парламента. Члены этой верхней палаты должны были выбираться на свой пост рейхспрезидентом. При этом на переднем плане должны были быть их личные достижения и независимость от партий. Пост главы государства занимает в «новом государстве» Шотте центральное место. В отличие от вождя рейхспрезидент обладает истинной властью господства:

«Вождь «будет», властитель «есть»! Это значит: властитель рожден, властитель избран, властитель – это властитель благодаря авторитету, который у него есть для государства; но вождь будет вождем вследствие того, что он ведет, т.е., что он доказывает свою пригодность, вызывает доверие, завоевывает для себя авторитет; он не суверенен, а должен быть признанным. Его свита может его уволить».

Эта понятийная дифференциация была направлена преимущественно против притязаний НСДАП на власть. Итак, Шотте отказывал руководству Адольфа Гитлера в потенциале, на который опирается государство. Только пост рейхспрезидента свободен от какой-либо политики интересов, вследствие чего лишь суверенное выступление за государство и народ стало бы возможным. Поэтому с точки зрения конституционного права именно дело рейхспрезидента регулировать состав «второй палаты». В этой связи Шотте опирался на программу верхнего слоя фон Гляйхена. Это было заданием властителя собирать самые способные силы народа: «Он должен искать тех, кто смотрит с ним в одном направлении, стремится к той же цели, он должен собирать всех, кто чувствует себя ответственным за государственный идеал и способен нести такую ответственность. Они – верхний слой». Значит, укомплектование «второй палаты» должно было осуществляться в соответствии с элитарной идеей верхнего слоя «Клуба господ». Но какое положение должен был получить в государстве простой народ, если не учитывать непрямой выбор парламента? Шотте в этом отношении обращал внимание на подчеркнутое положение пролетариата в мировоззрении Мёллера: «Уже пробудитель нового немецкого консерватизма Мёллер ван ден Брук признал и разработал право и честь пролетариата». Народная масса должна была контактировать с политической сферой преимущественно

через союзы самообороны, профсоюзы и партии. Эти близкие к народу учреждения следовало сохранить также в «новом государстве».

Разумеется, Шотте требовал очистки этих учреждений от какой-либо политики интересов. Это в особенной степени касалось партий. Шотте отвергал тоталитарную унификацию партий в духе консервативно-авторитарной идеологии. Скорее он констатировал, что по причине гетерогенного состава немецкого народа у различных мировоззренческих лагерей было бы свое право на существование: «Партии, естественно, должны существовать. Особенно в немецком народе, который является единым целым только снаружи, но не внутри. Он разорван противоречиями, которые обусловлены мировоззренческими причинами. [...] То, что нам нужно, это партии мировоззрения».

В желаемом парламенте «нового государства» борьба мировоззрений должна была занять место старой политики интересов. В принципе, на этой основе следовало содействовать плюрализму мировоззрений, который верхний слой и рейхспрезидент должны были направлять в полезном для сохранения государства направлении. В этом смысле «новое государство» было бы одновременно либеральным и авторитарным. Подавление мировоззренческих противников не было предусмотрено в видении государства у Шотте. Тем не менее, верхушка государства должна была отчетливо ориентироваться в консервативно-авторитарном направлении. С помощью либеральной уступки мировоззренческой свободы в основе Шотте думал превратить политически расколотый народ в настоящую народную общность.

В заключение можно сказать, что этот государственный проект ведущего деятеля с Мотцштрассе заслуживает особенного внимания. У младоконсервативного движения всегда была склонность к иррациональному и романтичному. Так как оно в значительной степени сторонилось актуальных политических вопросов и занималось преимущественно метаполитикой, это также не представляло большой проблемы. Но теперь при приходе к власти члена «Клуба господ» Франца фон Папена «Кольцо» должно было выработать уже реализуемую программу. Проект Шотте мог стать решением этой задачи. Даже если видение государства из окружения Консервативной революции никогда не было реализовано в политической практике в Германии, из «Нового государства» можно, все же, вычитать, как могла бы выглядеть такая реализация. Однако автор все еще не мог полностью отказаться от иррационально-мистических элементов Консервативной революции. На последних страницах своей работы он указывал на то, что после реализации «нового государства» имперская идея обязательно бы возродилась:

«Мы боремся за новое государство. Это последняя, это самая большая задача создания, которое возложено на наш народ. Если мы снова создадим империю, не третью империю, а настоящую империю, если мы действительно восстановим «Рейх», то мы, немцы, спасем нас самих, государство, империю, Европу».

6. РЕЗЮМЕ ПЕРВОЙ ЧАСТИ: ОРГАНИЗАЦИИ И ЛИЧНОСТИ

Уже в «осевое время» в девятнадцатом веке выкристаллизовалась трансформация традиционного, обращенного в прошлое консерватизма. Самое позднее, провозглашение «смерти Бога» Фридрихом Ницше и совпавшая с этим попытка преодолеть нигилизм современного времени вызвали после крушения кайзеровской империи настоящий расцвет неоконсервативных концепций. Консервативным мыслителям все более становилось ясно, что либерализм Запада создал статус-кво, который можно было преодолеть исключительно в радикально новой ориентации на будущее. Но после того, как после Ноябрьской революции 1918 года либеральная идея начала свое беспрепятственное триумфальное шествие в Веймарской республике, «направленный вперед» консерватизм стал тем, что известно сегодня под термином «Консервативная революция».

Внутри Консервативной революции тогда сформировалась младоконсервативная ветвь, самым незаурядным ранним представителем которой может считаться Артур Мёллер ван ден Брук. Вокруг него в Берлине скоро образовался политический кружок, который сам себя называл «Кольцом». Эта группа стремилась – вопреки некоторому сопротивлению в собственных рядах – к созданию «верхнего слоя», который как авангард младоконсервативной мысли должен был положить конец парламентской системе. Попытки создать желаемое антилиберальное государство с помощью большого народного движения не предпринимались. Для этого не хватало также общеупотребительной и понятной доктрины, которой располагали, например, коммунисты и национал-социалисты. Консервативную трансформацию должна была вызвать не унификация, а воспитательно-образовательные программы, которые имели своей целью не массу, а способный руководящий слой. Государство, к созданию которого стремились, должно было не базироваться на централизме, а стать органически-иерархической структурой путем возрождения сословной системы. В этом «Кольцо» также видело окончательное решение очень остро стоявшей в Веймарской республике классовой проблемы. О конкретном оформлении государственной верхушки мнения среди младоконсерваторов расходились, однако можно заметить тенденцию поддержки создания «Второй палаты», которая должна была стать противовесом к парламенту. Существовало общее согласие относительно того, что партийную систему нужно оттеснить на задний план, а правительство не должно было зависеть от благосклонности парламента. В об-

ласти избирательного права пропагандировалось уже не всеобщее равное избирательное право, а внедрение права плюрального вотума.

«Движение Кольца» не только боролось с партийной системой, но и само тоже избегало создания партийной организационной структуры. «Объединение за национальную и социальную солидарность» представляло собой первый важный союз младоконсервативно настроенных деятелей. Это объединение было заинтересовано преимущественно в создании сетевых структур и разъяснении принципиальных метаполитических вопросов. Полной противоположностью этому была «Антибольшевистская лига», которая ставила себе задачей укоренить во всем народе идею, что большевизм представлял зло. Благодаря богатым сторонникам из сферы экономики, эта организация смогла первоначально создать сеть пропаганды в масштабах Германии. Однако спонсоры не были согласны с творческими политическими целями «солидаристов», из-за чего последние посчитали себя вынужденными выйти из Лиги. При этом ранние младоконсерваторы потеряли возможность использовать мощный пропагандистский механизм Лиги в своих целях. С основанием «Июньского клуба» социально-реформаторские младонациональные силы все больше теряли влияние. Эта новая организация клуба была тесно связана с «Союзом защиты приграничных и зарубежных немцев», вследствие чего соответствующие идеи были активно восприняты программатикой «Кольца». Сначала в «Июньском клубе» царил открытая для самых разных взглядов атмосфера, и на переднем плане были политические дискуссии. Тем не менее, отчужденность между младоконсервативными и младонациональными силами все больше возрастала, и первые, в конечном счете, смогли победить. Созданием «Политического колледжа» «Кольцо» преследовало цель создать что-то вроде высшей школы для руководящей элиты будущего. Этот проект можно оценить как сначала действительно успешный. Однако это учреждение пало жертвой партийного влияния НННП, которая хотела перестроить Колледж в немецко-национальное учебное учреждение. Это привело к кризису также «Июньский клуб», из-за чего с основанием «Немецкого клуба господ» была осуществлена стратегическая переориентация. Теперь социально-реформаторские идеи полностью стали жертвой элитарной идеи верхнего слоя.

Как уже было показано, кружок вокруг Мёллера отнюдь не представлял собой гомогенное единство. Скорее младоконсервативное движение было конгломератом из самых разных характеров. У Генриха фон Гляйхена уже во время Первой мировой войны из-за его работы в военной пропаганде была способность создавать обширные политические сети. Как основной организатор младоконсервативного клубного движения он создавал организационные основы «Кольца». Даже если его задание в меньшей мере состояло в разработке метаполитических программ, он опубликовал несколько политических статей. Он, ссылаясь

на Ницше, настаивал на образовании верхнего слоя, на который опирается государство. Этот слой не должен был участвовать в парламентской работе, а во внешних ячейках «самопомощи» добиваться создания националистического государства. Людей из их вегетативного состояния, в котором они пребывали, можно было вырвать только сакральным повышением ценности идеи национального государства. От ориентации Мёллера на Восток во время Немецкого клуба господ по инициативе фон Гляйхена отказались. После того, как внешне-политические отношения значительно разрядились, фон Гляйхен видел возможность примирения с Западом в немецко-французском сотрудничестве. Большой час фон Гляйхена пробил во время президиальных кабинетов, когда «Кольцо» смогло внедрять свои политические представления непосредственно в правительственный аппарат. С отставкой Франца фон Папенса «Кольцо», тем не менее, упустило исторический шанс воплотить свое мировоззрение в реалистической политике.

Наряду с фон Гляйхеном Эдуард Штадтлер был, вероятно, наиболее значимым представителем раннего «Движения Кольца». Штадтлер начинал свою политическую карьеру в католической среде Партии Центра. После того, как он своими глазами увидел развитие большевистского движения в Москве, он создал в Германии «Антибольшевистскую лигу», могущественную пропагандистскую организацию. Его личное пристрастие к идее советов и национальному социализму привело его к конфликтам со спонсорами его организации. Чтобы далее развивать свою «национально-социалистическую» идеологию с помощью желаемого народного движения, он покинул Лигу. Отныне его политическая работа концентрировалась в кружке солидаристов и позже в «Июньском клубе». Но внутри клуба он не смог настоять на своей младонациональной идеологии из-за сопротивления фон Гляйхена, что, в конечном счете, заставило Штадтлера выйти из «Кольца».

Профессор истории Мартин Шпан, как и Штадтлер, начал свою политическую карьеру в Партии Центра. Уже в молодости началось его уважение прусского национального государства Бисмарка, из-за чего он выступал за конфессиональное примирение между протестантами и католиками. Его критика парламентского демократического курса Партии Центра привела его к конфликту с политиком-центристом Эрцбергером, в результате которого он нашел свою новую политическую родину в НННП. При посредничестве своего бывшего ученика Штадтлера Шпан стал сотрудником в берлинском «Движении Кольца». Там он всегда оставался со своими идеями в роли аутсайдера, однако, благодаря руководству «Политическим колледжем» и разработке своей имперской концепции, ставил решающие акценты. Имперское видение Шпана опиралось на константы «народ» и «пространство» и обладало подспудным империалистическим направлением удара на Восток. Профессор хотел сменить парламент и

партийную систему сословной структурой. В целом концепцию империи Шпана, несмотря на его католическую ориентацию, нельзя считать совместимой с современным христианством.

Также Макс Хильдеберт Бём присоединился к младоконсервативному кружку вокруг Генриха фон Гляйхена через военную пропаганду. Его специальной сферой были приграничные и зарубежные немцы, из-за чего он в «Политическом колледже» также руководил отделом, занимающимся проблемами национальностей. В его произведении «Корпорация и общество» он развивал идею трехпалатной системы, которая должна была базироваться на сословной структуре. Целью этих реформаторских предложений было устранение ангажированной формальной демократии. Позже Бём обратился к другим вопросам, из-за чего его модель корпоративного государства осталась незаконченной.

Хайнц Браувайлер сначала пытался собрать вокруг себя католический национальный кружок с целью выработки программы для нового профессионально-сословного порядка. Вопреки финансовой поддержке со стороны видных деятелей экономики ему не удалось построить долговечную организацию. Особенно немецкая промышленность смотрела на видение сословного государства с большим скепсисом. Тем не менее, Браувайлер смог продолжить свои исследования на Мотцштрассе и, в особенности, в «Политическом колледже». Результатом этого сотрудничества стала книга «Профессиональное сословие и государство», которая вышла в 1925 году. В этом произведении автор вырабатывал модели для реалистически возможной профессионально-сословной реорганизации всех важных областей общественной жизни. Упрощенно можно сказать, что Браувайлер стремился к сокращению государственных органов власти и уменьшению их полномочий и к расширению самоуправления. Это должно было противодействовать чрезмерному индивидуализму и способствовать новому чувству солидарности людей. Особенно на политическом уровне Браувайлер надеялся, что сможет предложить альтернативы Веймарской конституционной системе.

Вальтер Шотте только в 1921 году пришел в «Июньский клуб», но смог быстро закрепиться там, благодаря своему публицистическому таланту. После отхода Штадтлера и смерти Мёллера Шотте стал самым важным помощником фон Гляйхена, что выражалось, в частности, в его участии в создании «Немецкого клуба господ». Во время правления правительства Папена Шотте был «придворным пропагандистом», вследствие чего он мог оказывать непосредственное влияние на политику рейхсканцлера. В этой фазе он опубликовал свой труд «Новое государство», которое было задумано как пропагандистская работа для правительства Папена. Эту книгу можно оценить как сравнительно либеральную, так как она не требовала всеобъемлющего нового построения государства, а хотела сохранить партийную систему и парламент в измененной форме. Либерально-

авторитарное государство Шотте можно рассматривать как консервативный контрпроект к позднее реализованному Адольфом Гитлером национал-социалистическому государству вождя.

7. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА МЁЛЛЕРА ВАН ДЕН БРУКА

7.1 «Третий Рейх»

7.1.1 Предисловие («Дорогой Гляйхен»)

Основное произведение Мёллера «Третий Рейх» – это самый важный политический текст автора и должен быть приоритетным объектом исследования, если нужно представить его мировоззрение в структурированной форме. Как раз в то время, когда младоконсервативное движение находилось в стадии построения и ориентации, книга Мёллера оказала формирующее влияние и разработала интегрирующую динамику, яркость которой была отчетливо ощутима в рамках всей Консервативной революции. За это не в последнюю очередь отвечало само название книги, которое, по словам Бёма, как ни удивительно, было скорее случайным продуктом; первоначально Мёллер планировал назвать свое произведение «Третья партия». Сравнимого публицистического успеха в младоконсервативном лагере смог добиться только Эдгар Юлиус Юнг с его основным произведением «Господство неполноценных» (1927/1930). То, что Юнг потом во втором, сильно расширенном издании этой книги использовал в подзаголовке понятие «Империя» (Рейх) и тем самым создал определенную непрерывность с главным трудом умершего Мёллера, едва ли случайно. Если рассматривать в особенности адресованное Генриху фон Гляйхену предисловие «Третьего Рейха» («Дорогой Гляйхен»), то быстро становится видно, что с формальной перспективы заголовков «Третья партия» был бы более подходящим. Главной целью Мёллера было вовсе не углубление имперской идеи, а общая критика партийной системы Веймарской республики: «Что может произойти? Остается только разрушить партии со стороны мировоззрения».

Автор, следовательно, ставил себе целью укрепить надпартийную точку зрения, которую после военного поражения кайзеровского государства уже латентно можно было услышать поверх всех классовых границ, с помощью основательного анализа соответствующих мировоззрений, на которые опирались партии. Партии уже давно больше не стремились к серьезным политическим дискуссиям, а вели лишенную каких-либо принципов собственную жизнь внутри парламента. В действительности нужно признать правоту Мёллера, когда он в то время утверждал, что «третья позиция» уже ясно отражалась в немецком народе.

Для этого были различные причины. С самого начала демократические партии упрекали в том, что они не только якобы способствовали военному поражению, но и, кроме того, после ратификации Версальского договора стали администраторами несправедливости. Сверх того, построенный на компромиссе парламентский метод работы казался невыносимым, особенно многочисленным военным, возвратившимся домой с фронта. Как раз в национально-революционном лагере возникали круги, в которых доминировал примат принципа вождя над процессами обсуждения условий. При этом термин «Третий Рейх» действовал в качестве такой эффектной метафоры беспартийного будущего, которая годилась для того, чтобы содействовать образованию «третьей партии». То, что контуры желаемой империи будущего едва ли обнаруживали конкретные черты, должен был признать также сам Мёллер: «Идея третьей империи – это идея мировоззрения, которая выходит за рамки действительности». Каким бы важным ни был принципиальный мировоззренческий каркас Мёллера для происхождения младоконсервативного движения, отсутствие реальных конструктивных предложений представляло собой определенный недостаток. С книгой Юнга «Господство неполноценных», которая претендовала на то, чтобы представить все существенные политические и общественные сферы в младоконсервативном понимании, это положение должно было быть исправлено. Это продолжение было полностью в духе Мёллера, который хотел, чтобы его идеи в будущем были освобождены от сфер метафизики: «Идея третьей империи, которую мы, как нашу наивысшую и последнюю идею мировоззрения, не можем оставить, может стать плодотворной только как реальная идея: если удастся отдалить ее от иллюзионистского и полностью приобщить к политическому». Необходимую для этого проекта фундаментальную работу выполнил сам Мёллер, подвергнув важные с партийно-политической точки зрения мировоззрения основательному анализу. Его книга делится на главы «Революционер», «Социалист», «Либерал», «Демократ», «Пролетарий», «Реакционер», «Консерватор» и «Третий Рейх». Сохраняя эту последовательность глав, мы ниже детальнее рассмотрим и представим это основное произведение Мёллера.

7.1.2 Революционер

Мёллер рассматривал процесс революции как неповторимую возможность для нации выпрямиться в политическом отношении и выйти из революции с укрепившемся единством. В отличие от Англии и Франции, немцам как «молодой нации» до сих пор не было позволено пойти аналогичным путем, что привело, в конечном счете, к поражению в мировой войне: «Мы проиграли войну против сознательного политического британского духа, которым англичане обладают после английской революции, и против сознательного политического галльского духа, который пришел к французам с французской революцией». Очевидно, что

революционные тенденции 1848 года и новую организацию государства в 1918 автор отнюдь не считает революциями. Лишь в «неистраченном народном духе» видел Мёллер потенциал, с которым можно было бы компенсировать превосходство установившихся наций над Германией. В этой аргументации выражается широко распространенное в тогдашнем контексте предположение, что немцы были ущемлены относительно их политического значения в мире. И на самом деле, например, колониальное разделение мира ни в коем случае не отражало реальные соотношения сил в Европе. Эти исторически обусловленные несоответствия благоприятствовали началу мировой войны и также после ратификации «позорного диктата», как тогда все в Германии называли Версальский договор, владели аргументацией враждебных республике сил. К этому добавлялся тот факт, что Рейхсвер на военном уровне не потерпел тотальное поражение – как Вермахт в конце Второй мировой войны. Этот укрепило уверенность Мёллера в том, что, прежде всего, недостающая политическая идея была частично ответственной за внутреннее крушение 1918 года. В противоположность большим указывающим направление революциям мировой истории основание Второй империи Отто фон Бисмарком хоть и воплотило национальную необходимость в реальность, но после смерти канцлера не были даны какие-либо указывающие путь в будущее идеи. Одновременно смогли развиваться мощные политические мысли как, например, панславизм – культурно-политический национальный шовинизм славянских народов Европы – в сравнении с которой обращенная в прошлое фиксация на основании империи не могла быть адекватной альтернативой. Относительно революционного преобразования республиканских условий Мёллер высказывался скорее туманно. Вопреки всей критике революции 1918 года он оставлял относительно открытым вопрос, какие конкретные цели должна была бы осуществить будущая революция. Автор скорее на метаполитическом уровне исходил из того, что происходит постоянное циклическое чередование консервативных и революционных элементов; так также было и во время после Первой мировой войны. Этот естественный процесс нужно направить – на основе третьей, надпартийной точки зрения – с помощью истинно немецко-национальной политизации в правильное русло:

«То, что является революционным сегодня, завтра будет консервативным. Вечно сохранение сменяет свержение и наверстывает то, что не смогло сделать свержение, исправляет ошибки, которые то совершило. Мы хотим продолжить не революцию, а идеи революции, которые были в ней, и которые она сама не понимала. Мы хотим связать эти революционные идеи с консервативными, которые восстанавливаются снова и снова, и хотим консервативно-революционно привести их туда, где мы достигнем ситуации, в которой мы снова сможем жить».

Это представление напоминает о мысли Ницше о «вечном возвращении одного и того же», которое Армин Мёллер «*expressis verbis*» представил как центральный признак Консервативной революции. Тогда становится очевидно, что Мёллер не ожидал краткосрочных и насильственных революционных резких изменений, а думал о непрерывно-органическом развитии. Кроме того, этот подход влек за собой то, что Ноябрьская революция 1918 года должна была пониматься в ее значении не как единичное и базисное событие, а как нечто относительное в постулируемом консервативно-революционном балансе, и являлась только одним шагом из многих на пути к третьей империи. При этом Мёллер претендовал на то, чтобы предначертать метаполитические основы, которые были обязательны для такого относительного рассматривания, и только вместе с этим сделать будущее, успешное общественное новое направление возможным.

7.1.3 Социалист

Главу о социализме Мёллер начинает с анализа марксистского учения. Его первая критика направлена на решительно утопический элемент марксизма, который хотел бы вызвать конец истории. Мёллер коренным образом отвергает этот оптимизм прогресса:

«Человечество всегда ставило перед собой только те задачи, которые оно не может решить. В этом состоит его величие. В этом гений, который руководит им. В этом демон, который гонит его вперед. Это сущность всех хилиастических надежд, что они никогда не осуществляются. И это сущность тысячелетней империи, что она всегда живет только в провозглашениях, но человек никогда не может приобщиться к ней».

Этими словами автор четко отвергает то линейное понимание истории, которое выражается в либеральной модели прогресса и в надежде марксизма на умиротворенный всемирный социализм. Влияние Фридриха Ницше и Освальда Шпенглера, которые были сторонниками циклически-органического понимания истории, здесь несомненно. Неопределенность имперского видения так хорошо выполняет свою цель, так как автор никогда не обещал конкретной реализации «Третьего Рейха», так что для органического развития государства и общества практически не были определены никакие границы. Хотя имперская идея не исчисляема и потому становится чисто делом веры, у нее есть, однако, свой смысл вследствие того, что предположительно открытое историческое движение становится понятным через младоконсервативное понимание истории и в смысле реально-общественного развития раскрывает свою естественную структуру. Совсем иным, напротив, является марксистское линейное понимание истории,

не считающееся с реальностью. Проблематичную в этом отношении сущность, а также нигилизм марксизма Мёллер выводил из еврейского происхождения его основателя. Карл Маркс, по мнению Мёллера, перенес отсутствующее у еврейства исторически-психическое укоренение на свою концепцию:

«Как еврей он был чужаком в Европе и при всем том вмешивался в дела европейских народов. Это было так, как если бы он хотел задним числом получить право гостя среди них, посредством того, что он помог бы им в их нужде и указал им выход. Но он не отождествлял себя с их историей, их прошлое не было его прошлым, и традиция, которая, со своей стороны, определяла также это настоящее, не была той традицией, которую он нес в своей крови».

Мёллер упрекал Карла Маркса в том, что он злоупотреблял историческими преданиями народов. Он отказывал европейцам в их национальных традициях и провозглашал существование сплоченного во всем мире рабочего класса. Затем он чрезмерно подчеркивал классовые антагонизмы, сократив при этом человеческие потребности до одних только материальных благ. Но самое позднее с тех пор, когда мировая война создала победителей и проигравших, традиция и национальность оказались сильнее марксистской утопии. Материалистическое понимание истории распространилось в Европе уже с Просвещением, и после временного встречного движения немецкого идеализма марксистской доктрине удалось затем закрепиться. Как раз в немецкой социал-демократии марксистская теория смогла беспрепятственно завоевать себе почву.

В оценке и систематическом позиционировании перенаселенности Мёллер заметил основной пункт критики марксизма. Мёллер считал, что Маркс ошибался, когда утверждал, что промышленность несет ответственность за «излишне высокий рост численности рабочего населения», а наоборот, именно перенаселение только и сделало капиталистическое массовое производство возможным. При этом Мёллер упрекал немецкую социал-демократию в том, что она не воспользовалась шансами, которые предоставляла им империалистическая внешняя политика:

«И все же со стороны империализма следовало бы продумать теорию, которая поверх марксизма наполнила бы пролетариат убеждением, что владение землей – это данная возможность сделать возможной жизнь народу перенаселенной страны: практическая, очень живая политически-реальная теория, которая в роковом абсурде всегда была доступна только рабочим малозаселенных стран, Франции и Англии».

В основе этого взгляда на мир лежит предположение, что между народами ведется непрерывная борьба за существование. Марксистское убеждение, что

между пролетариями всех стран якобы существует большая связь, чем в народном целом, несмотря на разные классы, Мёллер отвергал. Скорее истинный социализм можно было бы достигнуть только распределением земли, которое соответствовало бы количественному соотношению населения. Здесь видно, что Мёллер вовсе не был готов отказываться в своем мировоззрении от «социалистического» компонента: «Мы понимаем под немецким социализмом скорее корпоративный взгляд на государство и экономику, который, вероятно, нужно будет воплотить в реальность революционным путем, но затем он будет связан [закреплен] консервативным путем». Эта интерпретация социализма предполагает органическую структуризацию на сословия, вследствие чего различия людей должны будут лучше учитываться. В центре этой системы упорядочивания должно находиться преимущество собственного народа, причем по отношению к другим народам пропагандировались вполне империалистические методы. Эта агрессивная претензия обосновывалась и узаконивалась предполагаемым несоответствием народа и пространства, которое еще больше ухудшилось после Версальского договора. Мёллер, тем не менее, не рассматривал при этом социализм марксистской формы как исходную причину всех бед, скорее таковой причиной была идеология либерализма, которая задушила в зародыше все зачатки истинно немецкого социализма в девятнадцатом веке.

7.1.4 Либерал

Антилиберализм играл важную роль в националистически-народническом («фёлькиш») движении. Если рассматривать относительно дружественную к экономике и вместе с тем по существу либеральную программатiku младоконсерваторов, это сначала покажется парадоксальным, так как успех главного произведения Мёллера нужно объяснить именно тем, что он представлял общую антилиберальную критику, которая была целиком и полностью направлена на искоренение либерализма: «Это разлагающий мир представлений либерализма, который приносит распад, который распространяет моральное заболевание политических народов, и в той же мере, в какой он получает господство над народом, он портит его характер». Для Мёллера его антилиберальный подход исключает дружественную к экономике точку зрения, которую защищали другие консервативные революционеры. Автор как раз устанавливает связь между воздействием либерализма в экономике и его воздействием в политической области, связь, которую он подробно осветил уже в своей статье «В либерализме гибнут народы» (1922). В то же время для Мёллера это отправной пункт, чтобы дискредитировать агитацию политиков Веймарской республики. Политики представляются им как бессовестные деятели, которые творят свои бесчинства в парламентах. Но Мёллер возлагает на либерализм ответственность не только за существование нелюбимой им республиканской формы правления, но и, что го-

раздо серьезнее, также за исход Первой мировой войны. Мёллер считает, что либерализм – это истинно западное мировоззрение, теоретическая идеальная форма которого систематически разлагала немецкую волю к сопротивлению. После перемирия либерализм, однако, показал свое истинное лицо: «Для либерализма всегда наступает такое мгновение, когда либеральный человек выходит из себя и с хладнокровием, с хваткой и без всяких колебаний, что теперь представляется выгоднее всего, пытается добиться своих целей». И в действительности жесткие формулировки Версальского договора ни в коем случае не соответствовали либеральным идеалам, вследствие чего на демократизацию Германии взвалили такое тяжелое бремя. Без грубого поведения государств-победителей Первой мировой войны такое воинственно-полюемическое произведение как «Третий Рейх», наверное, вообще не могло бы появиться.

Поведение держав Антанты Мёллер объяснял естественной сущностью либерала. По его мнению, индивидуумы с либеральными взглядами характеризовались высокой степенью личной неполноценности и мировоззренческой неразборчивости. Масонство представляло при этом попытку незначительных самих по себе людей достигнуть некоего значения внутри иерархии лож в маленьком кругу. Эта понимание было соответствующим образом перенесено на уровень народов и наций: «Здесь снова повторился мотив либерализма, который натравливает маленьких и еще меньших, нескольких и, наконец, многих против одного». Согласно этой аргументации, транснациональный фронт против кайзеровской Германии представлял собой бунт сил, которые по причине отсутствия личности и исторической традиции и из самых низменных мотивов объединились против прогрессирующего немецкого народа. При этом со стороны немцев не могло быть даже ограниченного сопротивления, так как из-за вредного воздействия либерализма в Германии на рубеже веков не могло быть ни одной личности уровня Наполеона Бонапарта или князя Отто фон Бисмарка.

Мёллер при всей этой критике, тем не менее, не впадал в пессимизм. Скорее он считал, что теперь наступило время «нового фронта», который формировался в сознании стоящего выше классов антилиберализма. Мёллер видел будущую главную опору этого формирующегося движения в немецкой молодежи. Автор вовсе не ограничил свое основное высказывание «В либерализме гибнут народы» только проигравшими в войне. Для него этот тезис обладал универсальной силой. Следовательно, преимущество, которое получили державы-победительницы от своей либеральной политики, было только краткосрочным. В длительной перспективе Мёллер констатировал конфликт между антилиберализмом и либерализмом, который был для него подобен борьбе между добром и злом. В конце этой борьбы теперь решительно оптимистичный автор видел наступление новой эпохи, которая окончательно порвала бы с идеалами Просвещения:

«Мы видим, что все, что хоть как-то не является либеральным, объединяется против всего, что является либеральным. Мы живем во времена этого переворота. И он начинается с крайней последовательности, которая осуществляет фундаментальный поворот и хватает врага там, где находится исходная точка его могущества – этот поворот начинается с отказа от Просвещения».

Потрясающий успех антилиберальной программы Мёллера состоит, вероятнее всего, в отсутствии дифференциации в его аргументации. Также без пропагандистской агитации консервативных революционеров Веймарская республика справа и слева от социал-демократии обладала лишь немногими бескомпромиссными сторонниками. С помощью одного лишь грубого наброска младоконсерваторами их образа врага было возможно укрепить «Новый фронт» консервативных интеллектуалов и твердо объединиться против общего противника. Это воздействовало как дополнительный дестабилизирующий фактор, который подрывал политическую легитимацию Веймарской республики.

7.1.5 Демократ

Было бы неверно называть младоконсерватизм Мёллера антидемократическим. Однако парламентскую форму демократии, в том виде, в каком она была создана после крушения кайзеровской монархии, автор рьяно отвергал. Так он видел в демократической форме правления учреждение, которое только позволяло наживаться самим партийным кликам. В выборном процессе Мёллер не видел настоящего права голоса немецкого народа, так как, в конечном счете, неизвестные депутаты осуществляли партийную политику, которая полностью абстрагировалась от истинной народной воли. Медлительной и малопрозрачной парламентской демократии Мёллер противопоставлял динамичную власть вождя: «Народ без сомнений знает, что если когда-то в Германии должно будет снова стать «по-другому», в любом случае это снова будут только «одиночки», которые укажут массам направление и смогут таким образом добиться «изменений». Здесь мы уже видим, что у Мёллер было другое понимание «настоящей демократии», чем то, которое общеупотребительно сегодня. Не анонимная масса депутатов должна была определять политическую судьбу немцев, а что-то вроде народного императора с самыми большими властными полномочиями. Автор не мог предложить конкретное государственно-правовое определение этой желаемой ключевой фигуры. В этом отношении понятие вождя остается довольно расплывчатым. Тем не менее, не подлежит сомнению, что эта модель демократии вождя должна была продолжить исторические традиции: «Мы первоначально были демократическим народом. Когда мы вышли из нашей праистории в нашу раннюю историю, там мы уже принесли ответ на вопрос, как возможно участие народа в его судьбе». Основой этой германской формы демократии бы-

ли органически выросшие единицы, которые через сословную структуру слились в естественную народную общность. При этом особенно важная роль доставалась самоуправлению. Из него исходила бы также легитимация соответствующих вождей, задачей которых было осуществлять народную волю в историческом действии. Неразрывная связь между вождями и народом должна была обеспечивать органическое участие в политических решениях. С этой демократической идеальной формой едва ли мог сравниться импортированный с Запада парламентаризм, так как в длинные периоды между выборами судьба немцев определялась лишь механически действующими партийными кликами. Парламентаризм в Англии Мёллер рассматривал как вполне приемлемую и прочную форму правления, так как там он вырос из традиций англичан и сохранил свою национальную форму. Но это не распространялось на лишенный традиций и подверженный интернационалистскому влиянию немецкий Рейхстаг Веймарской республики. Особенность понимания демократии у Мёллера состоит в том, что он не привязывает его к конкретной форме государственного правления. Все решает только органическая тесная связь народа с правительством, вследствие чего народная воля могла бы осуществляться не искусственной системой договоров, а ежедневной живой политикой.

7.1.6 Пролетарий

В пролетариате Мёллер видел выдающуюся власть революционного времени. Окончившуюся неудачей с точки зрения консерваторов революцию он объяснял идеологическим доминированием марксизма и демократии западной формы над пролетарским населением. Решение проблемы с младоконсервативной точки зрения представляла бы власть вождя, базировавшаяся на личности и традиционных ценностях. Только так массы можно было бы освободить от материалистического классового мышления. Марксистскую часть революции Мёллер в теории и практике оценивал как полное банкротство. И на самом деле в экономике не последовали никакие существенные изменения, которые демонстрировали бы признаки создания социалистического планового хозяйства. Если теперь предоставленной самой себе массе и популистским партийным вождям было отказано в умственных способностях, достаточных для того, чтобы привести революцию к удовлетворительному концу, то возникает вопрос, на какой мировоззренческой основе должна была быть вызвана перемена. Идеал вождя у Мёллера несет, несомненно, элитарно-аристократические черты, какие можно увидеть также во многих местах в работах Ницше. Именно на Ницше определенно ссылался Мёллер, так как в немецком народе после разоблачения марксизма в его революционной практике можно было наблюдать ренессанс идей Ницше:

«И если теперь марксизм утонул в демократической суматохе, не поднялась ли тогда снова аристократическая мысль с Ницше? Не был ли он провозвестником такого встречного движения, к которому дошло бы после окончания массового всемирного потопа, который он предсказывал, и о котором он, как презирующий любую «среднюю линию», знал, что одна крайность всегда порождает только другую крайность?»

Интерпретация Ницше у Мёллера показательна для характеристики младоконсервативного мировоззрения. Ницше предсказал, по словам Мёллера, тяжелые общественные потрясения, в конце которых начался бы новый век. Однако эта предсказанная эпоха ни в коем случае не представляла бы собой конец истории. Скорее жизненно важные вопросы возникали бы снова, снова и снова. Это – существенное различие с марксизмом, который считает движение истории законченным при исполнении коммунистической мировой революции. Также бессмысленность идеала равенства Мёллер хотел подкрепить с помощью трудов Ницше: «Однако Ницше был призванным борцом против всего, что является массой, а не структурой, иерархией, стратификацией». Несмотря на этот отказ от основного марксистского принципа равенства сам по себе социализм – это желанная цель, хотя немецкий социализм девятнадцатого столетия так же, как и христианство, сыграл свою роль в нигилистском разложении основных ценностей. Поэтому нужно очистить социализм от его материалистических элементов. Только так социализм мог бы привести пролетариат к новому ценностному чувству, вследствие чего рабочий класс мог бы интегрироваться в нацию. Через духовное участие и ответственность за судьбу всего народа пролетариат должен был стать будущим фундаментом «третьей империи»:

«Но снова и снова пролетариат проталкивается к власти. Однако добьется он ее только в той степени, в какой он поймет, что владение властью зависит не от распределения материальных благ, а от духовного участия, не от собственности, а от права, не от претензий, а от равноценности».

Здесь ясно видно, что Мёллер осознал политический перевес масс. Успокоить пролетариат путем социального законодательства в духе Бисмарка или справиться с проблемой с помощью популистской агитации – это не приходило на ум автору. Скорее после «переоценки всех ценностей» нигилизму ставших жертвой марксистской идеологии масс нужно было противопоставить мир консервативных ценностей. Только таким путем рабочий класс можно было бы интегрировать в «третью империю». Чтобы добиться этой цели, Мёллер сначала полагался на основательное искоренение марксизма, что могло бы начаться, например, с повышения ценности работодателя: «Он [Маркс] не мог признать, что над эквивалентом, который рабочий получает за свою работу, начинается другая работа, работа работника умственного труда, изобретателя и фабриканта, инже-

нера и руководителя предприятия». При этом резком отрицании марксистской доктрины и повышении ценности работодателя младоконсервативная экономическая политика приобретает действительно «либеральный» тон, который в экономике встретил симпатию. Также связанное с этим определение пролетариата могло бы встретить сочувствие в экономических кругах Веймарской республики. Согласно Мёллеру, пролетаризировавший рабочий класс вовсе не является естественным последствием материальных условий. Скорее его существование – искусственный продукт марксистского учения. С помощью возобновления духовных связей можно превратить пролетариат в национальный рабочий класс. То, что этот способ интерпретации был позитивно воспринят в промышленных кругах, не подлежит сомнению.

Одновременно особое подчеркивание рабочего класса не очень хорошо вписывается в элитарный общий вид Консервативной революции. Мёллер очень хорошо понимал, что без целенаправленной пролетарской массовой политики нельзя было бы добиться никаких консервативных перемен; это понимание формировало – относительно национал-социалистического контекста – также стратегию НСДАП. Однако мировоззрение Мёллера не заканчивалось на требовании преодолевающего классы национализма. Скорее он подхватывал – первоначально марксистскую – идею мировой революции, причем его концепция выходила за границы его собственной страны:

«Также мировая революция может быть осуществлена только национальным путем. [...] Мы считаем, что это миссия немецкого народа – осуществить мировую революцию как спасение Европы. Но мы не думаем, что это будет осуществлением той мировой революции, какую представлял себе Маркс. Мы скорее думаем, что это будет осуществлением той мировой революции, приход которой видел Ницше».

Как здесь можно увидеть, направленный против Версальского мира национализм Мёллера представляет собой только первый этап. После преодоления внутренних классовых антагонизмов Германия должна была бы стать первопроходцем нового движения, которое после появления нигилизма должно было создать новый европейский ценностный порядок.

7.1.7 Реакционер

Реакционный человек, по словам Мёллера, стремится к ревизии революционных переворотов и преследует цель восстановить ушедший в прошлое статус-кво. В партийном спектре Веймарской республики это были преимущественно немецко-национальные (НННП), которые хотели продолжить порядок предреволюци-

онного времени. Но реакционное мышление, по мнению Мёллера, охватывало только чисто политическую сферу. Напротив, консерватизм видел цельный исторический процесс, который характеризовался всегда повторяющимися закономерностями:

«Консервативный человек живет в сознании вечности, которая окружает всю земную жизнь. Но он считает настоящее открытым в сторону будущего. Он знает, что исторический мир, в котором мы живем, – это закономерный мир, который снова и снова воспроизводит сам себя. [...] Он считается с не изменяющимися инстинктами людей, которые возвращаются в народах, с неизменностью их страстей и с естественным правом, которое в любое время будет использоваться властью: с естественным отношением сильных и слабых».

Это представление о циклическом понимании истории и антиэгалитарном, направленном на борьбу обличье человека можно найти в похожей форме в произведениях Ницше, где оно понятийно зафиксировано как «вечное возвращение одного и того же». У реакционера, по словам Мёллера, не было чутья к этим принципиальным нормам: «У реакционного человека понимание истории настолько же поверхностно, насколько это же понимание укоренено у консервативного человека». Это высказывание иллюстрирует большую потребность отмежевания от традиционных националистов, которая существовала со стороны главных действующих лиц Консервативной революции. При этом реакционные силы упрекали в том, что они видят только следствия, но не причины. Только с помощью глубокого духовного проникновения в общественные и политические проблемы можно было бы направить ориентированные на будущее процессы улучшения на правильный путь. Из-за этой направленности вперед немецкий консерватизм является одновременно революционным.

Напротив, консерватизм держав Антанты реакционен, так как он опирается на сохранение военных достижений. В то время как реакционный принцип целиком зависим от применения законодательной силы, консерватизм благодаря своей органической укорененности в народной жизни мог бы развивать свою власть естественным способом.

В общем, можно сказать, что Мёллер понимал реакцию как дилетантское и механистическое течение, которое своей оппозицией пролетариату противостояло цели консервативного единого фронта. Национально сознательный рабочий класс должен быть скорее острием копья национального движения, цель которого описана термином «третья империя», «Третий Рейх». С настоящим главным врагом вообще эффективно можно было бороться только путем преодоления внутригерманских классовых антагонизмов и с помощью создания «Нового фронта»:

«Он, прежде всего, не знает, что эта освободительная война, которую ведет пролетариат как самая угнетенная часть угнетаемой нации, – это борьба мировоззрений, «гражданская война», которую мы ведем не против нас самих, а против всемирной буржуазии, жертвой которой мы должны были стать, и что мы, если мы выиграем этот решающий бой, из него вновь обретем себе империю: империю, которая не является империей реакционера – но зато является Империей Нас Всех».

Как мы здесь видим, Мёллер целенаправленно подхватывал марксистские элементы, чтобы подвергнуть их новой националистической интерпретации в духе консервативных взглядов. Можно утверждать, что его программа пропагандирует что-то вроде национального социализма, который в противоположность марксизму категорически исключает как материализм, так и интернационализм. Вместо объединения пролетариев всех стран с целью мировой революции рабочие угнетаемых европейских наций должны были объединиться со своими соотечественниками из других классов, чтобы под руководством Германии стать частью «Третьего Рейха». Эту форму национального социализма консервативного образца вопреки определенному идеологическому пересечению нельзя путать с национал-социализмом НСДАП. Программой Мёллера было установление органического государства, характер которого едва ли можно подогнать под привычную схему «правые – левые».

7.1.8 Консерватор

Как было показано выше, Мёллер проанализировал самые важные мировоззренческие направления, которые играли роль в партийном спектре Веймарской республики. При этом либерализм был разоблачен им как принцип, который был виновен за бедствия проигранной войны и Версальский договор. Реакцию Мёллер охарактеризовал как выродившуюся форму консерватизма, национальная внешняя оболочка которой не могла скрыть ее механистическую жесткость. Остальным распространенным идеологическим терминам – революционер, социалист, демократ, пролетарий – Мёллер хоть и выделил важную функцию внутри органического государства, но в нынешней республиканской ситуации они настолько коррумпированы либерализмом, что в соответствующих партийно-политических формах они вредны.

Консерватизм пропагандируется как большой контрпроект, противостоящий либерализму. Либеральный принцип исходит из непрерывного совершенствования, которое якобы ведет к тому, что жизнь отдельных индивидуумов облегчается все больше и больше. Напротив, консерватизм действует творчески, снова и снова творя новое на основе традиций. Тем не менее, духовные основы для

этих процессов обновления стали в девятнадцатом веке все слабее. Рассудок со временем все больше отождествлялся с просветительским разумом, вследствие чего партийно-политический консерватизм был подвергнут либерализации. Различение рассудка и разума с целью отказаться на духовном уровне от традиций Просвещения, характерно для мышления Консервативной революции. В соответствии с этим Мёллер констатировал: «Разум – это рационализированный рассудок. Разум – это не дух. Разум – это Просвещение. [...] Консерватизм – это рассудок нации». Эта интерпретация должна была обеспечить то, чтобы вопреки решительному антиинтеллектуализму можно было бы и дальше претендовать на примат духовного превосходства. Это – важный пункт разграничения с национал-социализмом, который использовал не только неинтеллектуальные, а, сверх того, еще и материалистические аргументы (расовая доктрина). В отношении конкретного государственного устройства консерватизм Мёллера не был ограничен специальным формотворчеством. Скорее автор допускал, что соответствующая форма государства должна органически вырасти из народных традиций.

При этом автор постулировал вечное присутствие определенных задатков, которые определяют человеческое существование:

«Также консерватизма снова и снова нужно добиваться. Консервативное мышление видит во всех человеческих отношениях возвращение вечного, не в понимании возвращения того же самого, а в том понимании, что то, что длительно существует, оно то выступает вперед, то отступает назад, однако пробивается всегда, так как оно происходит из природы и кроется в человеке».

Вопреки сильной опоре на философию Ницше Мёллер здесь предпринял значительную коррекцию. Ожидалось не возвращение уже существовавших форм, а непрерывное творческое совершенствование на основе естественных человеческих задатков. Целью этого непрерывного консервативно-революционного процесса обновления всегда было бы создание и сохранение стабильного государства.

7.1.9 Третий Рейх

Последняя глава основного произведения Мёллера, как и вся книга, называется «Третий Рейх» Как уже было показано выше, Мёллер концентрировался больше на мировоззренческом искоренении партий, чем на конкретном изображении «третьей империи». Это можно объяснить историческим контекстом. Так во время появления книги на переднем плане были внутривнутриполитические проблемы, которые затрудняли формообразующую внешнюю политику. Подробное форму-

лирование имперской модели едва ли было бы совместимо с реалистическими фактами. Немцы Веймарского послевоенного времени отнюдь не представляли собой картину объединенной нации. Политический ландшафт характеризовался очень большой мировоззренческой фрагментарностью, вследствие чего едва ли можно было думать о цельной националистической политике. Имперской идее всегда присуще намерение оказывать культурное влияние также по другую сторону собственных народных границ. Не подлежит сомнению, что это могло бы оставаться безнадежным предприятием без фундамента сплоченного внутри национального государства. Следовательно, целью Мёллера было создание преодолевающего классы «национального социализма», которого нужно было добиваться консервативно-революционным путем, чтобы приблизиться к вечной цели «третьей империи»:

«Национализм понимает нации из их определений. Он понимает их из противоположностей народов и дает каждому народу свойственную ему миссию. Немецкий национализм по-своему является выражением немецкого универсализма и полностью направлен на европейское Целое, но не, как выразался Гёте среднего периода, чтобы «тихо раствориться во всем», а чтобы утвердить нацию как нечто особенное».

«Национальная миссия» немцев должна была осуществляться не путем безграничного империализма, а путем культурной гегемонии, которая следовала бы из их духовного превосходства. Военные средства Мёллер вообще принимал во внимание только в той мере, в какой они служили защите специфически немецкого ценностного конгломерата. Вместе с Австрией, которую автор хотел видеть объединенной с Германской империей – после Первой мировой войны это было объединяющим желанием почти всех немцев по обе стороны общей границы, которому мешал, однако, Версальский договор – должна была быть создана основа для возвращения как европейской великой державы. При этом Мёллер отвергал внутривнутриполитическую унификацию и тоталитарные структуры господства. Вопреки неоднородности реальных немецких условий он считал возможность органического слияния данной для укрепленной нации. Даже если национализм Мёллера обнаруживал универсалистские тенденции, имперская идея оставалась больше метафизической воображаемой картиной будущего, чем реалистической возможностью: «Немецкий национализм – это борец за последнюю империю. Это всегда предсказывается. И это никогда не исполняется. Это совершенное, которого можно достичь только в несовершенном». Имперскую идею нужно характеризовать преимущественно как миф, с помощью которого должно было форсироваться создание великогерманского государства с широким культурным доминирующим положением. Не военной силой, а создающей единство идеей империи Мёллер думал включить европейские нации в этот аппарат господства. Только так Европу можно было бы уберечь от отрицательных влияний либера-

лизма: «Зверь в облике человека ползет сюда. Африка темнеет в Европе. Мы должны быть стражами у порога ценностей».

7.2 «Право молодых народов»

Появившаяся в 1919 году работа «Право молодых народов» была заказана еще во время Первой мировой войны Внешним отделом верховного командования. Мёллер в этой брошюре разделял «старые народы», которым после войны досталась бы власть над миром, и «молодые народы», у которых отобрали бы право на жизнь. Принадлежность Германии к «молодым народам» Мёллер обосновывал потенциалом роста и достижений немецкого населения:

«Мы сами, как немцы, молодой народ. Мы – молодой народ, так как мы оставались народом сильного роста и стали народом увеличенной производительности. Здесь, со всеми заключениями, которые получаются из этого, кроется единственное право, которым мы когда-нибудь пользовались и которым мы будем пользоваться в будущем».

Державы-победительницы стремились оправдывать свою внешнюю политику идеей прав человека, все же, этот «западнический» мир идей рационален и просвещен только в теории. На практике «молодым народам» было отказано в возможности для совершенствования. Это неравное обращение существовало еще до 1914 года, вследствие чего, в конечном счете, и была разожжена мировая война: «Мы долгие годы принимали намеренные унижения, с которыми нации, которые сидели во власти, думали подавить народ, только начавший искать свое развитие. [...] Все это чувствовал народ, когда в том повороте от июля к августу мир внезапно превратился в войну».

Немецкий народ, по мысли Мёллера, всегда был неполитическим и концентрировался только на своем труде. Это увеличило зависть «старых народов», народнохозяйственный потенциал которых начал уменьшаться. Одновременно немцы из-за своей аполитичной позиции стали беспомощными жертвами вражеской пропаганды: «Поэтому они делали все, чтобы отказать нам в нашем праве перед всем миром. Они делали это со всеми уловками диалектики и со всем искусством демагогии». Противостояния в Первой мировой войне Мёллер полностью выводил из противоречий между «старыми» и «молодыми» народами. Однако будущее принадлежит «молодым народам», так как у них есть «Ницше для себя». Следовательно, мысль «вечного возвращения» звучит также в философии истории Мёллера. В конце концов, даже для «старых» народов возможно испытать возрождение, как, например, испытали его итальянцы в эпоху Ренессанса. «Быть молодым» означало для Мёллера также мысленное возвращение к

мифу и религиозности и, в духе вечного возвращения, привязывание к тому, «что будет всегда». Этот ход мысли обнаруживает определенные сходства с философией истории Освальда Шпенглера. Шпенглер в своей книге «Закат Европы» (1918/22) указал на то, что западноевропейская и средневропейская культура собиралась переходить в цивилизаторское состояние, которое означало бы в то же время упадок и культурную стерильность. Так же, как Шпенглер исходил из циклического подъема и упадка культур, Мёллер постулировал всегда повторяющееся чередование прогрессирующих «молодых народов» и израсходовавших свои силы «старых народов». Первая мировая война была, по словам Мёллера, также борьбой между немецкими идеалами и западной идеей свободы, равенства и братства. Автор определял различие между идеалами и идеями следующим образом: «Идеалы вечны. Идеи не вечны. [...] Идеалы мы всегда в каком-то виде имеем перед собой. [...] Идеи же, напротив, лежат за нами и являются понятиями, в которых люди обобщают свои проблемы, глядя назад в прошлое, уже после того, как они были решены ими в направлении будущего». Только из-за бессознательного участия в вечных идеалах немецкий народ был способен выполнить сверхчеловеческое в Первой мировой войне. Тем не менее, пропагандистская рекламная сила западных идей позволила, в конечном счете, «старым народам» победить. Первоначально, по мнению Мёллера, идеи были «проблемами». У «молодого» немецкого народа было то преимущество, что он не был вынужден опираться на устаревшие идеи, а искал относящиеся к будущему решения своих проблем, чтобы так создать те вещи, которые «стоит сохранять».

О том, что касается решения немецкой «проблемы», Мёллер давал скорее общие пояснения. Так он постулировал «социалистическую внешнюю политику», которая должна позаботиться о том, чтобы добиться справедливости между народами. Он обосновывал претензии Германии по отношению к «старым народам» Англии и Франции более высокой производительной силой и более высоким приростом населения немцев. Особенно в территориальных определениях Версальского договора Мёллер видел ухудшение немецких жизненных возможностей. Соответствующим образом он требовал плебисцита для решения Эльзасской проблемы. С взглядом на восток Мёллер представлял тезис, что только прусская восточная колонизация принесла культуру в соответствующие области. Следовательно, он как раз в случае Польши отказывался от создания независимого национального государства, так как только под немецким руководством могли быть сохранены культурные ценности:

«Прошли столетия, пока эти народы Востока поднялись только до осознания своей народности. [...], Однако они должны были сначала научиться от своих немецких учителей. [...] Также для стран этих народов справедливо то, что справедливо для их отдельных людей, которые не обходились без немца: то,

что они как бедные и беспомощные малые государства, которые они образуют, как только их предоставят самим себе, не обойдутся без Германии».

Здесь видно, что Мёллер точно различал «молодые народы», такие как американцы и японцы, или «полумолодые» итальянцы, и «молодые» народы Востока. У первых он констатировал естественную общность существа, которая, к сожалению, по самым разным причинам не проявилась в Первой мировой войне. Эту отстраненную позицию нельзя увидеть в его отношении к восточным народам. Скорее Мёллер, кажется, исходил из направленной на Восток миссии Германии, что повлекло за собой обширные взаимозависимости между обоими культурными кругами: «Немецкая техника, немецкая экономика, немецкая эмиграция, все они рассчитывали на просторные территории на Востоке, где их ждут».

Запад характеризуется промышленностью и скоплением людей, Восток – сельским хозяйством. Мёллер видел в аграрном освоении восточных областей возможность создания противовеса к «разлагающему западничеству». В конечном счете, он, тем не менее, полагал, что только через «союз молодых народов» могут прийти мир и справедливость: «Только молодым народам принадлежит этот мир. Старые народы, у которых больше нет проблем, разве только те, которые их власть может искусственно продлить, будут снова и снова стремиться к войне. Молодые народы, которые хотят жить, так как они хотят создавать, напротив, гарантируют мир».

8. ОРИЕНТАЦИЯ НА ВОСТОК

Весьма жесткие формулировки Версальского договора, зафиксированное в нем и воспринимаемое как оскорбление утверждение об ответственности одной только Германской империи за начало войны в 1914 году («Alleinkriegsschuld»), в 1919 году такое утверждение служило «законным обоснованием» для выплаты огромных репараций державам Антанты, а также иногда непримиримое отношение западных политиков к Германии, способствовало немецким стремлениям расширить политическое и экономическое сотрудничество с Россией. Это сближение укрепилось в июле 1920 года, когда Красная армия начала наступление против польских войск вторжения и была поддержана немецкими добровольческими частями. Также немецкий генералитет тесно сотрудничал с Красной армией, чтобы испытывать на русской территории виды вооружения, обладание которыми было запрещено немцам Версальским договором. На этом политическом фоне в Германии возникали националистические группы, которые отказывались от марксизма, но пропагандировали сотрудничество с Россией. Однако у Мёллера предпочтение Востока имело первоначально не политические, а личные причины: в Париже он познакомился с Люси Керрик, родом из Лифлян-

дии, которая позже стала его второй женой. Через нее он познакомился с Дмитрием Мережковским, с которым он вместе издал немецкое собрание сочинений Федора Михайловича Достоевского. Чтение русского поэта оказало большое влияние на обоснование восточной ориентации Мёллера.

Но, прежде всего, борьба Мёллера против «западничества» и связанного с ним «либерализма» заставила его говорить о «немецко-русской стороне мира». Не легко окончательно оценить его обращение к России. Хорошо известно, что Мёллер был воодушевлен глубоким уважением к русской мистике и поэзии, а также констатировал в этнической области германско-славянское родство: «Славяне – первая и в то же время последняя прибывшая, старейшая и в то же время самая молодая среди арийских рас. Вероятно, они – арийский пранарод».

Самое позднее, исход Первой мировой войны выбросил немцев из их цивилизаторского контекста, вследствие чего немецкий народ стал «молодым народом» в духе Достоевского.

Тем не менее, обращение к Востоку не должно было пониматься как стремление к полному слиянию с Россией. Скорее, по словам Мёллера, ориентация на Восток стала бы шансом сделать «молодой» немецкий народ независимым от Запада, чтобы тем самым восстановить пропавшие возможности собственного развития:

«Мы в Германии нуждаемся в произвольной русской духовности. Мы нуждаемся в ней как в противовесе против западничества, опасности влияний которого мы были подвержены так же, как была им подвержена Россия, и которое привело нас туда, где мы оказались сегодня. [...] Мы должны будем остерегаться того, чтобы Восток тоже не стал опасностью. К нему невозможно никакое другое отношение, кроме отношения полной доверительности, но на безопасной дистанции. Когда мы снова обретем наш духовный суверенитет, то Россия также станет для нас не меньше и не больше, чем одна из тех больших областей для созидания, которые делали нас богаче, но также и самостоятельнее».

Безоговорочная ориентация на Восток с безопасной дистанции, как она представлялась Мёллеру, в раннее время «Июньского клуба» могла развить внутри «Кружка Кольца» большую притягательную силу. Однако в этом контексте не путали понятие «прорусский» с «прокоммунистическим». Под коммунизмом младоконсерваторы понимали, в общем, «выродившуюся» форму либерализма, с которой также нужно бороться. Напротив, в ориентации на Восток и решительном отдалении от Запада младоконсерваторы, такие, как предложивший сам этот лозунг Мёллер, видели решающие преимущества.

9. ПОНЯТИЕ РАСЫ У МЁЛЛЕРА ВАН ДЕН БРУКА

Рьяно защищавшаяся, в первую очередь, национал-социалистами с их материалистическими аргументами расовая теория не занимала важного положения в мировоззрении Мёллера, что видно уже по тому факту, что эта тематическая область не находит никакого категориального упоминания в его основном произведении. Часто распространенное утверждение, будто бы Мёллер был «первопроходцем» национал-социалистического Третьего Рейха, должно, тем не менее, быть сопоставлено с определением расы у Мёллера.

В ранний период своего творчества «Мёллер представлял то воззрение на расы, с которым он уже познакомился у А. Гобино и Х. Ст. Чемберлена». Но от безоговорочного принятия расовых теорий вышеназванных мыслителей Мёллер, однако, уже скоро должен был дистанцироваться. Не в последнюю очередь исход Первой мировой войны также уличил во лжи тезисы графа Артюра де Гобино и Хьюстона Стюарта Чемберлена, ведь «романская» Франция, все же, победила «германскую» Германию. Появившиеся впоследствии статьи Мёллера, которые занимались расовой тематикой, были опубликованы в 1932 году в посмертном сборнике статей «Право молодых народов». В статье «Расовое воззрение» (9 июля 1908 года) Мёллер выступил против идеи «чистоты расы» и пришел к выводу, «что как раз не чистота расы, а смешение рас порождает человеческие ценности». В противоположность систематической программе, как ее создавали национал-социалисты, Мёллер не мог интегрировать биологическое понятие расы. Скорее Мёллер под «расой» также в силу необходимости всегда понимал особое отличие с духовной точки зрения: «Раса, хотел бы я сказать после этого, – это все, что связывает определенный более высокий человеческий союз в кровном и в духовном плане. Раса – это почти метафизическое понятие, но, все же, на физиологической основе». Каждая раса образует, по мнению Мёллера, на основе ее специфической смеси благодаря влияниям культуры, ландшафта и истории, свой неповторимый характер. Эти неповторимые расы отличались разной степенью способности самоутвердиться и добиться своих целей, из-за чего историю всегда писали превосходящие расы:

«Таким образом, с тех пор сильные, энергичные расы, и в сравнении со слабыми расами можно сразу просто сказать: расы вообще, сделали историю человечества. Это причина того, почему история человечества была историей рас, и в то же время это причина, почему историография всегда может быть только историографией рас».

В появившейся 7 апреля 1924 года в «Совести» статье с заголовком «Раса» Мёллер рассматривал эту тему из общеевропейской перспективы. Первая мировая война пошатнула убежденность Европы в том, что она образует центр мира.

Что касается положения в мире, европейцы уже отступали во всех сферах. Теперь задачей наций было противодействовать этому процессу, чтобы предотвратить уничтожение «европейской расы»:

«Ответ на этот вопрос зависит от того, найдутся ли после мировой войны, которая не покончила с разногласиями европейских народов, а увековечила их, среди них нации, которые в эпоху, когда нимб Европы поблек, еще раз осознают, что одновременно с их судьбой решается и судьба европейской расы».

Мёллер критиковал традиционную расовую теорию, которая со своими раскопками и сравнениями черепов слишком ограничилась техническими вопросами. Не расовые качества индивидуума были для Мёллера решающими, а качества всей нации, которые всегда были выражением определенного *расового единства*. Напротив, расовая чистота доисторического времени, если бы ее зафиксировали как обязательную, привела бы только к «инцесту», близкородственному размножению. В соответствии с этим Мёллер для сохранения расового единства настаивал на самозащите наций:

«Конечно, существуют расы, которые не выносят смешивания или выносят его только с большим трудом, кровь и дух которых должны долго обрабатываться и долго и глубоко расплавляться, чтобы они не смогли воздействовать разлагающе, нести вырождение, наносить вред расе. Да, есть расы, которые должны сторониться друг друга. Проводить это – дело государства, и, если государство с этим не справляется, тогда это дело самопомощи расово сознательных групп».

Здесь видно, что Мёллер непременно хотел сохранить отдельные нации – вопреки европеизации его мышления. Автор присуждал немецкому народу особую миссию относительно сохранения «европейской расы». Только если бы немцам удалось добиться успеха, Европа могла бы получить свою роль первоходца.

Различия между не биологическим понятием расы у Мёллера и понятием расы у национал-социалистов, следовательно, носят принципиальный характер.

10. МИФ ИМПЕРИИ

Миф «третьей империи» только после основного произведения Мёллера испытал настоящий ренессанс в рамках Консервативной революции.

Общественные и политические потрясения, от которых страдала Германия после поражения 1918 года, не прошли бесследно также мимо Партии Центра.

Против ориентированного на парламентскую работу партийного крыла вокруг Маттиаса Эрцбергера сформировалась настроенная антидемократически фракция правых католиков. Отделение Баварской народной партии от Партии Центра в январе 1920 года сделало эти тенденции к расколу заметными также извне. В сознательном отмежевании от ненавистного парламентаризма партий мысленный возврат к Священной Римской империи германской нации предлагал возможность противостоять западному либерализму с истинно католической конституционной программой. Как раз для католической части населения имперская идея означала также возвращение самосознания, которое страдало от протестантско-прусского доминирования. С Мартином Шпаном имперское католическое мировоззрение нашло прямой доступ к самой важной младоконсервативной кузнице идей на Мотцштрассе. Определенную поддержку Шпан нашел в своем бывшем ученике Штадтлере, который занимался, тем не менее, больше вопросами актуальной политики, чем развитием и совершенствованием имперской мысли. Тем не менее, в «Третьем Рейхе» Мёллера, как ни удивительно, едва ли можно найти указания на конкретную форму и вид «третьей империи». Курт Зонтхаймер прав, когда он пишет: «В конце концов, идея Третьего Рейха Мёллера ван ден Брука остается, таким образом, в мистическом полумраке».

Все же, по меньшей мере, географическое расширение, о котором думал Мёллер, ясно узнаваемо в его труде. Империя, к которой он стремился, должна была включать Австрию и интегрировать в федеративной форме большие территории на Востоке. Естественные предпосылки этой, как и любой другой империи, а именно сословная структура и федералистская связность, не были разработаны Мёллером систематическим способом. Вместо этого в этом отношении существуют конкретные концепции из круга его политических друзей Шпана, Браувайлера, Шотте и Бёма. Это показывает, что в кружке на Мотцштрассе существовали стремления придать метафизически-расплывчатому пониманию империи Мёллера реалистическую форму. Но как раз мистическо-неопределенная интерпретация «третьей империи» сделала имперскую идеологию Мёллера такой успешной; уже Жорж Сорель понял, насколько действенным может быть миф на политическом уровне.

Как уже было кратко показано выше, Консервативная революция в значительной степени отказывалась от христианских элементов, из-за чего иррациональный элемент иногда мог принимать характер запасной религии. Миф империи после постулированной Ницше «смерти Бога» был пригоден для того, чтобы заполнить метафизический вакуум секуляризованного времени. И таким образом антилиберальное основное произведение Мёллера после смерти автора поднялось до уровня библии младоконсерваторов, что, наверное, не было бы возможно в этой форме без мифа империи. Даже если имперское видение Мёллера было обязательно для обретения младоконсервативным движением четких черт,

при цельном рассмотрении оно производит незрелое впечатление. Это связано не столько с мистическо-сакральной неопределенностью, предоставившей матрицу, на которую другие деятели проецировали свои представления, сколько с тем, что ярко выраженный национализм автора несовместим с федерализмом, на котором, собственно, обязательно должна основываться любая имперская концепция. Этот недостаток можно объяснить только внешнеполитическим положением Веймарской республики, которое во время возникновения этого произведения формировалось очень проблематично из-за угнетающих формулировок Версальского договора. Если из-за своей ранней смерти Мёллер, пожалуй, не смог осознать эту проблематику и пересмотреть свою националистическую позицию, то его духовный наследник, Эдгар Юлиус Юнг приступил к такой корректировке. Во втором издании «Господства неполноценных» Юнг в 1930 году писал: «Автор за прошедшее время попытался проследить ход мысли национализма до его горького конца; поэтому сегодня он отворачивается от дезориентирующего понятия национализма».

В заключение можно констатировать, что миф империи, в том виде, в каком ввел его Мёллер, способствовал формированию младоконсервативного мировоззрения, которое приняло почти сакральные измерения. Из этого извлекли пользу те реалистически продуманные концепции его окружения, которые стремились к новому построению государства и общества в духовной преемственности Мёллера. Юнг, который в своем главном произведении делал конкретные предложения разработки всех важных областей политики, обосновывал, например, свою общую концепцию мифом империи, который предначертал Мёллер. Также Шотте в своей книге «Новое государство» подчеркивал, что голая имперская романтика должна теперь перейти в фактическое новое строительство государства: «Наша государственная воля убежала в романтику грёз о Третьем Рейхе. – Назад на почву реальности! – Вперед к ответственности! – Вперед к делу! – таковы лозунги 1932 года».

11. РЕЗЮМЕ ВТОРОЙ ЧАСТИ:

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ПОЗИЦИИ МЁЛЛЕРА ВАН ДЕН БРУКА

Мёллер ван ден Брук в 1923 году в своем основном произведении «Третий Рейх» представил общую критику партий. Для этого он основательно проанализировал самые важные мировоззренческие термины и лозунги либерализма. Для «Движения Кольца» это произведение стало программным центром вращения и центром тяжести.

Также Мёллер не хотел в своих трудах накликать революцию, которая должна была с помощью насильственного свержения привести к райской ситуации – как мировая революция, к которой стремились коммунисты. Скорее его философия истории постулировала циклическое чередование революционных и консервативных элементов. Этот образ мыслей был вдохновлен «вечным возвращением одного и того же» Ницше. Намерением публицистической деятельности Мёллера было добиться непрерывно-органического развития в консервативном смысле.

Мёллер старался посредством аргументов принципиально опровергнуть социализм марксистской формы. Он противопоставлял либеральному и марксистскому оптимизму будущего свое циклическое понимание истории, которое опиралось на Ницше и Шпенглера. Ссылаясь на эти соображения, он требовал истинно немецкого социализма, который должен был внутри себя нести сословные черты, а снаружи принести собственному народу жизненное пространство.

В экономической области младоконсерваторы стояли, как правило, на либеральной точке зрения. Это не мешало им развивать четко выраженный антилиберализм. На изречение Мёллера «В либерализме гибнут народы» ориентировалось соответствующим образом все движение. Политическую систему Веймарской республики обвиняли в том, что она повинуетя тем же капиталистическим принципам, что и либеральный экономический мир. Демократических политиков нужно сравнивать скорее с бессовестными коммерсантами, чем с преданными делу народного блага государственными мужами, и, сверх того, «разлагающая» сила либерализма была виновата также в поражении в Первой мировой войне. В будущем Мёллер прогнозировал большой конфликт между либерализмом и антилиберализмом.

Было бы неверно обозначать мировоззрение Мёллера как «антидемократическое»; скорее в его основе лежит другое понимание демократии, нежели то, которое с тех пор получило распространение в западном мире. Господство партий Мёллер воспринимал как в высшей степени недемократическое. «Настоящая демократия» могла, по его мнению, произойти только из власти вождя и сословной структуры. При этом конкретная форма государственного правления несущественна, решающей является только органическая тесная связь между народом и правительством.

Пролетариат должен быть главной опорой желаемого «немецкого социализма». Тем не менее, рабочий класс был так испорчен влиянием марксизма и западной демократии, что только аристократическая власть вождя смогла бы указать выход. Пролетариат смог бы превратиться в национальный рабочий класс только путем антиэгалитарного преодоления марксистского нигилизма. Даже если Мёллер, как и национал-социалисты, в своем мировоззрении особенно выделял

немецкого рабочего, все же, существовали отчетливые различия между его представлениями и идеологией НСДАП. После преодоления внутригерманских классовых антагонизмов задачей Германии должно стать устранение нигилизма также на европейском уровне, чтобы вместе с тем создать новый порядок ценностей.

Реакционер, по словам Мёллера, стремился к «аннулированию» революции и вместе с тем к восстановлению прежнего, дореволюционного статус-кво. Реакционер представлял поверхностное понимание истории, из-за которого его направленные в прошлое политические стремления вливались в бездушный механизм. В отличие от этого, консерватизм был направлен вперед в духе «вечного возвращения», вследствие чего стало бы возможным органически-революционное дальнейшее развитие.

В консерватизме Мёллер видел большой контрпроект либерализма. Если консерватизм полагался на творческое обновление, то либерализм доверял непрерывному прогрессу, который, тем не менее, является самообманом. В девятнадцатом веке рассудок все больше путался с просветительским разумом, что, в конечном результате, означало либерализацию партийного консерватизма. Однако, подлинный консерватизм не определялся разумом, а на основе всегда одинаковых человеческих задатков стремился к консервативно-революционному обновлению. Своей ориентацией на рассудок консерватизм одновременно представляет собой духовную форму, из-за чего он входит в конфликт с необоснованными интеллектуально мировоззрениями, такими как национал-социализм.

Имперская идея была больше метафизической воображаемой картиной будущего, чем реалистической возможностью. Миф империи должен был дать немцам опору и уверенность, чтобы они смогли начать национальное возрождение. В конце этого национального поворота Мёллер надеялся на воплощение великогерманского государства с культурной гегемонией над всей Европой.

Мёллер делал четкое различие между «молодыми народами», которые хотели работать и нуждались для этого в пространстве, и «старыми народами», которые характеризовались уменьшением населения и производительной способности. Зависть «старых народов» к прогрессирующей Германии была ответственна за Первую мировую войну и Версальский договор. Итак, теория Мёллера – это широко задуманное полемическое произведение, которое объясняет ужасное положение в послевоенной Германии обращением с нею победоносными державами Антанты, и поэтому занимает позицию, направленную против них и введенного и благословленного ими политического и общественного порядка. Теория, которая исходит из циклического чередования взлетов и падений «моло-

дых народов», походит на морфологический образ мыслей Шпенглера, который тот расширил в «Закате Европы». Мёллер постулировал «Социалистическую внешнюю политику», которая должна была снова восстановить справедливость между народами. На внешнеполитическом уровне автор выдвигал тезис, что Германия располагает особенным сознанием миссии, что дает ей право на то, чтобы расширяться на восток. Только под немецким руководством культура и труд могли бы сохраниться на Востоке.

У симпатий Мёллера к Востоку первоначально были личные причины. Также его любовь к русской мистике и поэзии оказали свое влияние на политическую область. Не просто так Мёллер был редактором первого переведенного на немецкий язык полного собрания сочинений Федора Достоевского. В политической сфере ориентация на Восток была задумана преимущественно как противовес к «западничеству». Однако Мёллер ни в коем случае не думал о бесконтрольном заимствовании восточной культуры. Скорее право немецкой культуры на руководство должно было сохранить значение также на Востоке.

Темой «расы» Мёллер интересовался только попутно. Тогда как для национал-социалистов основывающаяся преимущественно на биологии расовая теория представляла основную структурную часть их мировоззрения. Как мы смогли показать, точка зрения Мёллера в этом вопросе отчетливо расходится с национал-социалистическими взглядами. Так автор выдвигал тезис, что не *чистота расы*, а *смешение рас* порождает человеческие ценности. Даже если Мёллер отказывался от чисто биологического превосходства определенных рас, он, тем не менее, считал, что историю делают «превосходящие» расы. Он приписывал это превосходство преимущественно духовным и культурным факторам, что ясно показывает, что Мёллер под расой понимал вовсе не чисто биологически отделимую группу. Однако Мёллер не хотел поддерживать и необузданное смешение рас. Так каждая нация создала бы свой определенный характер, который нужно было сохранять. От этого зависело благополучие всей Европы.

Понятие империи у Мёллера выглядит крайне расплывчатым. Тем не менее, можно твердо сказать, что, по его мнению, Австрия и Германская империя должны были слиться в одно государство, и что следовало стремиться к расширению этого Рейха на Восток. Предпосылки для империи – сословная структура и федерализм – разрабатывались далее уже не Мёллером, а другими сотрудниками на Мотцштрассе. Но как раз мистическая неопределенность делала видение империи таким успешным. Миф империи должен был после «смерти Бога» заполнить нигилистский вакуум и получить роль запасной религии.

Как было показано, мировоззренческие позиции Мёллера ван ден Брука обладали удивительно широким диапазоном. Предпринятое здесь систематическое

изложение его мышления должно было облегчить заинтересованному читателю и исследователю доступ к сложной панораме его младоконсервативного идейного конгломерата.

В заключение еще нужно поставить вопрос, обладает ли мышление Мёллера еще сегодня определенной актуальностью. После Второй мировой войны этот центральный мыслитель Консервативной революции постепенно был предан забвению, и сегодня только лишь немногие знакомы с его публицистическим творчеством. Многочисленные затронутые Мёллером вопросы по истечении примерно восьми десятилетий, естественно, представляют собой только лишь исторический интерес. Однако в среде так называемых Новых правых еще сегодня занимаются идеями Мёллера. Хотя внутри спектра Новых правых нет сил, которые всерьез пытаются внести младоконсервативные идеи 1920-х годов в неизменном виде в западногерманский дискурс современности; это, впрочем, и без того было бы несовместимо с консервативно-революционным самопониманием, которое принципиально отвергает любое реакционное мышление. Однако некоторые пункты критики Мёллера неподвластны времени. Именно его систематическое разоблачение либерализма все еще пробуждает интерес. Армин Мёллер, который после Второй мировой войны был одним из самых значительных консервативных мыслителей, в своей книге «Взгляд справа» пришел к выводу, что самая большая опасность для политически живого консерватизма исходит как раз от этого либерализма, и решительно ссылается на антилиберализм Мёллера: «Одна фраза не должна быть ошибочной потому, что Мёллер ван ден Брук произнес ее. Фраза Мёллера ван ден Брука, которую также произносили в той или иной форме очень многие великие консерваторы, звучит так: «В либерализме гибнут народы».».

12. ПРИЛОЖЕНИЯ

12.1 «В либерализме гибнут народы» (Артур Мёллер ван ден Брук)

Напечатанная ниже статья Артура Мёллера ван ден Брука «В либерализме гибнут народы» взята из книги «Новый фронт» («Die Neue Front», hg. v. Moeller van den Bruck, Heinrich von Gleichen u. Max Hildebert Boehm. Berlin: Gebrüder Paetel, 1922. стр. 5—34). Это эссе является вторым текстом в этой антологии младоконсерватизма и, следовательно, предшествует последующим 32 статьям из в целом 34 статей различных авторов, что иллюстрирует, как соиздатель Мёллер хотел, чтобы его текст понимали, и насколько важен был он для него самого. В эссе четко видна критика Мёллером ван ден Бруком либерализма. Этот текст может претендовать на то, чтобы содержать мировоззренческое мышление Мёл-

лера в сжатом виде, что является причиной включения его как приложения к данному исследованию. Пунктуация и использование заглавных и прописных букв соответствуют оригинальному тексту, дополнения помечены в квадратных скобках.

Когда я слышу людей, говорящих о либеральных идеях, я всегда удивляюсь тому, что люди охотно готовы удовлетвориться пустыми звуками. Ведь идея сама по себе не может быть либеральной. Идея может быть сильной, хорошей, цельной, чтобы она могла осуществить свою божественную миссию – стать плодотворной.

Гёте

I

Над страной нависает подозрение, что нацию обманули.

Это не только обман Версаля. Обман Версаля – только сегодняшний. 440 статей мирного договора сделали из Четырнадцати пунктов миротворца его скрепленный печатью документ.

Но тот обман, который произошел, скорее так же стар, как злоупотребление, которым занималась идеология, которая в политике работала с идеями, чтобы сохранить интересы. Это злоупотребление позволило нашим противникам обещать себе преимущество не лучше, чем когда они самими высокопарными понятиями заставляли немецкий народ во имя мира забыть о войне, прежде чем он ее выиграл – и лучше всего, когда нашлись немцы, которые были приведены ими к тому, что они соблазняли Нас этими понятиями. Думаем ли мы об обманщиках, или об обманутых, или же мы найдем среди них таких, которые в собственной стране действовали как обманутые обманщики мелочно опекаемого ими народа: мы всегда наталкиваемся на совершенно определенный мир представлений, который обычно использует принципы, чтобы обдирать свои дела.

Различие только в том, что наши противники умели в своем мире представлений делать все для своей пользы, в то время как мы лишь делали им любезность тем, что следовали за ними в этот мир представлений во вред нам самим. Этот мир представлений один и одинаков. Признаки повторяются всюду. Это признаки духовной инфекции, носители которой обычно защищаются своеобразным иммунитетом, в то время как она полностью губит пораженных. Это разлагающий мир представлений либерализма, который приносит распад, который рас-

пространяет моральное заболевание политических народов, и в той же мере, в какой он получает господство над народом, он портит его характер.

Однако мы не можем представлять себе этот либерализм так, как если бы он был привязан к какой-то определенной партии. Он только вышел из той общеевропейской партии, которая дала ему имя. Но впоследствии он повлиял на все партии, стер однозначность первоначальной партийной позиции, внес двусмысленный, сомнительный, либерально зараженный элемент – и если бы это было только так, что он создал известную фигуру деятельного партийного вождя, который получает свое назначение больше не от непреклонных убеждений, которые он осуществляет, а видит свое задание в ловком посредничестве, которое позволяет говорить с собой.

Либерализм – это свобода не иметь убеждений, и при всем том утверждать, что как раз это-то и есть убеждение.

II

Когда разразилась мировая война, по строкам газет Запада бежал призыв: «la liberté est en jeu!» Тогда мировое общественное мнение было дезориентировано. Частное дело поднялось до уровня всеобщего. Теперь оно было мировоззренчески обосновано. У него был свой нимб. Но наши противники делали это все не ради свободы, а ради власти. Если бы это проверили с мировоззренческой точки зрения, то сделали бы странное открытие, что политическая свобода, которой требует либерализм с демократическим обоснованием, в либеральных странах достается вовсе не народу, который скорее остается опекаемым, а определенному обществу, которое правит. То, что это общество понимает под свободой, это сначала простор для махинаций, в котором нуждаются его члены, чтобы вообще войти в это общество; затем это простор для парламентаризма, который гарантирует им их могущество, в то время как он оправдывает их конституционным правом; и, наконец, это простор возможно более безнадзорной свободы передвижений, которая за этой мнимой стеной народного представительства позволяет им, чтобы они в отношении как к собственному народу, так и к другим народам занимались получением выгоды. Нужно только раскрыть демонстративную борьбу понятий, которую разыгрывает либерализм, когда он ссылается на свободу! Он использовал уже начало мировой войны для такого введения в заблуждение. Это был первый обман.

Когда наши противники были не в состоянии сломить сопротивление, которое мы противопоставили натиску оружия, они перешли из своей демагогической засады к тому, чтобы соблазнить сам немецкий народ. Для этого, прежде всего, воспользовались понятием прогресса, которое так любят смешивать с понятием

свободы. Хотя, когда сравнивали народы по успеху их труда, то получили в результате такой образ стран, который оказался очень выгодным для Германии и достаточно постыдным для Запада. Но если становились на парламентскую точку зрения, то можно было, в крайнем случае, утверждать о внутривнутриполитической отсталости. И таким образом снова и снова немецкий народ заверяли в том, что он терпит давление такого понимания государства, которое до сих пор только обременяло его, принося ему вред. Все равно нельзя было сказать: принося также экономический вред. Поэтому выдвигали пацифистские точки зрения, которые очень ловко и, во всяком случае, более эффективно, чем это понимал немецкий народ, связывались с причинами, которые якобы лишили немецкий народ благосклонности других наций, с тем конечным итогом, что они все объединились против него одного. Их связывали с внутривнутриполитическими отношениями, в которые вмешивались с внешнеполитическими целями, с вопросами немецкой конституции и даже с вопросами прусского избирательного права. Обладая такой нечистой совестью очень осторожно обсуждали историю возникновения мировой войны. Первопричинный факт политики изоляции перекидывали случайным и являющимся только поводом фактом первого объявления войны. И отмалчивались по возможности, когда напоминали о факте первой мобилизации, в которой, как известно, были виновны русские союзники. Зато становились тем больше красноречивыми, когда начинали говорить о продолжительности войны, что болезненнее всего должно было восприниматься в Германии, о причинах, из-за которых один год войны следовал за другим, и которые отодвигали ее конец в неопределенное будущее. И здесь достигали решающего, сначала обманывающего и потом беспрерывно запутывавшего воздействия словом, которое как радостное послание пришло к нам из Белого дома: «Мир должен быть заключен без победы». Слово это упало в нацию, которая не хотела войны, и которая не знала, о чем, собственно, шла в нем речь относительно ее будущего. В разгар войны эта нация расходилась во мнениях относительно своих военных целей, которые следовали для нее только из хода войны, в то время как наши противники добивались своих целей в тишине и всегда рассматривали их как нечто само собой разумеющееся.

Таким образом, эта нация при каждом случае демонстрировала, насколько неподготовленной была она, все же, к этой войне, которую ставили ей в вину – и внезапно она увидела перед собой возможность снова прийти к миру, в котором она прежде так хорошо себя чувствовала. Слово «мир без победы», которое звучало так приемлемо, совпадало не только с нуждой [,] страданием и ростом жертв, что до тех пор народ брал на себя в молчаливом долге и большой стойкости, но и со свойственной от природы доверчивостью, которая позволяет нашим людям следовать за всем, что ему рекомендуют его поводыри, и теперь лишь из заграницы, как нечто благоразумное, даже если оно и неразумное. Не приобретала ли эта бессмысленная война дополнительный смысл, если как раз

Она вела к примирению народов, которое дало бы каждому народу свое или, во всяком случае, не отнимало у него то, что принадлежит ему? В этой доверчивости, с которой скомпрометировал себя сначала немецкий демократизм, в котором собрались все слабо шатающиеся, все либеральные элементы народа, могли уже начаться махинации, которые привели к нашей торжественно заверенной готовности бороться за мир в 1917 году. В обстановке этой же доверчивости позже началось воздействие Нортклиффа, после того, как оно нашла доступ ко всем предательски отвлекающим, всем революционным элементам, которые даже тогда, когда их уже подготовил западнически направленный социализм, тоже были либеральными элементами – теперь только не в духе либеральной глупости, а в духе либерального преступления. Из доверчивости и измены произошли предпосылки событий 1918 и 1919 годов: неизбежно последовали свержение, условия перемирия, сдача военного флота, выманенная хитростью сдача нашего торгового флота, и тот самый плохой из всех самообманов, что мы должны были признать вину только одних нас за начало войны, чтобы таким уступчивым способом добиться ложью более благоприятных условий мира. Это был второй обман.

Решение довольно долго касалось еще только того, был ли разоблачен также миротворец как либеральный человек, которым он был. То слово о «мире без победы» было произнесено перед нашим мирным предложением 1917 года. И позже, когда увидели нас на том пути, на котором хотели нас видеть, это слово не повторялось. И после крушения 1918 года, когда были у цели, это тем более не осуществилось. Сегодня могло бы уже не иметь значения, верил ли сам Вильсон когда-нибудь в содержание своего слова, или же он произнес его в тот момент, когда он еще был убежден, что те народы, которым он желал победы, все же, не добились бы «мира с победой». Но это все же имеет значение, так как это заявление лежит в очень либеральной середине, в качестве либерального человека, который прячет цель, которой он добивается, за оговорками, формулируя эту цель в зависимости от ее досягаемости. Все-таки Вильсон связал себя. Он принес в Европу чувствительное честолюбие и примечательное упрямство. Но когда он появлялся среди государственных деятелей, там его третейское судейство воспринималось так же сердито, как до тех пор благодарно принималась его помощь. И теперь оказалось, что он не был великим, убежденным, очень непоколебимым человеком, который был скорее готов дать погибнуть миру, чем отойти от своего слова – и как раз вследствие этого спасти мир. Вильсон, конечно, чувствовал, что теперь на карте стоял интерес, который был не только политическим, но и идеологическим: интерес всемирного разоблачения или неразоблачения либерализма, которое прилипло к Нему, к его исторической фигуре и, наконец, к американскому народу, и которое он должен был принять, или от которого он мог бы, вероятно, уклониться. Когда либерализм поймал себя на слове, и когда Вильсон, который уклонился от мирного по-

средничества Папы Римского, чтобы опередить его своим собственным тщеславием Лиги наций, поймал сам себя на данном им слове, то он должен был использовать исход мировой войны для дела умиротворения народов. Но уже никто больше не говорил об обещаниях того, что немецкий народ, как только он с помощью революции положит конец войне, как «освобожденный» народ будет принят в круг «свободных» народов. Либерализм все больше и больше молчал об идеалах. В Версале махинации шли только лишь о грани, о градусе, о линии, которую нельзя было перейти, если не хотели обвинить себя – или с которой можно было не считаться, вероятно, если не поймают? Вильсон помешал некоторому корыстолюбию. Но сегодня мы должны сожалеть, что он сделал это. Он вместе с тем только отсрочил процессы, которые все равно должны были произойти. Вильсон был по-своему еще либеральнее, чем его французские и английские противники. Он допускал половинчатость. И он только с несговорчивостью настаивал на том, что все эти интерпретации [,] обходы и нарушения его Пунктов – это как раз и есть их применения. Либерализм всегда таскает с собой либерального глупца, который хотел бы сделать что-то серьезное при помощи либеральных идей, который, однако, если ему не удастся чего-то добиться с их помощью, довольствуется лишь тем, что сохраняет хотя бы внешний вид. Но для либерализма всегда наступает такое мгновение, когда либеральный человек выходит из себя и с хладнокровием, с хваткой и без всяких колебаний, что теперь представляется выгоднее всего, пытается добиться своих целей. Так поступал Клемансо, для которого либерализм всегда был только тактикой, с которой он набрасывался на личного противника по самым неделовым причинам, и который теперь как истинный мужчина стал совсем жестким человеком воли, который ничего не оставляет от своей добычи. И так поступал Ллойд-Джордж, либерализм которого лежал в свойственной ему от природы подвижности, которая позволяла ему любое посредничество, но также и любое изменение взглядов, и который теперь с убранным духом, с которым он обычно перепрыгивал возникающие трудности, отставлял все возражения за успехом, который он получил. С этими обоими противниками Вильсон не справился. Он позволил им выиграть их игру. И у него была только нечестность придать себе столь же прямодушный, сколь и самодовольный вид, как будто бы он сам выиграл ее. Это был третий обман.

Мир принес миру не свободу, а порабощение. И мир он ему тоже не принес.

При всем том у государственных деятелей Версаля есть наглость, которая принадлежит к истолкованию, что, мол, их дело – это гарантия прогресса и справедливости.

Это наглость избалованных. Это истолкование разгаданных. Но они обладают политической властью, которой они обязаны беспринципности от имени прин-

ципов, и по которой мы узнаем проклятую характерную особенность либерального человека злоупотреблять понятиями, использовать понятия как средство и скрашивать цели понятиями.

III

Подозрение, под которым либерализм сегодня находится в Германии, – это подозрение к системе: к сети [,] сплетению и петлям, которые можно представить брошенными на мир, и запутанной в этих петлях должна, наконец, стать Германия.

В первую очередь, к этому относится подозрение, под которым находится масонство. Его структура тайного общества на космополитической основе является особенно привлекающей внимание. Уже отмечался тот факт, что именно масонские державы заключили до войны «Сердечное Соглашение» против Германии и во время войны для ее уничтожения. Обращали внимание и на другой факт, что, в конце концов, в Версале сидели вместе почти только масонские государственные деятели. Поэтому листали назад историю масонства, чтобы найти тайну, которая его окружает, и раскрыть связи, которые можно установить между всем, что было когда-нибудь подпольным и скрытым в истории человечества. Задавались вопросом, какую причину могло бы иметь то, что ложи разделяют людей на посвященных и непосвященных, и не было ли за этим политических мотивов? Ошибочно предполагали найти истоки масонства в египетских или в элевсинских мистериях. Выводили масонов от друидов или от ассасинов. Проплеживали след, который ведет от рыцарских орденов через розенкрейцеров к иллюминатам и от них к масонам. И, наконец, расследовали темную деятельность, которая началась в 1717 году с основанием новой английской Высокой ложи и предшествовала как в 1789 началу французской революции, так и русской революции 1917 и немецкой 1918 года.

Но, все же, такие попытки создания родословного дерева – это только временные решения. Они не способствуют нашему познанию общей мировоззренческой основной мысли, скорее ставят нас перед столь же многими противоречиями, сколь они предлагают мнимые возможности сравнения. Только поверхностный способ рассмотрения может от наблюдения, что всегда существовали тайные общества, из существа которых получались родственные формы, привести к выводу, что у них всех должны были быть одни и те же цели. Скорее у них были как раз самые противоположные цели. И даже у самого масонства эти цели были самые непостоянные. Также в этом не было бы ничего примечательного, если бы сам факт изменчивости не заставлял нас спросить самих себя, не содержит ли подозрительная поспешность [,] легкость [,] быстрота, с которыми масонство приспособлялось и трансформировалось в зависимости от измене-

ния обстоятельств, какое-то указание на характерную особенность его духовного состояния, которое потом снова возвращается как духовное состояние либерализма? Они содержат его. Если пройти историю масонства, то вы окажетесь перед неупорядоченностью принципов, которая предполагает совершенно определенного человека, в котором мы узнаем либерального человека: человека то ли с размягченным, то ли с пронырливым мозгом, который либо больше не в состоянии разделить свои принципы друг от друга, либо себя от них: человека, во всяком случае, для которого не стоит самого незначительного самопреодоления бросить их, наоборот, для которого это окупается, и он чувствует себя при этом в своей настоящей стихии. Оказываются уже перед таким отказом, когда делают констатацию, что ложи первоначально были задуманы как совсем неполитические, что это, однако, не продолжалось долго, и политика стала их главным, специальным и любимым занятием. И оказываются перед другим отказом, если добавляют к этой констатации то, что это вовсе не всегда была просветительская политика, которой предавалось раннее масонство, как можно было бы ожидать этого, основываясь на основной черте идеи лож. Скорее масонство, которое перенесло его во Францию, здесь занималось первоначально папистской и стюартовской политикой в усердном виде серых братьев-шотландцев. В будущем, во время длительного господства вигов, но также и первого парламентского коррумпирования, ложи потом опять перешли к либеральной политике, которой они дали теперь также либеральное имя и ставшими теперь конституционными средствами которой они пользовались, чтобы сохранить себе власть, вкус которой они почувствовали. Такое изменение позиции, кажется, было благоразумным – и почему бы не сделать что-то благоразумное, если оно в то же время еще и выгодно? Это казалось оправданным особенными обстоятельствами – и именно ссылка на «обстоятельства» всегда должна была извинять любое отклонение принципов, в то время как она учила его «понимать». В этом лежала бесхарактерность доктринеров, которым вовсе не было дела до своих доктрин. Скорее там выдавало себя что-то вроде осторожности преступников, которые заблаговременно позаботились о мировоззренческом оправдании, которое они хоть и скрывали от своих противников очень непоследовательно, однако они подготовили его на тот случай, что их самих когда-то смогут привлечь какой-либо ответственности. Там объявляла о себе система бессистемности, которая заменяла мир безусловности миром трудно определимой обусловленности и раскрывала собачье воззрение релятивистского скепсиса.

Между тем масонство далее создавало псевдологику рационализма, который делал вывод, что что-то должно быть логичным, если это было выгодно, и причудливый разум гарантировал дополнительное одобрение. Почему ложи, которые возникли как представительницы христианской мысли человечества, не должны были взять на себя также защиту нехристианской мысли человечества, если,

все же, неверующий – это тоже человек, и кроме того из общения с ним можно получить преимущества, которые были бы полезны для дела? Итак, английская Высокая ложа стала первой, когда она сначала при приеме новых членов из учета торговых интересов стала в виде исключения принимать евреев. Англичанин всегда чувствовал себя связанным с духом Ветхого завета, и если он также признавал и Новый завет, все же, тогда это не меняло ничего в том, что Ветхий завет тоже был Заветом, хоть и материалистическим, но зато практичным и сверх того очень бесцеремонным. Так же французский Великий Восток постепенно перестал делать различие между деистами и атеистами. Не был ли позитивизм также религией, разумеется, верой в неверие, но все-таки верой, верой в разум, которая заменяла веру откровения? Итак, стали принимать позитивистов, хотя они были не только врагами церкви, но и врагами религии. Но делали это, так как они признавали свет, который распространяло Просвещение целый век, так как они усердно спешили оказывать услуги, которыми были обязаны Богине разума, и точно так же говорили о «человечестве», о «прогессе» и, прежде всего, о «свободе». В действительности делали это, потому что жили с ними в одном и том же обществе, играли на той же бирже и сидели в той же палате. Делали это, так как политические цели сходились в одном и том же оппортунистском направлении.

Не иначе сегодня масонство вполне готово перейти к учению иезуитов, как только им покажется, что их цели сходятся в одном и том же политическом направлении. Тем же политикам из круга Великого Востока, которые только что еще сделали ватиканские законы, вовсе не будет трудно войти в дом Папы и поклониться Орлеанской Деве, которую они до сих пор оплевывали как шлюху Вольтера, как Святой Фоша. Мировоззренческое, ради которого, как утверждают, вели войну, оправдывает также этот шаг. Если Франция Революции возглавляет дело человечества, как Жанна Д'Арк когда-то возглавляла дело Франции – не правда ли, тогда, все же, есть что-то общее, которое позволяет не обращать внимания на все разделяющее? Во всяком случае, для либерализма, который в своих словах всегда представлял себя таким космополитическим, но в своих действиях был таким шовинистическим, стоит забыть всю ту злейшую вражду, с которой он прежде относился к церкви, если он может ожидать от связи с нею поддержки своих планов, помощи его намерениям в Польше и дополнительного согласия на рейнские посягательства.

Однако сами планы снова покрыты дословным текстом мирного договора, который дал либерализму свободу действий, в которой тот нуждается для своей двусмысленности, и который намеренно был изложен так, что из буквы его определений можно было вынести вердикт также тогда, когда это истолкование было очевидным искажением [,] обходом [,] изнасилованием связанных с ним понятий. История заключения мира – это история крайней изменчивости, кото-

рая не придерживалась никакой программы, а полностью ориентировалась на ситуацию и соразмеряла с нею требования к противнику. Она – история сплошного отказа от принципов, который для каждого отдельного случая готовил особый предлог, чтобы смочь представить собственной стороне ту неправомерность, которая причинялась противной стороне, как право. Она – история последнего и самого большого обмана, который осуществлялся на таком извращенном правовом основании, что приговор условий мира не был взят из уголовного кодекса, а даже сам поднялся до уголовного закона.

Либерализм нуждался для этого в человеке, который выступал бы как адвокат идеи человечества, на которой он основывал третейское судейство, и который одновременно обладал несговорчивостью отвечать также за признания, которые он перед всем миром выставлял как нравственные. Он нашел его в человеке, который всегда говорил о «беспристрастной справедливости», словесное потребление которого настолько ослабило умственную способность, что он вовсе не замечал в своей уверенности в собственной правоте, насколько он был лишь инструментом одной партии; который обязался на публичные переговоры, но согласился на процесс, при котором, прежде всего, исключен был противник на переговорах, и в котором публичным был только результат, который сообщили ему; который ничего не хотел знать о возмещениях военного ущерба, но вместо этого допускал односторонние репарации, под которыми сторона, на пользу которой они шли, сразу же понимала тогда всю войну, которую она могла оплачивать; протестовал против присоединенных областей, но принимал занятые области, которые скрашивались тогда предварительностью и в то же время освобождались от неизвестности голосования; который уклонялся от «улаживания всех колониальных прав» и избегал «аннексий», в то время как он распределял «мандаты»; он отставлял не только «свободу морей», но и «равенство торговых связей» и «разоружение народов»; и который для этого привел домой только «Лигу наций», которую вовсе не хотели иметь дома. Либерализм нашел этого человека в Мастере Стула оторванной от жизни всемирной справедливости, который всегда клал понятие на одну чашу весов, которую он держал в руках, и серьезно верил, что его точка зрения победила, когда в действительности эта его чаша только взлетала вверх – в то время как на другой чаше тяжело лежала действительность. Когда брат Вильсон поднялся на «Джорджа Вашингтона», там он создал не мир Бога, как он себе представлял, но скорее мир, в котором теперь либерализм находит свое удовольствие – но [,] не так ли, но фактический мир, которого все народы ожидают с нетерпением, был подготовлен победителями и подписан побежденными!

Как в учении иезуитов цель оправдывает средства, так в либерализме понятие оправдывает истолкование – а истолкование, со своей стороны, оправдывает понятие.

IV

Кто хочет понять систему, тот должен проникнуть в ее психологию.

Либерализм основывается на либеральном человеке, с которым мы имеем дело.

Подозрение, которое падает на обман, которым занимались с идеями, идет дальше от мошенников и удерживается на широкомасштабном плане, который так же лежал в основе начала мировой войны, как он теперь снова лежит в основе извлечения прибыли мира. Только мы не должны представлять себе этот план как оговоренный и заранее намеченный – он при всем том может быть в наличии и быть эффективным. Либерализм также здесь снова оставил какую-либо свободу действий, и если это казалось достойным рекомендации, однако, то переходили к целенаправленному соглашению, как это показали политика изоляции и сердечное взаимное согласие между западными державами.

Но, прежде всего, этот план основывался на людях. Он основывался на более или менее безмолвном согласии направленных в одну и ту же сторону людей, которые совпадали в своих мотивах. Он основывался на либеральном человеке, который будет везде и всюду действовать свойственным ему способом, и который, где и как бы он ни действовал, всегда действует разлагающе. Он основывался на человеческом, психологическом и почти физиологическом родстве душ, которое воплощалось в политическое родство душ. Из соответствия инстинктов получалось соответствие цели.

Масонство – это только указание. И оно указывает на либерализм. Деятельность одного переходит в деятельность другого постепенно, так что передний план и задний план не всегда можно разделить. Но там, где логи занимают только своим масонством, они отличаются от клика, в которых либерализм делает свою политику, как безвредность отличается от злости. Белая магия находится с черной магией в вечной борьбе: одна – обратная сторона другой. В случае с масонством, которое так любит придавать себе светлую окраску безвредной чистоты, речь идет ни о том, ни о другом, скорее о смеси, которая слишком противоречива, слишком двусмысленна, и слишком сложна, чтобы ее можно было однозначно определить. Речь идет о серой магии Просвещения. Также она происходит из серой теории. Или нет: так как по естественным и духовным причинам не может быть связи между магией и Просвещением, так же, как между мистикой и рационализмом – поэтому в масонстве речь идет только о попытке найти замену для лишнего им Бога мира, который оно тогда нашло в мире объединившихся братьев. Световой поток милости был сломан, отведен и растворен. В тумане, который остался, свободомыслие нищих духом могло важничать – или же можно было готовить удары, плести интриги, придумывать превосходные

уловки. То, что возникло, было либеральным фокусничеством, которое было больше не магией, а тривиальностью или интригой. Либеральные люди никогда не являются магическими людьми, это тривиальные люди, пока они заботятся только о своих банальностях, или же, как только они переходят к действиям, это коварные люди. Либерализм ведет к глупости или к преступлению. И часто одно не знает о другом. Но часто они знают друг о друге.

Также Просвещение хотело иметь свою тайну. Оно окружило себя ею в масонстве. Но то, что возникло, было мистерией банальности. Ее новопосвященные жрецы – дилетанты мировоззрения. Как раз они, которые делают вид, будто бы они какие-то посвященные, совершенно не посвящены в большие, существенные решающие вещи, которые всегда становятся доступными только проникнутым людям. Ложи утверждают, что также масонство основывается на некоем опыте, переживании, через которое нужно пройти, и о котором, собственно, нельзя рассказывать. Масоны говорят о своем королевском искусстве, но они делают это так же, как люди, которые говорят о произведениях искусства, не чувствуя подлинности, не разгадывая подделку, не умея отличить сотворенное от сделанного, и которые для возмещения обходятся такими общими понятиями как «красота» или «правда», которые остаются, все же, в их устах только дилетантскими словами. Масоны хорошо чувствуют недостаточное. Они осознают, что они – какие-то отщепенцы в своей беспощадности. Они снова и снова скрещивают области мира вдохновения, сопричастными которому они не могут стать, и в который они как раз из своего мира абстрактности, который представляется таким тайным, не в состоянии проникнуть. Тогда они не хотят допустить возможность этого. И в средних просвещенческих типах, которые в ложах собираются в клики, это превращается в это насмешливое предубеждение против любого откровения, в эту детскую ненависть к любой традиции, которая, как они думают, мешает вызывающему так много шума «прогрессу», в эту поверхностную и мстительную вражду, с которой они набрасываются не только на церковь и священников, но и на все, что из духовного прошлого продолжает жить среди нас и подпирает также государственные связи. Или у более серьезных [,] но все еще ограниченных образованцев, которым их беспорядочные любимые занятия подсунули какую-то удивительную для них книгу, это приводит к дополнительному усилию приписать к ложам какого-то создателя мысли человечества, будь то святой Франциск, Данте или Гёте, которого они, как им кажется, внезапно разглядели как первоначального вольнодумца. Но также и это усилие – это снова только замена. Она должна заменить личность, которую масонство никогда не порождало. Пароль лож, «Я тот [,] кто Я есть», только симулирует личность с банальностью и льстит дилетанту. Сами ложи выразили отказ от личности, когда они ввели систему различных по высоте градусов, по которым они распределяли своих членов по классификации их значения, и при том ни один магистр не достиг духовного воздействия, которое имело бы значение в

современной истории, не говоря уже о мировой истории вообще. Высокий градус – это тоже только замена. Он придает важность в маленьком кругу и удовлетворяет честолюбие хвастунов. У масонства даже нет основателя. В нашем представлении его возникновение не связано с каким-то конкретным именем. Никто еще не страдал ради целей лож. И если соразмерить масонство с ценностями, на которые оно могло бы сослаться, то оно – самое жалкое из всех движений. Энциклопедисты все же могли предъявить свои тридцать пять фолиантов, которые даже как отрицание все еще были едким поступком, и как у явлений у них был, по меньшей мере, рост сопротивления, которое они должны были преодолевать в борьбе с клерикализмом и абсолютизмом. Учение иезуитов исходит от духовных упражнений баскского ревнителя. Пуританство может опереться на Милтона. Пиетизм принес некоторые признания прекрасной души. Масонство не владеет никем и ничем. У него нет какого-либо классического языкового свидетельства. У него есть только брошюрки. Оно лишь превратило понятия Просвещения из уксуса в воду, и из них с аллегоризирующим рационализмом сделало те мифы свободомыслия, которые позволяли говорить о «человечестве», о «прогессе» и, прежде всего, о «свободе», чем ловили массы, не слишком охотно о «равенстве», которое иногда могло бы стать опасным, но особенно охотно о «братстве», которое среди братьев стоит так мало и всегда окупается. Сверх того, ложи стали этими приютами посредственности.

Связанная с масонством система клик потом снова вернулась в либерализме: как политическое родство маленьких людей, которые иногда могли быть умными, но наверняка не мудрыми, зато деятельными и весьма деловитыми. Различие только в том, что они не поддерживали общение, а хотели власти. Воля к этому непосредственно перешла из лож в либерализм. Так в «Бюллетене Великого Востока Франции» за 1899/1900 год говорится: «Что никто не мог бы двигаться больше, чем, это приемлемо масонству, властителю всех властителей земли!» Это признание относится к глупостям, которые снова и снова случаются с либеральным человеком. Тайные желания не помогли сохранить даже только наполовину публичное лицо. И, все же, нельзя было оказаться более неосторожным и больше разоблачить понятие свободы, которое масонство разделяет с либерализмом. Знак указывает с одного на другое и объясняет из соответствия инстинктов образование политической партии. Ни Один в клике не решился бы когда-нибудь на то, чтобы присвоить себя власть, до тех пор, пока он предоставлен себе самому. Но как – если теперь несколько объединяются и с помощью количества и расчета, и взаимодействия заменяют то значение, которого не хватает Каждому отдельному? Как – если количество, со своей стороны, гарантировало себе влияние через выбор, распределение находящихся в распоряжении сил и создание совершенно определенной и всегда бесцеремонной деловитости? И если называли пространство, которое было нужно для этого, пространством свободы, которым тогда можно было злоупотреблять как простором

для происков? Вильсон говорил об относительно маленьком количестве людей, которые экономически владеют их страной. В Германии один, который должен был знать об этом, недавно говорил о трехстах финансистах, которые сегодня якобы владеют миром. И, сверх того, был поставлен вопрос с подозрением, не существует ли совсем маленькой группы очень тайных вождей, которые неизвестны даже своим собственным помощникам и тем более сообщникам, группы, в которой сидят иезуиты и масоны, и теперь, пожалуй, также большевики, и которая делает всю историю. Но так далеко не нужно простирается подозрению в немцах, которые стали изумленными. Можно подумать только о Давиде с пращой. Это много маленьких слабых Давидов, которые есть повсюду, и совпадают в своей деятельности, которые всюду осуществляют свою месть и направляют камень. Палец здесь ложится на мотивы, которые действуют в либеральном человеке. Здесь действовало честолюбие, которое приходило уже из resentimenta, из «желания быть с другими» отсталых, которые не хотели, чтобы ими пренебрегали, из страха недостаточных, каким-то образом потерять связь с другими. Зависть к власти объясняет душевное состояние незначительных самих по себе людей, которые при всем том имеют о себе особенное мнение и теперь с помощью либерализма надеются привести его к значению. Зависть к власти объясняет эту ненависть к гению, к каждому только немного выдающемуся человеку, который как одиночка делает те вещи, которые обычно не могут быть сделаны многим или также только некоторыми. Зависть к власти объясняет эту ненависть к династиям, в которых не всегда личность, но предпосылка образования личности и, во всяком случае, привилегии личности кажутся гарантированными по праву наследства. Зависть к власти ничуть не меньше объясняет ненависть к папству, которое как учреждение обеспечивает право, которое традиционно подобает носителю, объясняет как враждебное отношение к учению о непогрешимости Людовика XIV, так и враждебность к провозглашению непогрешимости Пием IX. И на другой стороне так объясняется это пристрастие к конституциям, которые позволяют приходиться к власти через выборы и ставят справедливость на какой-то случай, случай, которому можно посодействовать: для парламентаризма, который перенимает контроль власти и дает как компетентному, так и некомпетентному возможность выбирать себя самого; к республике, в которой избранные разделяются во власти по партиям, оплачивают руководителей партии карьерой и государственным положением, и избиратель снова пожалуется партийными приходами; или также к умеренной королевской власти, которая давно отдала свою власть, но еще поддерживает внешний вид милости, который отвлекает политику наблюдения и взгляд от настоящих правителей, даже, возможно, позволяет королю, не как королю, а как частному лицу, проводить политику в интересах своих деловых друзей.

Подъем либерального человека, который отодвигает ответственность и вносит разложение повсюду, где связь должна соединять, возможен только тогда, ко-

гда консервативная мысль становится слаба, когда она отказывается от руководства и последователей, и отодвигает свои вечные точки зрения за временными. Поэтому история либерализма совпадает с историей упадка династий, которые больше не представляли никаких личностей, скорее кастрировали себя или изнеживались в своих представителях, и будь это только так, что они обуржуазивались – мы можем вспомнить о Доме Бурбонов. Или о Доме Ганновера, о Людовиках здесь или Георгах там. Перед Наполеоном мародеры французской революции сразу уползли назад, и самые гибкие из них, Талейран и Фуше, тут же смогли перекраситься в бонапартистов, а потом даже в легитимистов. Так же немецкие либералы отступали перед Бисмарком. Но вокруг Вильгельма II, романтика которого вовсе не была консервативна, и который в своем дилетантизме сам был либералом, они толпились снова, чтобы получить свою выгодную долю от его власти. Во дворе Вильгельма II ощущалось их тщеславие, и при расположении Вильгельма они совершали свои сделки, которые они, однако, – при всем новонемецком западничестве, которое было берлинским западничеством – должны были отнимать у французских и английских либералов. И снова это была зависть к власти, которая сплотила то окружение, в которое глупый немецкий либерализм как жертва – если он не умеет уклониться от этой жертвы – наконец, был включен. Это была зависть к власти, которая была нацелена на корону и попала в народ, сначала зависть государственных деятелей, которые под умной опекой Эдуарда VII направили свои махинации против могущества кайзера, и, наконец, зависть народов, которые объединились против одного народа, который мог требовать властного положения по критерию своего экономического трудолюбия, однако не по своей политической готовности. Повторился мотив либерализма, который натравливает меньших и маленьких, некоторых и, наконец, многих против одного. Он повторился с самым большим применением насилия, которое видела новейшая история, распространившись с уровня внутренней политики, на котором либеральный человек до тех пор считал себя безвредным, на уровень внешней политики, где он мог эксплуатировать весь народ с уже совсем другими перспективами. Каким нетерпимым и каким неблагодарным является этот либерализм, было продемонстрировано через несколько недель после большого закрытия биржи, когда французы тому самому человеку, который спас Францию и, несомненно, смог ее спасти потому, что он в своем одиноком и свирепом существе нес решающие черты не либерального человека, когда они отказали Клемансо из страха перед властью одиночки со всеми признаками недоброжелательства во внешнем чествовании его поступка. Вместе с тем, так думал либерализм, он окончательно выиграл мировую войну. Клика могла снова отправляться на свалку.

Либерализм утверждает, что все, что он делает, он делает для народа. Но как раз он исключает народ и ставит на его место «Я». Либерализм – это выражение такого общества, которое больше не является общностью. Либеральный че-

люди упустили смысл, который лежит в начале каждого общества. Он упустил структуру, разделение, которое основывается на подъеме личности, и которое как классификация выходит за пределы общей основы, но в то же время как естественная связь делает переход из народа в общество возможным, здесь способствует обмену силы и сохраняет ее в единстве. Он упустил более ценного человека, который ценности, создаваемые им, первоначально получает от народа и возвращает их народу переделанными в определенном виде, так что народ воспринимает его не как противоположность, которая уединяется здесь от него, а как пример, который он дает самому себе. Либерализм, напротив, это выражение общества, которое состоит из неполноценных составных частей народа. Либеральный человек выражает не структурированное общество, а распавшееся общество. Хотя бы поэтому он не может производить ценности, которые были бы общими для народа и общества. Либеральный человек только фальсифицировал ценности, обращался с ними по своему произволу или приберегал их себе как особое «образование». Это именно он создал эту ужасную пропасть, которая сегодня разделяет членов одного и того же народа. Лыстывая ссылку на народ должно только дать либеральному обществу желаемую охранную грамоту для его произвола. И от лозунга демократии, который выдал либеральный человек, он надеется, что народ, принявший его, своей массой поддержит требования, исполнения которых он сам требует как привилегии для себя. Но как раз народ абсолютно безразличен либеральному человеку. Либерализм – это партия карьеристов. Он – партия промежуточного слоя, который сумел втиснуться между народом и элитой, которая должна происходить постоянно, но не рассчитываемо, а творчески, если народ должен оставаться творческим как нация. Члены этого промежуточного слоя перескочили через рост нации или протиснулись как инородное тело в нее. Они чувствуют себя как особь, которая не обязана никому, и меньше всего – народу. К его истории они абсолютно безучастны. Они не разделяют его традиций. У них нет сопереживания его прошлого. У них также нет честолюбия его будущего. Они ищут только преимущества для своего собственного настоящего. Они используют при случае национализм, как они используют любую конъюнктуру в своих интересах. Иногда они используют пацифизм, иногда милитаризм, в зависимости от переменного течения времени. Их скепсис спрашивает: зачем мы живем? И их цинизм отвечает: чтобы жить! Итак, они живут и создают себе средства, чтобы жить.

Этим безнародным и несвязанным либерализмом, который оправдывал себя интеллектуализмом, было, наконец, в качестве самого успешного средства выбрано политическое средство мировой войны, из которой можно было сделать всемирный бизнес. Он воспользовался народами как средством для достижения цели. И он с помощью понятий привел народы к гибели. Подозрение, под которым стоит либерализм, основывается на обмане, который он совершил с идеями, чтобы сохранить интересы. Он злоупотреблял рационализмом, чтобы обос-

новывать свой метод. Он рассылал заранее идеологическую пропаганду, чтобы вербовать своих приверженцев всюду в мире. И он очень скоро разузнал в политической области, что с ключевым словом «свобода» можно было особенно хорошо ловить как людей, так и народы. Но то, что сегодня находится под подозрением, будет завтра стоять под обвинением.

Однако этот либерализм был во все времена. Это кроется в инстинкте каждого, что он хотел бы стать индивидуумом, даже если он не является им. Каждый человек, который больше не чувствует себя в общности, это немного либеральный человек. Его слишком человеческие качества либеральны. И любовь к самому себе – это его самая собственная область. Это самоотверженность консервативного человека, что он держится за святость дела, которое не умирает с ним. Это эгоизм либерального человека, что он оставляет вещи, которыми он живет, всемирному потоку. В противоположность к каждому консерватизму, который всегда основывается на силе человека, либерализм пользуется слабостью человека. Он стремится совершить трюк, как из слабости сделать силу. Он доводит до конца фокус, как один может жить за счет другого, в то время как он прикрывает трюк идеалами, стремится приукрасить его идеалами. В этом его расчет. На это он теперь пошел снова.

Этот либерализм изменял свои формы только в зависимости от своих интересов. Он изменял свои формы в зависимости от целей, которые индивидуализм предписывал ему, в то время как интеллектуализм предоставлял ему понятия как средство.

И он всегда был ужасной силой.

V

Либерализм подорвал культуры. Он уничтожил религию. Он разрушил отечества. Он был самораспадом человечества.

Первобытные народы не знают либерализма. Для них мир – это единое переживание, которое человек делит с людьми. И у них есть изначальное чутье понимания существования как борьбы, в которой все те, которые как-то относятся друг к другу, должны держаться вместе против всех тех, которые им как-то угрожают.

Государственные народы всегда подавляли либерализм. Они защищались против него союзами, которые обеспечивали их политическое существование. И если они в ходе их истории порождали индивидуума, который в каком-то повороте давал им измененное направление, тогда они связывали это направление

вновь с формами, на которых они основываются первоначально и традиционно. Даже революции государственных народов подчинены догмам, которые вновь стремятся создавать связывающие учреждения. До тех пор, пока они остаются государственными народами, их люди живут в духе долговременного проживания. Из него они получают силы сохранения, которое они используют в деле, которое для них важно.

Но общественные народы, нации, которые прекращают быть народом, дали либерализму пространство, которого тот требует. Они оставались внизу массой. Но вверху они образовывали слой. Это больше не был тот слой, который был раньше, и который своим примером создал государство. Это был слой, который последовал за предыдущим и который расторг государство. Это был тот опасный [,] бесцеремонный, беспардонный промежуточный слой, который втиснулся. Результатом стало господство клики людей, которые были связаны только общим интересом и также, однако, умели хранить этот интерес. Они охотно называли себя самыми лучшими. Они выдвигали поразительную претензию на это имя, хотя они состояли из переселенцев и разбогатевших, из вольноотпущенников и поднявшихся. Для них не имело значения, брали ли они из феодальной или из собственной радикальной идеологии понятия, которыми они могли прикрывать или приукрашивать свое притязание, свое присвоение, свою новую привилегию. Намек на аристократию особенно благотворно действовал на них, разумеется. Но наиболее внушительно и наиболее успешно они, все же, называли себя демократами.

Греция погибла в этом либерализме. Поймем ли мы, наконец, угрожающую надпись, которая написала на античном небе, что появление либерального человека предшествовало закату эллинской свободы? Этот закат не появился из ниоткуда. Он пришел из греческого Просвещения. Софист, который без проверки цеплялся за любое просвещение, едва оно лишь было произнесено, сделал из атомистики философов вывод индивидуалиста: для атома «Я». Это было софистическим словом, которое информировало человека о том, что он – мера всех вещей. И это был тот же Протагор, который обосновал этим индивидуализм, и который в то же время объявил релятивизм: «Противоположные утверждения одинаково правдивы». Это задумывалось еще вполне нравственно. Не так ли, ведь имелось в виду, что не бывает общих правд, а только особенные – в зависимости от точки зрения того, кто узнает правду? Как, однако, если у одного и того же человека есть две точки зрения – и он в зависимости от преимущества выбирает ту из них, которую он хотел бы воспринимать! Не была создана никакая ясная двойственность, которая к одной стороне отыскивает противоположную сторону. Была создана трудно определяемая относительность, которая дает вещам так много сторон, не столько, сколько они имеют, а сколько они отражают. Не хватало только лишь метода. Но и он тоже был предоставлен

философами. Снова это был Протагор, который как софист приписывал красноречию, что оно могло бы сделать более слабую вещь победоносной. Также это еще задумывалось вполне нравственно. Не так ли, ведь имелось в виду, что среди более слабых вещей есть некая лучшая, которой победоносное слово может помочь одержать победу? Но очень скоро сформировалась практика делать более плохую вещь победоносной с помощью риторики. Она формировалась тем легче, чем она того стоила. Не случайно, что софисты были первыми оплачиваемыми среди греческих философов и даже были самыми высокооплачиваемыми. Они зарабатывали деньги своим мышлением. Материализм воззрения всегда ведет к материализму образа мыслей. Это очень человеческое. Но это так.

Все это воспринималось как прогресс. И, все же, это был упадок. Процесс всегда повторялся. Верующие разума, провозвестники Просвещения, носители прогресса обычно в первом поколении были даже великими идеалистами, доверчивыми эмпириками и доброжелательными моралистами, которые были так же убеждены в важности своих познаний, как и в благодеянии, которое они оказывают с ними своим современникам. Но уже во втором поколении выявляется своеобразная и зловещая связь между материалистическим основным воззрением и нигилистской интерпретацией. Одним движением фокусника атомистика исследования ведет к атомизации общества. И с быстротой лицемера рефлексия тогда ведет к диалектике, с которой индивидуалистический человек, который был центром для себя самого, но помимо этого терял свой основной вес, только лишь и мог утвердить себя. У индивидуализма нет несущей силы.

Софисты первоначально не были политиками. Но они создали разложение, в котором после этого осталось только лишь пространство для политики разложения. Они сами, если государственная жизнь касалась их, обладали скорее аристократическими, нежели демократическими предпочтениями. Все же, они прежде всего были гражданами мира, которые лучше всего жили в Афинах, в городе образования и всех умственных и чувственных наслаждений, конечно, также большого греческого самообмана, крайней политической глупости и последней национальной измены. Линия от софистов ведет непосредственно к эпикурейцам. И, наконец, они растворились в эллинском рассеянии, в котором эллинистический человек был все еще уважаем, пожалуй, из-за его прошлого, но был презираем из-за его современности.

Только стоицизм обновил человеческое достоинство. Только стоики снова сделали человека ответственным за его мысли и поступки.

Но городом этого самосознания был Рим. Он определял каждого римского офицера. И он руководил еще последними римскими императорами.

Это был город государственного народа.

VI

Место начала современного либерализма лежит там, где индивидуум вырвался из средневековых связей. Либеральный человек потом говорил: где он освободился от них. Уже это свободомыслие было обманом.

Те связи были достижениями. Это были церковные, государственные и, наконец, готические связи, которые на тысячелетие положили конец античному распаду. Это были большие достижения, которые в средневековье значили то, что позже по намного меньшему масштабу, который применяли к гораздо меньшим вещам, называли «прогрессом». Люди этих достижений твердо стояли в связях, которые они создавали, и они создавали эти связи, так как они твердо стояли в них. Они росли в них. Они поднимались с ними. Средневековые связи были могущественным фундаментом могущественных воздействий. «Свобода», тем не менее, о которой Никто не говорил просветительно, так как все владели ею творчески, была чудесно сохранена у людей таких достижений: как воля в деятельности.

Но за этим могущественным временем последовало поколение распада. Сначала индивидуализм усилил центр, которым человек владел в его связях, центром, которым он владеет в себе самом. Он получил через гуманизм сознание особенного человеческого достоинства. И индивидуализм образа жизни получил в эпохе Возрождения свою меру, свою форму, свою классическую позицию. Люди Ренессанса еще раз брали у литературы древности силу, в которой они, как они думали, могли нуждаться как в образце. Ренессанс как повторная связь с прошлым был последней попыткой, которую люди предпринимали в уверенном чувстве, что они вообще должны были иметь основу, если жизнь не должна была распадаться. Но люди оставались творческими только так долго, пока народы были творческими. И теперь народы образовали общество, которое отделялось от народа. От избытка полноты жизни осталась, в конце концов, только жажда развлечений. Монументальное искусство постепенно превратилось в декоративный вкус. И мышление полностью было выброшено из его универсальных дорог и оттеснено на специализированные рельсы, в узком конце которых стоит больше не увиденный космос, а эксперимент и, где возможно, статистика. Люди этих столетий пришли к разнообразным химическим, физическим, математическим, астрономическим и, наконец, социологическим результатам. Но они не получили силу познания, которая сказала бы их интеллектуальному усилию, что все эти результаты всегда означают только ознакомление с частью природы. Они скорее делали из них самоцель, которая непосредственно из мозга направляла мнимый свет на мнимую правду. Они называли это просвещением.

Человек был вверен его разуму. И разум был предоставлен самому себе. Он заменил открытие опытом. Он больше не слушал. Он только лишь наблюдал. Он больше не делал догматические выводы, как делала вера. Он больше не делал также визионерские выводы, как мистик. Он также не делал идеалистические выводы, как гуманизм. Он теперь делал критические выводы: «нет никаких естественных идей» – «Бога нет» – «человек не свободен». Это были просто громкие отрицания. Но это были – ха! какие открытия! Люди не видели, что нападали только на имена, в то время как сами явления оставались. Не догадывались, что мир становится тем чудеснее, чем больше его познают. Не говорили себе, что перемещаются только лишь на переднем плане вещей и что отказывались от какого-либо доступа к их заднему плану, который отодвигали в совершенно непостижимое, о котором вообще больше не заботились.

Однако человек этого Просвещения в высокомерии разума, которое осталось характерным для него, выводил из него право отделиться от своих последних связей. Он отвязывался от них. И он расторгал их. Он не считался с последствиями. Он предоставлял жизнь предоставленному самому себе разуму. Он знал, что он делал. Или он не знал этого? Он делал благоразумное. Или не делал? Об этом мы должны спросить либерализм, который принял, наконец, как партия всех просветителей оправдание Просвещения.

Среди открытий разума самым роковым было то, что человек не свободен. Напрашивалось бы, чтобы разум, который еще обладал рассудком, этого несвободного человека еще крепче приобщил к государственным связям. Вместо этого требовали, чтобы как раз Он, которого осознали как биологически несвободного, стал не только индивидуально, но и политически свободным.

У следствия были все признаки глупости предвзятой точки зрения, но также и уже целенаправленной дезориентации. У него были признаки либерализма, который принимал каждое противоречие и позволял происходить любому разложению, если только вместе с тем можно было хоть как-то связать лозунг свободы.

Либерализм начинался с фальшивого понятия свободы, которое он понимал неправильно уже тогда, когда он создавал его. И он закончился фальсифицирующим понятием свободы, которым он также еще пользовался в будущем, когда он уже ничуть не защищал свободу, а занимался получением выгоды.

Между этим лежит вся ошибка людей.

И кое-какое преступление.

VII

Просвещение было делом Запада.

Оно было делом Англии, Франции и с оговоркой возражения также делом Германии.

Англичане всегда говорили о свободе. Но они для своей собственной свободы действовали против любой другой свободы. Они рано выработали свой собственный образ мыслей, который основывался на подмене понятий, и предположили одной вещи, о которой шла речь, преимущество, которое можно было извлечь из нее.

В этом не было никакого лицемерия. Это только воздействовало как лицемерие. Да, в этом даже была скорее удивительная наивность, которая подходила к вещам со свойственной от природы беспощадностью. Все же, английское сознание ничего не знало об этом. Английская соль была глупа, и очень часто ее наивысшим умом было как раз то, что она была так глупа.

Воля действовать целесообразно из такой последовательности мыслей при подмене точек зрения, смотря по тому, шла ли речь о чужих или о собственных целях, привела Англию, наконец, к особенной практической логике. С Ренессанса макиавеллизм проникал в английское мышление, которое было слишком приказное и безусловное, слишком уверенное в себе и бесцеремонное, чтобы довольствоваться рассуждениями о хитрости и силе. Макиавеллизм был энтузиазмом, выражением отчаяния и почти безнадежным патриотизмом. Практичная Англия заботилась, прежде всего, о том, чтобы были готовы средства для применения учения. Когда был поднят вопрос, что такое свобода, Гоббс дал ответ: Свобода – это власть. Это был ответ реалиста в политике, позитивиста, первого тори. С Гоббсом Англия защищалась от Просвещения. Просвещение защищалось здесь от себя самого. Теперь английские мыслители могли предаваться своим либеральным рассуждениям. На вопрос, что же все-таки такое власть, политический аморалист, который сидит в каждом англичанине, находил ответ, который помогал успокоиться либеральному моралисту, который также сидит в каждом англичанине: Власть – это право. Без этого ответа совесть ни одного вигана не могла бы спокойно спать, но с нею она спала превосходно. Не настолько ли сильно власть является правом, что она может даже предшествовать праву, чтобы при этом право не прекращало быть правом? Итак, утверждали собственное право и не считались с чужим правом. Также эта последовательность мыслей казалось англичанам всегда очень естественной. В конце концов, право или неправомочность – это было общим благом страны, ради воли которой ее люди нуждались во власти.

Если требовалась еще связь, то она лежала в исключительности, с которой английское мышление обращалось к утилитарной точке зрения. Утилитаризм был английской национальной философией. С пользой можно было обосновать, прежде всего, прогресс, который был любимым представлением Просвещения. Все же, особенно выгоден был этот прогресс, если он совершался к собственной пользе и во вред чужим. С точкой зрения пользы можно было оправдать любой оппортунизм, и тогда точка зрения оправдывала отсутствие точек зрения, и отсутствие точек зрения потом опять оправдывало точка зрения. Английская партийная жизнь была как минимум так полезна именно потому, что она разрешала отдельным личностям или группам переходить от одной точки зрения к другой, если это со временем становилось полезно, нет, необходимо, и при этом от принципа партий не нужно было отказываться на словах – с которыми скорее по-прежнему усердно заверяли в этом принципе. И парламентаризм, к которому эта партийная жизнь приспособлялась с гибкостью, которая в Англии до сего дня ни разу не отказывала, похоже, был выдуман только для того, чтобы в любое время можно было найти конституционно-правовую возможность прикрыть жесткие мероприятия либеральными двусмысленностями.

Английский либерализм был первоначально очень законным, он задумывался очень честным, порядочным и чистым. Один из английских вольнодумцев обобщил однажды высшее проявление всего английского духа в аллегорической и почти гигиеничной формуле: свобода, правда и здоровье! Идея равенства, или тем более братства, никогда не пришла бы в голову англичанину. Но также и три требования его либерализма он поддерживал только до совершенно определенной границы. За этой границей английская действительность была резкой и безжалостной. Англия позволяла происходить некоторым искажениям свободы. Англия всегда только так долго терпела правду, пока общество не разоблачалось. И страна пауперизма приняла даже нечистоту, до тех пор, пока бедность, из которой она происходила, касалась только слоев, которые не могли стать опасными для государства. Английские либералы молчали об этом, пока это было приемлемо. Английские либералы всегда были доверчивыми и доброжелательными людьми. Но они были также большими глупцами и старыми детьми, которые охотно принимали симуляции. Когда Бентам возвышал утилитаризм до системы, там он поистине предавался самообману, что эгоизм, исходя из которого, он объяснял инстинкт пользы, если бы только каждый понимал его правильно, привел бы к всеобщему благу. Существует либеральное поглупение, которое одобряет любую мысль, если только она «свободна», и вдвое лучше, если она, кроме того, еще и «полезна». Но, однако, Бентам очень близко подошел к психологии английского утилитаризма, когда он выводил чувство пользы из инстинкта желания, когда он объяснял долг [,] совесть и самоотверженность из интереса человека и говорил о своем собственном учении, что оно определено «регулировать эгоизм». Он вместе с тем принимал эпикурейскую линию, ко-

торая всегда проходит рядом со стоической. Здесь она создавала тщеславие, которое стало трезвой добродетелью всей нации, и позволяло каждому политическому англичанину с почти садистским наслаждением всюду в мире регулировать английский интерес. Но она создавала также упругую силу, холодную и жесткую, чрезвычайно бесцеремонную самоочевидность, которая никогда не отрицала своей ограниченности, но, так как она была так полностью настроена на пользу, которая защищала нацию от вреда, а также от изнеженности.

Англичане не замечали, какое самообвинение лежало в этой исключительности, с которой они обращались к своему утилитаризму. При случае всё ещё существовала английская честность, которая решала не по преимуществам, а по делу. У Бёрка было мужество во время борьбы против Америки выступить в парламенте за американцев. Но Бёрк был консерватором. Ту английскую честность все еще можно было найти скорее среди тори, чем среди вигов. Также сегодня нужно говорить в опровержение, что английский либерализм, который осуждает мир Версаля, скорее не может приниматься всерьез политически, чем когда его приговор состоит не только из слов. Асквит очень живо сетовал на то, что мирный договор получился именно таким, каким он получился; и он так же словоохотливо сожалел, что его партия не знала раньше, каким он получится, чтобы она смогла заблаговременно воздействовать для достижения другого результата, нежели тот неодобряемый результат, перед которым она стоит теперь. Но эта словоохотливая живость свидетельствует только о либеральной неуверенности, которая вовсе не приходит к мысли применить теперь все усилия для действия, которое не довольствуется результатом, а отменяет его. Вместо этого она снова выдвигает на первый план образ мыслей – и позволяет пользе спокойно бежать рядом.

VIII

У французского Просвещения был более духовный корень. Он лежал уже в средневековом рационализме, в казуистике парижской схоластики, в учении о двойной теологической и философской правде. Но как взгляд на жизнь это Просвещение также пришло из эпохи Возрождения, и до тех пор, пока скепсис французов сохранял ухоженную грацию Монтеня или великую безвредность Рабле, оно оставалось на остроумно мудрой поверхности, на которой играли его наблюдения. Но гуманизм принес также недоразумение, которое, наконец, стало роковым в революции: из человеческого достоинства стали права человека! Немецкому, прусскому Просвещению потом пришлось несколько постараться, чтобы снова поддержать линию, которая ведет от Лютера к Канту, и, по крайней мере, восстановить обязанности в сознании людей.

Во времена Ренессанса бытие было полно страстей, могущественные люди придавали жизни форму, а также политика определялась инстинктами, которые изживали себя. Так Макиавелли написал свой учебник, гнусный и великолепный, преступник из патриотизма и из честолюбия для Италии, в своей честности совершенно нелиберальный человек. Но потом к людям пришло переутомление. Чувственность, которая была растрочена на Юге, осталась на Севере немцам, и мы видим, как она еще раз ожила в великих сангвиниках барокко, думаем ли мы теперь о Лейбнице, или о Великом курфюрсте [Фридрих Вильгельм I], или о великих архитекторах. Но Западу с его жирными и бледными королями и его пританцовывающими и подшучивающими философами оставался только разум как эпикурейская замена, и французы тотчас потребовали его для себя. Если Ренессанс открыл человека как микрокосм, то Просвещение открыло его как материю. Теперь было сделано то большое открытие, что человек не свободен. И из этого был сделан тот вызвавший аплодисменты вывод, который навсегда запомнится своей нелогичностью, что он должен стать политически свободным. Однако наряду с этим открытием несвободы произошло другое открытие. Это было открытие того факта, что этот тот же самый несвободный человек все, что он делает, делает из корысти. Вольтер определенно называл корысть «средством для нашего сохранения». И он говорил о ней: «она необходима, она дорога нам, она приносит нам удовольствие, и ее нужно скрывать». О последнем основательно позаботился либерализм. Он также здесь снова выдвинул понятия, на самом вершине которых стояло человечество. И во всех случаях, когда у либерального человека была какая-либо причина скрывать какие-нибудь вещи, которые, однако, нельзя было скрыть, он защищался принципом, который был введен им и после «понять все» означал также «простить все».

Англичане включили человеческое тщеславие в свое чувство собственного достоинства. Французы ввели его в свое самодовольство. Более оживленная и более страстная нация не довольствовалась трезвой и калькулируемой пользой, которую извлекала Англия из умного применения либеральных принципов. Англичане добивались этой пользы более безмолвно и пожиная плоды, но тем более уверенно. Французы, напротив, хотели иметь также славу за это. Они желали быть нацией, которая только придаст новым понятиям их историческое величие. Они стремились придать сухости материала обаяние остроумного обращения, которым как раз и был их национальный талант. Поэтому они с серьезностью занялись представлениями английского Просвещения, которые Монтескье и Вольтер привезли им из своих поездок в Лондон: с очень большой серьезностью, которая должна была быть услышана повсюду в мире, которая сделала Францию темой бесед и привлекла интерес людей к Парижу.

Однако просветители сами стали жертвами своего просвещения. В конце концов, дворянство и духовенство, двор и салоны, даже сам король стали его

жертвами. От всех этих кругов, которые давно утомились от наслаждения жизнью, по стране как самое новое и самое последнее наслаждение пошла всеобщая человечность. Простой человек был открыт. И он считался лучше, чем он был на самом деле. Уже из-за того, что положение с финансами страны ухудшалось, занялись политической экономией. И так как положение ухудшалось с собственными финансами, занялись личными спекуляциями. Теперь даже классическими исследованиями пренебрегали и предпочитали экономические. Государством, однако, были по очереди выполнены все требования, которые выдвигал Вольтер, будь-то свобода зерновой торговли, которую ввели, или свобода прессы, которую предоставили. Всюду льстили третьему сословию, хотя оно до тех пор ни требовало этого, ни заслужило. Редко разум в мозгу одного класса причинил большее опустошение, чем происходило здесь в просвещенном обществе французского народа. То, что оно делало, оно делало против самого себя. Но оно делало это, так как было либеральным – пока оно от имени прав человека и под безграничным господством либерального государственного идеала, который стал революционным государственным идеалом, не было преследуемо, лишено собственности и убито тем же третьим сословием, которому оно только что сказало, что то вообще обладало правом на особые права человека. Очень несоразмерно число аристократов, которые, начиная с герцога де Ларошфуко, способствовали умственному ослеплению нации и до герцога де Сен-Симона набрасывались на нацию с прогрессивными направлениями мысли. Большой благородный остаток утонул, конечно, в остатке большей простоты. Придворный склонился перед литератором. Офицер ничего не стоил в сравнении с ученым или профессором. Гордое французское дворянство поглупело в литературной моде рококо. Оно прекратило быть благородным, и стало разукрашенным, манерным, недостойным, по-бабьи глупым. Это было то же самое дворянство, которое разбежалось в Росбахе после самого позорного поражения, и которое позже в Кобленце вело себя крайне недостойно.

Так наступило время для Франции, что с революцией, наконец, поднялись новые люди. Поднялась другая раса. Тогда это почувствовали очень точно. Еще Монтескье говорил об отцах нации, которые жили по ту сторону Рейна. Но уже Вольтер насмешливо спрашивал, точно ли известно, что такой француз не происходил скорее из бедной галльской семьи. И теперь Сийес требовал, что нужно прогнать внуков франкских завоевателей назад в их леса. Конечно, теперь снова оказался прав Цезарь, который когда-то подчеркивал все рискованные качества галльского населения. Вновь в революции пробилась их непредсказуемость, их нерешительность, но также и их самонадеянность. Образовалось новое национальное самосознание. Оно было жестоким и животным. Оно было настолько полно инстинктов, как когда-то могли быть национальные культы друидов. Французы, кажется, только и ждали того, чтобы Руссо провозгласил суверенитет народа. Теперь этот суверенитет выплеснулся на улицу, чтобы

каждого француза, который не хотел покоряться общей воле, «принудить быть свободным»: «Народ не ошибается». В Семнадцати статьях прав человека и гражданина, которые, впрочем, взяли из американской конституции, стояло наряду со свободой понятие, которое нужно было сохранять без срока давности: это была собственность. Имели в виду не ту собственность, которую получали в наследство. Подразумевали собственность, которую приобретали себе. Подразумевали собственность новых богачей, которые от революции во имя свободы [,] равенства и братства делили богатство Франции. Обеспечение защиты этой собственности тотчас стало единственной заботой французского либерализма.

Но одного только понятия собственности не было достаточно французскому национальному честолюбию. Французы никогда не обладали честностью англичан, чтобы так же открыто признать себя сторонниками владения, как Англия признала себя сторонницей пользы. Они никогда не разработали ни философию ренты, ни психологию рантье. Они как нация воплощали самое мелочное чувство собственности, но для их сознания они нуждались в более красивых словах. Довольно долго понятие добродетели было для этого достаточно хорошо. Но, все же, наконец, они решились на свободу. Кондорсе писал в манифесте 1791 года: «Французская нация навсегда отказывается от всех захватнических войн; она никогда не хочет направлять свою силу против свободы другого народа; это святой обет, с помощью которого мы связали наше счастье со счастьем всех народов». Точно так же говорили Бутру и Бергсон во время мировой войны. Но уже Бонапарт заменил нации, которую он выбрал себе в качестве средства для своих целей, *liberté, égalité* и *fraternité* на *gloire* (славу). И нация последовала за ним: «Народ не ошибается». Но когда эпопея закончилась, тогда нация снова приветствовала своих Бурбонов.

Она приветствовала также Герцогов Орлеанских. Наконец, она приветствовала Наполеона III. Довольно долго казалось, как будто бы буржуазный король – это правильный монарх для них, приветливый мужчина под зонтом *juste milieu*, человек в круглой шляпе, к близким знакомым которого относились адвокаты и банкиры. Но либерализм еще не окупил свои расходы по счету, который он мог предъявить. Политическая борьба этих десятилетий шла вокруг либерального избирательного закона, который должен был дать также среднему классу право избирать и быть избранным. Это право выбора нужно было защищать как право человека. Итак, либерализм использовал годы Реставрации, чтобы утвердиться: чтобы победить. Он сделал Июльскую революцию. Он сделал Февральскую революцию. И он сделал еще Третью республику. Всегда его целью было: создать совершенно определенному и снова и снова дополнительному слою общества политическую власть, в которой одиночка нуждался ради наслаждения, которое он думал получать из этой власти как ренту. Ради этой цели либералы догово-

рились с клерикалами. Ради этой цели либералы стали националистами. И всегда было достаточно прекрасных слов, убедительного разума, *raison oratoire*, чтобы скрыть настоящие мотивы французской политики. Многословно, в вечной взволнованности, которая воспевала и расхваливала все французское, собственный народ, другие народы заверяли в том, что Франция руководит делом человечества. Думаем ли мы о Гамбетта, или о Буланже, и даже о Клемансо – они все использовали такие слова декламаторского либерализма, который ссылался на право или на свободу и должен был только приукрашивать умысел. Еще сегодня сам Пуанкаре употребляет такие слова, мужчина с тщеславным и трусливым лицом, который подталкивал начало войны, убежал от ее опасностей в Бордо, и теперь играет роль непоколебимого. Он употребляет такие слова и, все же, он знает, что лжет. Но цель оправдывает средства – и эти понятия служат как средство для достижения цели.

IX

Молодежь в Германии чувствует причину обмана.

Она чувствует, что это был обман, который не принес нам свободу, обещанную Западом, но забрал ее у нас.

И она только пользуется своими вечными привилегиями больше не уважать то, что она разгадала, когда она отворачивается от либерализма: того либерализма во всех партиях, кругах и классах, который привел нас туда, куда нас привели – как истощенную, разоренную нацию.

Это всегда было привилегией молодежи – бороться за свободу. Если бы свобода еще была делом либерализма, то молодежь не покинула бы его, а стала бы его сторонницей. Но либерализм больше не имеет ничего общего со свободой. Либеральный человек все еще утверждает, что он – ее призванный адвокат. Но как раз Он – адвокат только в том сомнительном смысле, что он влечет за собой приспособляемость, чтобы в зависимости от своих преимуществ принимать решения в пользу то одной, то другой стороны. Он, самое большее, заигрывает с распущенностью, которой требует для себя художественный, авантюрный и преступный человек. Но, все же, подозрительная близость, в которую вместе с тем сдвигается либеральный человек, показывает только то, насколько его либерализм – это элемент распада, который от образа жизни отдельного человека распространился на сосуществование в государстве. Он сам – чрезвычайно обычный человек. Он смотрит на жизнь в поисках возможностей насыщения. У него нет страстей, разве только те, которые он вкладывает в деятельность, с которой он стремится гарантировать извлечение пользы. Свобода – это для него простор, который он может создать себе для своего эгоизма. Он окружает этот

простор политическими защитными формами, для которых он злоупотребил демократией, и которые он создал в парламентаризме. Либеральный человек – это политический индивидуалист. Он – оппортунист из системы. Либерализм – это охраняемый произвол. И это защитная краска корысти, которая покрывает его.

Молодежь в Германии бросает подозрение на все партии. Она чувствует, что они все виновны, так как они все поддались какому-нибудь либерализму, и даже консерваторы стали неверны себе, были непоследовательны, не иначе как радикалы. Почему не справился Бетман-Гольвег? Не потому ли, что он также как государственный деятель был либеральным человеком? Почему, с другой стороны, не справился немецкий социализм? Не потому ли, что он все время смотрел на Запад, потому что он поддался либеральной нерешительности, и поэтому упустил свой смысл: из революции, которую он должен был воспринять как войну для Германии, снова создать новую связь? Немецкий социализм коренным образом испорчен либерализмом, и еще больше испорчен им внешне-немецкий, прежде всего, французский социализм, который сегодня с сознанием ранты заставляет немецких рабочих идти под гнет Версаля.

Но, прежде всего, подозрение падает на ту партию, которая у нас сама себе дала имя либеральной, свободомыслящей и прогрессивной, и особенно приукрашивала его именем демократической партии. Если пройти ее историю, тогда вы найдете связанные с нею все доверчивости, на которые способен только немец, но также и все упущенные шансы, и запоздалые решения, которые задержали нашу историю. При том своеобразном и пагубном делении, которое из одной и той же основной мысли создает преступление и глупость, немецкому либерализму, кажется, досталась исключительно глупость. Одно дело – либерализм в Европе, другое – либерализм в Германии.

Если на Западе два авгура встречаются друг друга, то они знают, что такое либерализм: политический трюк, с которым выдвинувшееся вверх общество третьего сословия училось обманывать все еще остающийся сердитый надоедливый народ обещаниями 1789 года. Однако мы знаем, чем является свобода западноевропейцев: лозунгом, который из трех лозунгов борцов за права человека еще сохранил привлекательную силу, чтобы привести мелочно опекаемые массы вместо опасных баррикад к более безопасным урнам. С этой свободой можно было достигнуть самого превосходного эффекта. Нужно просто больше не давать отчет об этом понятии, не говоря уже о том, чтобы брать на себя обязательства с его содержанием. Хватало уже одного опьянения этого слова, общепотребительность которого скрывала многозначность, которая подходила ко всем целям. Поэтому в странах Просвещения нет партии, которая была бы не так умна, чтобы называть себя в то же время либеральной. Либерализм – это на

Западе демагогическая самоочевидность политических программ. Радикалы, как и клерикалы, социалисты, как и роялисты во Франции либеральны. Виги [т.е. либералы: Whigs] как и тори в Англии. Обе американские партии либеральны. И различие состоит только в том, что наивные, которые имеются во всех партиях, либеральны добросовестно, из лучших побуждений, двуликие же, напротив, с самым злым умыслом. Но ни одна партия не хочет упустить преимущества быть либеральной – она может связывать, впрочем, с понятием свободы любую несвободу, любую нетерпимость, любое насилие над инакомыслящими, она может там, где либерализм когда-то как карбонаризм связался с национализмом и перенес его принципы с внутренней политики на внешнюю политику, заниматься сегодня этим и отвечать за то, что народы не освобождаются, а поработаются, что государства расширяют свою сферу власти, и пограничные зоны ограничения приходят в упадок. В Германии, напротив, наивная простота в либерализме даже сама стала партией. Его самое большое преступление всегда было его большой глупостью. Мы встречаем эту глупость уже тогда, когда немецкий либерализм прекратил быть тем, чем он был до 1848 года – делом студентов, и после 1848 стал делом публицистов. Тогда немецкие либералы лишили помощи, которую они согласно своим принципам должны были оказывать всему прогрессивному, прежде всего, Фридриха Листа и до смерти замучили этого великого человека своими мелочными сомнениями. В будущем именно Они снова были теми, которые встали перед Бисмарком и подкладывали на путь объединения нации любую трудность, которую только можно было подложить. Незадолго до начала мировой войны они благодаря своим экономистам позволили провозгласить успокоительное учение свободной торговли, что Германия в случае войны будет наиболее благоприятно расположенной страной, так как она почти со всех сторон окружена нейтральными государствами, из которых она могла бы снабжать себя. И теперь, после того, как произошла беда, после того, как оказалась обманутой также надежда на Вильсона, которому никто не верил так твердо как они, там они, пожалуй, горюют, и, поистине, можно услышать запоздалый упрек от демократов, которые, по их убеждению, всегда являются одновременно пацифистами, почему немецкое правительство не воспользовалось единственным шансом русско-японской войны, чтобы устранить восточного континентального врага раз и навсегда. Как будто бы тогда, даже если бы была воля, существовала хотя бы самая незначительная возможность, чтобы убедить рейхстаг, который уже сам по себе как построенное по парламентскому принципу собрание является либерально инфицированным организмом, совершить поступок, который вошел бы в историю!? Но с упреками либерализма дело обстоит так же, как с его извинениями: они взяты разумом из не существующего больше рассудка и сказаны в пустоту голых мнений. Теперь немецкое масонство просит прощения за подтвержденные происки иностранных лож, закликает, что она ничего о них не знала, не говоря уже о том, чтобы иметь с ними какое-то дело. Мы охотно верим в это. У каждой страны есть свое собственное ма-

сонство. Длительное сохранение немецкого легковерия было предоставлено немецким лолам. Так это соответствовало плану, который лежал в основе мировой войны, и это соответствовало, прежде всего, людям, с которыми нужно было считаться. Можно было спокойно предоставить немецкий либерализм самому себе: преступление было уверено, что у него не может быть лучшего союзника, чем тот, которым обычно является глупость.

И потому что молодежь видит насквозь эти обстоятельства в Германии, потому в Германии и нет либеральной молодежи.

Есть революционная молодежь. И есть консервативная молодежь. Но кто захотел бы быть либеральным? Еще есть слабая демократическая молодежь, или, все же, только в южно-немецком смысле естественной основы и сословной общинной жизни, которые сами не являются народовластием, а являются его опорой. Формальная демократия напротив, которая теперь симулирует государство также у нас, в то время как над нами находится только клика, предана презрению, от которого больше нет спасения в длительной перспективе. Молодой консерватор не должен даже доказывать то, что давно прогнозировалось, какие последствия будут в Германии у механического, буквального, персонально-нетворческого осуществления парламентаризма, который, наконец, может только сам себя изобличить в своей неспособности. И так же молодой революционер, который в духовном плане пережил крушение марксизма и остался верным, все же, идее рабочего класса, сегодня уже пришел к тому, что он открыто возводит свое разочарование революцией к своему разочарованию демократией, которая предала все революционные идеи и довольствовалась оппортунистским извлечением выгоды из ее политической мнимой власти.

Если проследовать за причинами, которые привели молодого консерватора, так и молодого революционера к такому примечательному согласию в их оценке, которая является больше, чем просто приговором ситуации, в которой мы живем, а в большей степени приговором точкам зрения, принципам, взглядам и директивам, которые привели к такой ситуации, то мы и там и тут найдем, что в политических мировоззрениях презираемым элементом является именно их либеральное содержание. Это – общее. Это почти только одно общее, которое еще есть в Германии. Это общее нового фронта, который образуется за партиями, и в который силы правых связываются с силами левых, так как именно они и есть силы молодежи в Германии.

Как только произойдет смена поколений, которая в духовном плане заявляет о себе в этой молодежи, не найдется больше никого, кто еще воспримет оправдание либеральных достижений, которым мы, в конце концов, обязаны тем, что

мы не только проиграли войну, но и проигрываем революцию, которую мы хотим выиграть.

Либерализм – это то мировоззрение, нет, это даже тот мир представлений, от которого молодежь в Германии сегодня отворачивается с отвращением, негодованием и особенным презрением, так как нет ничего, что больше противоречило бы ее собственному способу смотреть на мир, и нет ничего, что было бы ей еще отвратительнее.

В либеральном человеке немецкая молодежь узнает врага.

Х

В либерализме гибнут народы. Но как – разве не народы либерализма выиграли мировую войну?

Разве это не те же народы, которые достигли всего в 1918/1920, и которые, во всяком случае, в 1962, когда их счет будет оплачен вплоть до последнего платежа нашей долговой расписки, достигнут всего, что до 1914 года двигало их желания втайне и, если они были достаточно неосторожны, чтобы выразить их, также вслух, когда они думали о Германии?

Мы можем ответить на вопрос сначала только ожиданием того, что гибель, которую готовили нам, падет, наконец, на тех, которые готовили ее. Это ожидание, что этот последний, самый тяжелый и самый наглый удар, которым всегда занимался усердно работающий либерализм, когда он собирал все народы против одного народа, будет также его последним преступлением. Это ожидание, что из мира Версаля изойдет всемирное разоблачение либерального человека, разоблачение, которого либерализм не переживет.

У наших противников есть успех для себя. И у этого успеха есть мгновение для себя. У него нет ничего другого для себя. У него даже есть все остальное против себя. Все же, там кроется тайна, которая не раскроется преждевременно. То, что уже сегодня можно заменить из нее, это новая группировка как людей, так и народов. Мы видим, что все, что хоть как-то не является либеральным, объединяется против всего, что является либеральным. Мы живем во времена этого переворота. И он начинается с крайней последовательности, которая осуществляет фундаментальный поворот и хватает врага там, где находится исходная точка его могущества – этот поворот начинается с отказа от Просвещения.

Последняя ценность мировоззрения состоит в его воздействии: поднимаются ли благодаря нему люди вверх или же опускаются вниз. Просвещение сделало из

мыслящего человека расчетливого человека. Оно разложило мир с идеями ради интересов. Оно дегенерировало Европу. Исход мировой войны приносит крушение этого Просвещения. Оно позволяет практическому вычислению английской национальной философии раскрыть его хитрости, то моральное оправдание аморального образа жизни, государственного управления [,] народной опеки, которое в политическом словоупотреблении изобрело для эгоизма кодовое обозначение «утилитаризм». И оно обнаруживает несостоятельность прав человека, с помощью которых французская революция во имя демократии обманом лишила народы их народности, предоставляя поднимающейся политической касте государство для эксплуатации народа. Борьба против Просвещения, которую мы начинаем, будет борьбой против либерализма по всей линии.

Мы узнаем в этой борьбе, насколько малым, все же, было Просвещение как эпоха, каким неважным, без долговременного воздействия и без несущей силы было все, что оно создавало, каким преходящим и недолговечным было все, что оно оставило. Оно принесло свои целесообразные вещи и произвело свои остроумные вещи, из которых первые оставила за собой преимущественно Англия, вторые – преимущественно Франция. Но все великие вещи, которые также теперь еще есть по эту сторону Запада, должны были быть осуществлены вопреки Просвещению. Все значительные люди, мы можем подумать о Гёте, мы можем подумать о Бисмарке, были нелиберальными людьми. Каждое решающее событие, создание власти наполеоновского господства и снова основание Германской империи, было нелиберальным событием. Ранний трюк либерального человека состоял только в этом, что он участвует в этой перемене как извлекающий пользу, на что он потом, возможно, претендовал как на свою заслугу, что он приписывал это Себе как индивидуум, каким он чувствовал себя, и представлял это как дар свободы, хотя это было даром творения, воли и действия.

И, все же, либеральный человек просчитался, когда он этим способом сместил настройку взгляда и отклонился от основы. Он просчитался, так как снова и снова наступает мгновение, когда индивидуум осознает свою беспомощность, отжившее общество распадается на свои омертвевшие составные части, и даже отделившийся человек должен признать то, что он, который поставил себя вне общности, если он хочет жить, зависит от совместной жизни с людьми своего народа.

Это мгновение, когда народы, как и люди, возвращаются к связям, без которых думало обойтись Просвещение, утратившее рассудок ради одного только разума.

Этот момент придет только после самой тяжелой проверки, которая безжалостно ударит как обманщиков, так и обманутых.

Но он придет.

12.2 Список членов «Кольца»

Сотрудники и члены Младоконсервативного объединения и отдельных групп
(приводится в оригинале)

Alten, von, Polizeipräsident a. D.	Bruck, Fritz vom, Direktor	Finkenrath, Dr.
Anker, Kurt, Major a. D.	Bruck, Friedrich Carl vom	Franck, Dr. Herbert
Arnemann, Frll. Hedwig	Brühl, Graf, Landrat	Francke, Dr. Leo
Arnim, Dr. Henning von	Buch, von	Frosch, Hanns F.
Ashelm, Paul, Fabrikbesitzer	Bunsen, Dr. Richard	Gablentz, von der Oberre-
Badorrek, Magistratsrat	Büsselberg, Dr. W.	gierungsrat
Barckhausen, Dr., General-	Cordes	Geddert, Veterinärart
konsul	Cölln, Johann Georg von	Geheeb, Dr.
Bärensprung, von, General-	Cramer, Paul	Gerhardt, Frau Julie
leutnant a. D.	Czernak, Walther cand. ing.	Gerling, Reinhold
Bassewitz, Graf	Daitz, Werner, Generaldi-	Gersdorff, Frhr. von
Baumann, Hans	rektor	Goerdeler, Frau Geheimrat
Becker, Rittergutsbesitzer	Decken, von der, Legations-	Goerdeler, Dr.
Beckerath, Walther von	rat a. D.	Grimm, Hans
Below, von, Rittergutsbesitzer	Dietrich, Dr. Albert	Groeben, Carl-Friedrich von
Bentheim, von	Dohna, Fürstin	der, Rittmeister a. D.
Besser, Regierungsrat	Dohna, Graf Hermann	Gross, Gustav Adolf
Bescherer, Fräulein von	Doering, von	Günther, Alfred, Oberleut-
Best, Werner, Referendar	Dryander, von Geh. Oberre-	nant a. D.
Beveridge, Fräulein	gierungsrat, M.d.R.	Halder, Eugen, Geschäfts-
Biedermann, Lothar Frhr. v.	Eddelbüttel, H.	fürher
Birckhahn, Frau E.	Ehrenforth, Dr. Fritz	Hamel, Generalkonsul
Blanck, Dr.	Eichelbaum, Dr. Studienrat	Harnisch, Dr. Wolfgang
Blankensee, H. H. von	Eisenhardt-Rothe, von, Ge-	Harsdorf, Frhr. von
Bleibtreu, Carl	neralleutnant a. D.	Haupt, Dr. med. vet.
Bloch, Ludwig	Elbrechter, Dr.	Heinemann, Dr. Bruno
Blüher, Hans	Eltz-Rübenach, Frhr. von	Heiß, Hauptmann a. D.
Bogen, von, Oberstleutnant	Erler, Adalbert, cand. iur.	Helferich, Dr. Hans, Finanz-
a. D.	Ernst, Paul	rat
Booz, Major a. D.	Ernst, Dr. Robert	Helmbold, Heinrich, Inge-
Brill, Dr. Carl	Erleben, von, Fideikom-	nieur
Brauweiler, Regierungsprä-	mißbesitzer	Helmolt, Professor Dr.
sident a. D.	Eulenburg-Hertefeld, Fürst	Herricht, Günther
Briesen, von, Major a. D.	Eulitz, von, General a. D.	Henne, Werner, Kaufmann
Broock, Erich	Faerber, Wilhelm, Studien-	Henningsen, Rektor
Broecker, W., Rittergutsbe-	rat	Hessdörfer, Rechtsanwalt
sitzer	Falk, Arthur	Heubel, Dr., Generaldirek-
	Fabel, Dr., Syndikus	tor

Hoffmann, Dr.	Langen, Julius	Neumann, Rudolf, Geschichts-
Hoffmann, Dr. Carl	de Laporte, Dr.	führer
Honig, Rittergutsbesitzer	Laeuen, Dr. Harald	Nehring, Joachim
Hugle, Dr.	Launer, Major a. D.	Neumann, G., Referendar
Hultsch, Helmut	Ledeboer, Rudolf, Domä-	a. D.
Jünger, Ernst	nenpächter	Niemöller, Werner
Käding, Hans, stud.	Leegers, Dr.	Nieß, Hans
Kalckstein, von, Rittergutsbe-	Leidenfrost, Pfarrer	Oheimb, Baron
sitzer (Jarfft bei Bladiou)	Lengning, Direktor	Oldag, Dr. Harald
Kalckstein, von, Ritterguts-	Lenz, Professor Dr. Fried-	Ordas, Oberingenieur
besitzer (Boenkeim b.	rich	Oertel, Oberregierungsrat
Mühlhausen)	Lilienthal, Erich	Otto, Rolf
Kalokstein, von, Ritterguts-	Lippe, Prinz Friedrich Wil-	Pechel, Dr. Rudolf
besitzer (Keimkallen)	helm zur	Pferdmenges, Robert
Kampmann, Niels	Lobach, Hauptmann a. D.	Pertersdorff, Hauptmann
Kapp, Rittergutsbesitzer	Loeben, von, Oberst a. D.	a. D.
Karras, Rechtsanwalt und	Luckow, Erich	Port, Dr.
Notar	Lufft, Dr. Hermann	Pröbster, Konsul
Katsch, Dr. Hermann	Lutz, Wilhelm	Prüssing, Ernst F. W.
Kautter, Eberhard, Kapitän-	Mahnken, H., Studienrat	Pretzell, Rittmeister a. D.
leutnant a. D.	Mangelsdorff, Ingenieur	Pufendorf, Ulrich Frhr. von
Keppler, Hans, Bankdirek-	Männel, Martin, Zahnarzt	Pühler, Direktor
tor	Mannhardt, Frau Hedwig	Quester, Dr. Heinz
Kiekebusch, Heinz	Marquardt, W., Lehrer	Reibnitz, Eugen Frhr. von
Kiep, Hauptmann a. D.	Marte, Dr.	Reichert, Dr. J., M. d. R.
Kiesker, Hans	Martens, Amtsgerichtsrat	Reichert, von, Oberstleut-
Kiffmeyer, W.	Massow, Wend von	nant a. D.
Klawitter, Fritz	Matschenz, Direktor	Reuter, von, Generalleutnant
Klawitter, Willi, Präsident	Melcher, Apotheker	a. D.
der Handelskammer	Mewes, Dr.	Rheden, H. von, Ritterguts-
Klingspor, Hermann, M. d. R.	Meyer, Dr. Max	besitzer
Klinkenberg, Dr.	Michael, E.	Rhetz, A., Regierungsrat
Knebel-Döberitz von	Michaelis, Studienrat	Rheinhaben, Hans Frhr.
Knobbe, Frau Generalleut-	Mielecke, Walther, Kataster-	von
nant	direktor	Rhoeden, Eckhart von
Koch, Walther	Mirbach, Clemens Frhr. von	Richter, Rechtsanwalt
Koehler, Stadtrat a. D.	Mißmahl, Fritz, Referendar	Riepe, Landesbaurat
Kriek, Dr. Ernst	Mittelstenscheid, Hans	Riewers, Apotheker
Kries, Dr. Wilhelm von	Moeller, Hans Carl	Hinkel, H., Rittergutsbesit-
Krosigk, R. von	Moeller van den Bruck,	zer
Krosigk, von, Regierungsrat	Frau	Rogge, Dr. Heinrich
Kühn, Frau Dr. Lenore	Müffling, Carl Frhr. von	Ronsieck, Hans
Kummer, Dr. von	Müller, Erich	Rosén, Olaf
Kurella, Dr. med. Hans	Müller, Konrad	Rost, Fräulein Ita

Rudloff, Kurt	Seuffert, Rechtsanwalt	Truhart, Herbert von
Rümker, Dr. Joachim von	Siebert, Fräulein Elisabeth	Tschammer, von, Rittergutsbesitzer
Salz, Walter	Soergel, Hans, Dipl.-Ing.	Unterberger, Otto
Saenger, Major a. D.	Sperber, Frau von M. d. R.	Urff, von, Rittergutsbesitzer
Schack, von, Senatspräsident a. D.	Springer, Stephan	Vetter, Major a. D.
Schaffer, Dr. Wilhelm	Stangen, Karl	Vietinghoff, Dr., Baron von
Schauwecker, Franz	Stauffenberg, Frhr. von M. d. R.	Voigtländer, Frh. Emmy
Scheffer, Dr.	Stein, von	Vogel, Professor Dr.
Scheller, von, VerwaltungsgERICHTSDIREKTOR	Steinbömer, Dr. Gustav	Wagner, Major a. D.
Schicketanz, Kurt	Steinberg, Dr.	Waldheim, Harald von
Schiele, Dr.	Steiner, Fritz	Wartenberg
Schierenberg, Dr. Rolf	Steinen, Helmut von den	Weber, Dr. Siegfried
Schlichtung, Elise, Frau Kommerzienrat	Steltzer, Landrat	Weber, Dr. Friedrich
Schlieffen, Siegfried Graf	Stier, Dr.	Wenig, Kapitänleutnant a. D.
Schlüter, Hugo	Stockhausen, von, Oberst a. D.	Weißborn, Fräulein Margarete
Schmidt, Fräulein Anneliese	Stolberg, Graf von	Wemer, Hauptmann a. D.
Schmidt, Paul Verleger	Strasser, Dr. Otto	Wesendonk, Generalkonsul
Schroeder, Emil	Strauß, Dr. Emil	Weström, Rittergutsbesitzer
Schroeder, Georg, stud.	Struntz, Dr.	Weth, Fritz
Schroeder, Herbert	Struwe, Frau	Wiebling, Kapitän a. D.
Schulte, Albert	Stumpfheldt, Wolf von	Wiese, Gutsbesitzer
Schulz, Walther	Tiessen, Professor Dr.	Wiest Hugo
Schulze, Dr. Paul, Studienrat	Tirpitz, von, Großadmiral a. D.	Wilamowitz-Möllendorf, Dr. von
Schwanke, H., Rittergutsbesitzer	Tonnesen, Pastor	Wilkins, Landrat a. D.
Schwarz, Horst, cand. iur.	Trautmann, Oskar, Botschaftsrat	Wrede, Clemens Frhr. von
Schwerin, Graf	Trenck, von der, Rittergutsbesitzer	Wirths, Dr. Werner
Schwinges, Hans M.	Treviranus, Kapitänleutnant a. D.	Zerboni, von, Major a. D.
Seebohm, stud.		Zietz, Wilhelm
Sell, Frhr. von		Ziesché, Professor Dr.

12.3 Список референтов «Политического колледжа» в 1922/23

Политический колледж, Институт Национальной политики, учебный год с 13 ноября 1922 по 18 мая 1923. – Доценты и их лекции:

Профессор доктор Отто Аухаген: «Мировой кризис в его отношении со средне-европейским и восточноевропейским сельским хозяйством».

Главный редактор Пауль Бэкер, профессор доктор Мартин Шпан, доктор Вальтер Шотте: «Кризис немецкого газетного дела».

Доктор Генри Бенсен: «Баланс экономики», «Вопрос валюты».

Доктор Макс Хильдеберт Бём: «Европейская ирредента», «Вопрос о вине за мир».

Доктор Хайнц Браувайлер: «Состояние профессионально-сословной проблемы».

Доктор Карл Георг Брунс: «Польша».

Профессор доктор Фридрих Брунштэд: «История политических и социальных идей и теорий».

Отто де ла Шеваллери: «Студенческое молодежное движение».

Профессор доктор Людвиг Куртиус: «Политика и культура», «Общественное мнение и фельетон (с упражнениями)».

Доктор Альберт Дитрих: «Образовательный и научный кризис наших дней».

Доктор Ойген Фишер: «Лига наций и идея всемирную государства».

Правительственный советник доктор Фрёлых: «Имперская железная дорога и техника».

Ландрат доктор Гереке: «Земли, административные учреждения и организация общин».

Доктор Генрих Геррфардт: «Идея рабочей комиссии в административной политике наших дней».

Профессор доктор Отто Хёцш: «История новейшего времени», «Россия», «Чехословакия».

Доктор Карл Хоффманн: «Англо-французские противоречия».

Профессор доктор Каро: «Вопрос ответственности за войну».

Генерал фон Куль: «Военное дело и ведение войны во время мировой войны и его дальнейшее развитие».

Доктор Пауль Лежён-Юнг: «Промышленность и торговля».

Профессор доктор Фридрих Ленц: «Маркс и марксизм», «Социал-демократия и внешняя политика».

Доктор Карл фон Лёш: «Австрия и вопрос Аншлюса», «Юго-Восточная Европа и Малая Антанта».

Штадтрат Мельцер: «Политические экономические организации».

Доктор Мендельзон: «Сельское хозяйство».

Юрисконсульт ремесленной палаты Менцель: «Центральная Германия».

Доктор Ганс Ёлер: «Швейцария».

Тайный правительственный советник доктор Райнхард Георг Кваатц: «Имперские предприятия и центральные учреждения».

Доктор Олаф Розен: «Культурно-исторические связи Швеции с Германией».

Доктор Вальтер Шотте: «Актуальные вопросы внешней политики с учетом Америки».

Профессор доктор Мартин Шпан: «Учение о внешнеполитическом действии», «Версальский договор и изменение среднеевропейского государственных образований», «Политика французов на Рейне», «Государственная воспитательная воля – национальный воспитательный долг: школьная проблема».

Доктор Эдуард Штадтлер: «В потоке немецкого государственного образования».

Профессор доктор Фер Хеес: «Фламандский вопрос».

Профессор доктор Фогель: «Географические основы политики».

Профессор доктор Курт Цише: «Факты, дух и общество».

13. БИБЛИОГРАФИЯ

13.1 Вторичная литература

Breuer, Stefan. Anatomie der Konservativen Revolution. Darmstadt, 1993.

Clemens, Gabrielle. Martin Spahn und der Rechtskatholizismus in der Weimarer Republik. Mainz, 1983.

Epstein, Klaus. Die Ursprünge des Konservatismus in Deutschland – Der Ausgangspunkt: Die Herausforderung durch die Französische Revolution 1770-1806. Frankfurt, 1973.

Feldbauer, Gerhard. «Juni-Klub». In: Die bürgerlichen Parteien in Deutschland: Handbuch der Geschichte der bürgerlichen Parteien und anderer bürgerlicher Interessensorganisationen vom Vormärz bis zum Januar 1945. 2 Bde. Leipzig, 1968/70. Bd. 2, S. 244-249.

Goedel, Denis. Moeller van den Bruck (1876-1925), un nationaliste contre la révolution: Contribution à l'étude de la «Révolution conservatrice» et du conservatisme allemand au XXe siècle. Bern, 1984.

Greiffenhagen, Martin. Das Dilemma des Konservatismus in Deutschland. München, 1971-

Grunewald, Michel. Moeller van den Brucks Geschichtsphilosophie. Bern, 2001.

Ishida, Yuji. Jungkonservative in der Weimarer Republik: Der Ring-Kreis 1928-1933. Frankfurt, 1988.

- Lauryssens, Stan. *The Man Who Invented the Third Reich: The Life and Times of Arthur Moeller van den Bruck*. Stroud, Gloucestershire: Sutton, 1999.
- Maaß, Sebastian. *Die andere deutsche Revolution: Edgar Julius Jung und die metaphysischen Grundlagen der Konservativen Revolution*. Kieler Ideengeschichtliche Studien 1. Kiel, 2009.
- Möhler, Armin. *Die Konservative Revolution in Deutschland 1918-1932*. 1. Aufl. Stuttgart, 1950.
- Möhler, Armin, u. Karlheinz Weißmann. *Die Konservative Revolution in Deutschland 1918-1932: Ein Handbuch*. 6. Aufl. Graz, 2005.
- Möhler, Armin. „Deutscher Konservatismus seit 1945.“ In: Gerd-Klaus Kaltenbrunner (Hrsg.). *Die Herausforderung der Konservativen: Absage an Illusionen*. München, 1974. S. 34-53.
- Möhler, Armin. *Von rechts gesehen*. Stuttgart, 1974.
- Nolte, Ernst. *Nietzsche und der Nietzscheanismus*. 2. Aufl. München, 2000. [1. Aufl.: 1990.]
- Petzinna, Berthold. *Erziehung zum deutschen Lebensstil: Ursprung und Entwicklung des jungkonservativen „Ring“-Kreises 1918-1933*. Berlin, 2000.
- Rödel, Helmut. *Moeller van den Bruck – Standort und Wertung*. Berlin, 1939.
- Schoeps, Manfred. *Der Deutsche Herrenklub: Ein Beitrag zur Geschichte des Jungkonservatismus in der Weimarer Republik*. Erlangen, 1974.
- Schwierskott, Hans-Joachim. *Arthur Moeller van den Bruck und der revolutionäre Nationalismus in der Weimarer Republik*. Göttingen, 1962.
- Sontheimer, Kurt. *Antidemokratisches Denken in der Weimarer Republik*. 4. Aufl. München, 1994. [1. Aufl.: 1962.]
- Stapel, Wilhelm. „Kann ein Konservativer Gegner des Christentums sein?“ In: *Deutsches Pfarrerberblatt*, 1950 (51. Jg.), S. 323-332.

13.2 ИСТОЧНИКИ

- Boehm, Max Hildebert. „Moeller van den Bruck im Kreise seiner politischen Freunde.“ In: *Deutsches Volkstum*, Nr. 34 (1932), S. 695.
- Boehm, Max Hildebert. *Ruf der Jungen*. Berlin, 1920.
- Boehm, Max Hildebert. *Europa Irredenta*. Berlin, 1923.
- Boehm, Max Hildebert. *Die deutschen Grenzlande*. Berlin, 1925.
- Boehm, Max Hildebert (Hrsg.). *Kleines politisches Wörterbuch*. Leipzig, 1919.
- Boehm, Max Hildebert. *Körperschaft und Gemeinwesen*. Leipzig, 1920.
- Boehm, Max Hildebert. *Das eigenständige Volk: Volkstheoretische Grundlagen der Ethnopolitik und Geisteswissenschaften*. Göttingen, 1932.
- Boehm, Max Hildebert. *Der Bürger im Kreuzfeuer*. Göttingen, 1933.

Brauweiler, Heinz. Berufstand und Staat: Betrachtungen über eine neuständische Verfassung des Deutschen Staates. Berlin, 1925.

Fichte, Johann Gottlieb. Reden an die deutsche Nation. Berlin, 1808.

Gleichen, Heinrich von. „Jungkonservativ.“ In: *Gewissen*, 6. Jg., Nr. 46 vom 17. November 1924.

Gleichen, Heinrich von. „Staatsführung in Krisis.“ In: [Arthur] Moeller van den Bruck, Heinrich von Gleichen u. Max Hildebert Boehm (Hrsg.). *Die Neue Front*. Berlin, 1922. S. 378-387.

Gleichen, Heinrich von. „Gespräch mit Franzosen.“ In: *Der Ring*, 2. Jg., Nr. 6 vom 10. Februar 1929.

Gleichen, Heinrich von. „Die neue Front!“ In: *Der Ring*, 1. Jg., Nr. 33 vom 12. August 1928.

Gleichen, Heinrich von. „Flucht vor der Verantwortung.“ In: *Der Ring*, 3. Jg., Nr. 13 vom 30. März 1930.

Gleichen, Heinrich von. „Wir warnen!“ In: *Der Ring*, 3. Jg., Nr. 15 vom 13. April 1930. Gleichen, Heinrich von.

„Hitler entlarvt!: Volksverräterischer Pakt mit dem Herrenklub – Durch Herrn von Gleichen enthüllt.“ In: *Vorwärts* vom 6. Juli 1932.

Jung, Edgar Julius. *Die Herrschaft der Minderwertigen: Ihr Zerfall und ihre Ablösung*. I. Aufl. Berlin, 1927.

Jung, Edgar Julius. *Die Herrschaft der Minderwertigen: Ihr Zerfall und ihre Ablösung durch ein neues Reich*. 2. Aufl. Berlin, 1930.

Jünger, Ernst. *Der Arbeiter: Herrschaft und Gestalt*. Hamburg, 1932.

Moeller van den Bruck, Arthur. *Die italienische Schönheit*. München, 1913.

Moeller van den Bruck, Arthur. *Das dritte Reich*. Berlin, 1923.

Moeller van den Bruck, Arthur. *Die Deutschen: Unsere Menschengeschichte*. 8 Bde. Minden in Westfalen, 1904-1910.

Moeller van den Bruck, Arthur. *Das Recht der jungen Völker: Sammlung politischer Aufsätze*, hg. v. Hans Schwarz. Berlin, 1932.

Moeller van den Bruck, Arthur. *Rechenschaft über Rußland*, hg. v. Hans Schwarz. Berlin, 1933.

Moeller van den Bruck, Arthur. *Der preußische Stil*. München, 1916.

Moeller van den Bruck, Arthur. *Das Recht der jungen Völker*. München, 1919.

Moeller van den Bruck, Arthur. *Der politische Mensch*, hg. v. Hans Schwarz. Breslau, 1933.

Nietzsche, Friedrich. *Kritische Studienausgabe*. Bd. 6: *Der Fall Wagner. Götzen-Dämmerung. Der Antichrist. Ecce homo. Dionysos-Dithyramben. Nietzsche contra Wagner*, hg. v. Giorgio Colli u. Mazzino Montinari. München, 1999.

Schotte, Walther. *Der neue Staat*. Berlin, 1932.

Spahn, Martin. Die deutsche Arbeiterschaft und der Aufbau. Berlin, 1921.

Spahn, Martin. „Die Pariser politische Hochschule und Frankreichs Wiederaufstieg nach 1871.“ In: Grenzboten, 1920.

Spahn, Martin. Für den Reichsgedanken: Historisch-politische Aufsätze 1915-1934. Berlin/Bonn, 1936.

Spengler, Oswald. Der Untergang des Abendlandes: Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte. 2 Bde. Wien/München, 1918/1922.

Stadtler, Eduard. Jugendschicksale 1886-1914. Düsseldorf, 1935.

Stadtler, Eduard. Als politischer Soldat 1914-1918. Düsseldorf, 1935.

Stadtler, Eduard. Als Antibolschewist 1918-1919. Düsseldorf, 1935.

[Велесова Слобода, 2015 г.](#)

Русский Интеллектуально-Познавательный Ресурс
«ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА»

Если вы хотите автоматически получать информацию о всех обновлениях на сайте, подпишитесь на рассылку --> [Новости сайта Велесова Слобода](#).